

[Polaris]

ИЗ

ГЛУБИНЫ ГЛУБИН

Рассказы о морском змее

Том I

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCXLIX

Salamandra P.V.V.

ИЗ ГЛУБИНЫ ГЛУБИН

Рассказы о морском змее

Том I

Составление и комментарии
А. Шермана

Salamandra P.V.V.

Из глубины глубин: Рассказы о морском змее. Том I. Сост. и комм. А. Шермана. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 180 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCXLIX).

«В бинокли и подзорные трубы мы видели громадные раскрытые челюсти с дюжиной рядов острых клыков и огромные глаза по бокам. Голова его вздымалась над водой не менее чем на шестьдесят футов...»

Живое ископаемое, неведомый криптид, призрак воображения, герой мифов и легенд или древнейшее воплощение коллективного ужаса — морской змей не миновал фантастическую литературу новейшего времени. В уникальной антологии «Из глубины глубин» собраны произведения о морском змее, охватывающие период почти в 150 лет; многие из них впервые переведены на русский язык.

В книге также приводятся некоторые газетные и журнальные мистификации XIX-XX вв., которые можно смело отнести к художественной прозе. Издание снабжено подробными комментариями.

© Authors, estate, 2018

© Translators, переводы, 2018

© A. Sherman, состав, коммент., 2018

© Salamandra P.V.V., оформление, 2018

**ИЗ ГЛУБИНЫ
ГЛУБИН**

Между тем вечерело, и стадо морских змей
плыло по морю.

В. Хлебников

Вместо предисловия

Гилберт Кит Честертон

**ЧУДОВИЩА И ЧУДОВИЩЕ,
ИМЕНУЕМОЕ ЧЕЛОВЕК**

В эти дни вся пресса бурлит и булькает по поводу пришествия и появления или погружения и исчезновения Чудовища, которое предположительно обитает (почему именно, лучше известно ему одному) на дне озера Лох-Несс. Мне не стоит и говорить, что подобное Чудовище, будь оно или нет обитателем Лох-Несса, является очень популярным жителем Флит-стрит. Без сомнений, это очень доброжелательное чудище — ведь оно помогло не одному неимущему журналисту тиснуть тут и там несколько абзацев. В величественных образных стихах книги Иова оно кипятит пучину, как котел, да и само бывало причиной многих кипящих строк. Лично меня не очень интересует, так или иначе решится вопрос. Меня интересует спор как таковой, который почти точно следует древнему извилистому следу Великого Морского Змея. Я не склонен так уж волноваться, когда речь заходит об этих предполагаемых животных, и не совсем понимаю, почему все, говоря о них, приходят в такое странное возбуждение. Я не знаю, и мне все равно, живет ли в озере чудовище или в море — морской змей. Но меня очень занимает иное чудовище; гораздо более чудовищное чудовище; чудовище настолько фантастическое, что вполне могло бы заменить монстров сказок и легенд. Это чудовище именуется Человеком, и вместо горбов, рогов и длинных хвостов, какими наделяют подобных созданий, у него имеется аномальный отросток, называемый Головой. В этом наросте, как полагают, содержится некий таинственный принцип под названием Разум; но в последнее время, честно говоря, он стал таким же ускользающим и неуловимым, как чудовище Лох-Несса.

Большинство авторов, в особенности авторов скептического толка, пишут об озерном чудовище почти так же, как о морском змее, то есть в таинственном, мистическом и иррациональном духе. Прежде всего, с самого начала молчаливо выдвигается некое смутное предположение, полностью противоречащее истине и потому заводящее всю дискуссию в тупик; это смутное предположение гласит, что дискуссия посвящена предмету полумистическому. Одна из статей, написанная очень одаренным журналистом, начиналась следую-

щей фразой: «Обращаясь к этим рассказам о призраках или чудовищах...» Хоть убейте, я не в состоянии понять, почему морской змей должен быть мистичней морского слизня. В каком-то смысле все они — существа мистические, ибо тайна Создателя таится во всех Его творениях; но такого рода тайна присуща и мельчайшей креветке, проглоченной курортником в Маргейте. Самая гигантская змея в пучине моря ничуть не более сверхъестественна, чем самая крошечная. Размеры таких существ, плавающих в морских глубинах, могут служить предметом научного обсуждения, но обсуждения *исключительно* научного. Можно верить, что в море есть рыбы побольше, чем когда-либо выловленные человеком, но в этом нет ничего потустороннего. И в предположении, что на дне шотландского озера или где-либо еще обитает колоссальное существо (если такие огромные живые существа возможны) нет ни следа Кельтских Сумерек или гламора гэльского ведовства и ясновидения. Есть там чудовище или нет — вопрос лишь доступных нам свидетельств, и даже сомневающиеся признают, что свидетельства эти довольно весомы.

И здесь я перехожу к одному причудливому свойству, которое обрел Разум с тех пор, как стал называться Современным Разумом. Я говорю это не с издевкой, так как в данном случае дело касается некоторых современных умов, какие действительно можно назвать умами и даже, в определенных областях, лучшими нашими умами. Истина, мне кажется, заключается вот в чем: со времен победы так называемого рационализма мы удачно культивировали что угодно, кроме *разума*. Многие современные умы, не выдающиеся умы, а обычные современные умы, приучены к достаточно тонкому восприятию живописи, музыки или ландшафтов; они умеют различить и даже описать тончайшие детали, которые, вероятно, совершенно ускользнули бы от Аристотеля или доктора Джонсона. Но когда доходит до аргументации, до четких и последовательных доводов, Аристотелю или доктору Джонсону показалось бы, что они попали в детский сад. Доктор Джонсон, надо полагать, решил бы, что очутился в школе для умственно отсталых. Но я воздержусь: не пытаюсь

превзойти доктора Джонсона в талантах и достоинствах, я не стану и без нужды следовать его заблуждениям и преувеличениям. Людей с таким умственным сдвигом не назовешь глупцами; многие из них — блестящие и изощренные писатели, и до их литературных достижений мне далеко. Но они почему-то забыли, каким образом выводится разумное заключение. Они достигли мастерства в искусстве оценки, описания и анализа впечатлений, но не умеют, как кажется, делать какие-либо выводы. Художник-импрессионист мог бы создать на холсте прекрасную импрессию Лох-Несса; критик-импрессионист способен отобразить словами замечательную импрессию лох-несского чудовища. Но если попросить его соотнести впечатление с правдой, он не сможет это сделать, так как не владеет техникой подобного сопоставления. К примеру, нет более тонкого и глубокого литературного критика, чем мистер Роберт Линд, особенно в тех случаях, когда литературный критик действительно занимается критикой литературы. Попросите его написать о мистере У. Б. Йейтсе, и он даст прекрасную оценку стиля и масштаба этого великого поэта. Но спросите у него, считает ли он повествования мистера Йейтса о чародеях Востока или ирландских фейри *правдивыми*; сомневаюсь, что он будет и наполовину близок к необходимой научной оценке.

Его статья о чудовище из Лох-Несса в недавнем выпуске «Нью кроникл» хорошо иллюстрирует этот трудноуловимый момент. Статья была хорошая, но полная колебаний и (простите за выражение) комплексов. В самом начале, указывая очевидный здравый смысл, он заявляет, что свидетельства сотни людей — людей, насколько известно, здравомыслящих, уважаемых и независимых друг от друга — опровергнуть нелегко. То же можно сказать и о Великом Морском Змее; число людей, которые клянутся, что видели его, достигло уже, вероятно, порядка сотни. Прекрасно. Противная сторона должна недвусмысленно и детально опровергнуть эти свидетельства; подвергнуть свидетелей перекрестному допросу; доказать наличие довольно-таки неправдоподобного заговора — либо разработать теорию, которая объяснит, каким образом могли обмануться столько людей.

Но наш критик, считая, что будет справедливо высказать аргументы противной стороны, дает нам пример типичнейшего современного иррационализма. Он говорит примерно такими или похожими словами: «Но если я соглашусь поверить в лох-несское чудовище, где провести разделительную линию? Есть и много других историй о других чудовищах». Далее он делится плодами своей незаурядной начитанности, знакомя нас с самыми поразительными и милейшими чудовищами кельтской или скандинавской мифологии — и с мрачной решимостью проходится по всему списку, глотая чудовищ одного за другим, пока не доходит до кита, проглотившего Иону, и дракона, что собирался позавтракать Андромедой. Любой приверженец древней и таинственной Логикки, которую столько изучали суеверные ученые Средневековья, с удивлением воззрится бы на это затруднение. Он, естественно, сказал бы: «Линия проходит там, где кончаются свидетельства. Вы принимаете существование такого-то чудовища, поскольку имеется сотня свидетелей. Чем меньше свидетелей, тем меньше вы верите, а когда их нет, вы не верите вовсе. Вам незачем проводить абстрактные априорные различия между Семиглавым Драконом из Персии и Семиглавым Драконом из Японии». Правда в том, что критика изначально вводит в заблуждение некое смутное опасение — дескать, приняв на веру любую подобную историю, он перейдет границу и окажется в волшебной стране, где возможна любая фантастика. Но это рассуждение ложно, даже если оно касается сверхъестественного. Человек может верить в одно чудо и не верить в другое, зная, что существуют, подобно настоящим и поддельным банкнотам, чудеса истинные и ложные. Чудовище, однако — не чудо. Верно, волшебных сказках, наряду с волшебством, мы можем встретить нечто похожее. Но тогда нам придется сказать, что и мельники, коты и принцессы — фантастические животные, раз уж они появляются в сказках в компании гоблинов и русалок.

Фредерик Марриет

ИЗ РОМАНА «МНОГОСКАЗОЧНЫЙ ПАША»

(1835)

Четвертое путешествие Гуккабака

<...> От дальнего родственника, наследовавшего имущество отца моего, получил я две трети всего и отправился с деньгами и женой в Тулон.

Ничто не нарушало нашего счастья в продолжение первого года. Жена была для меня все, и время не только не охладило моей к ней любви, но еще упрочило ее. Впрочем, мы жили слишком роскошно, и к концу года заметил я, что уж нет у меня целой трети. Любовь моя к жене не позволяла мне допустить ее до нищеты, и я решился принять нужные меры для обеспечения нашей будущности. Я стал с нею советоваться. Цериза одобрила мои виды; я разделил остаток своего имущества: на половину закупил товаров, другую отдал ей для прожития во время моего отсутствия и сел на корабль, отправлявшийся в Ост-Индию.

Я прибыл туда благополучно и был удивительно счастлив в своих оборотах. Я уже начал думать, что судьба утомилась преследовать меня, но, зная ее лукавство, половину своей поклажи для большей безопасности нагрузил на другой корабль.

Когда корабль был готов сняться с якоря, отправились пассажиры на борт, и между ними находился один богатый старик, прибывший из Мексики и желавший отправиться во Францию. Он сделался болен. Ему нужно было открыть кровь; я предложил ему свои услуги; они были приняты; старик выздоровел, и мы очень сдружились. Недели через две по отплытии из Ост-Индии вдруг поднялся ужасный ураган, какой когда-либо я видел на море. Море кипело, ветер был так силен, что никто не был в состоянии противостать ему. Корабль бросило на бок, и мы считали гибель свою неизбежною. К счастью, мачты слетели в море, и корабль снова поднялся. Но когда ураган утих, наше положение было довольно затруднительно: без мачт, без парусов что могли мы сделать? Наступила совершенная тишь, и нас несло течением на север.

Одним утром, когда мы с боязнейю всматривались вдаль в надежде увидеть какой-либо корабль, заметили мы на некотором расстоянии какой-то предмет; но что именно было, этого никак не могли различить.

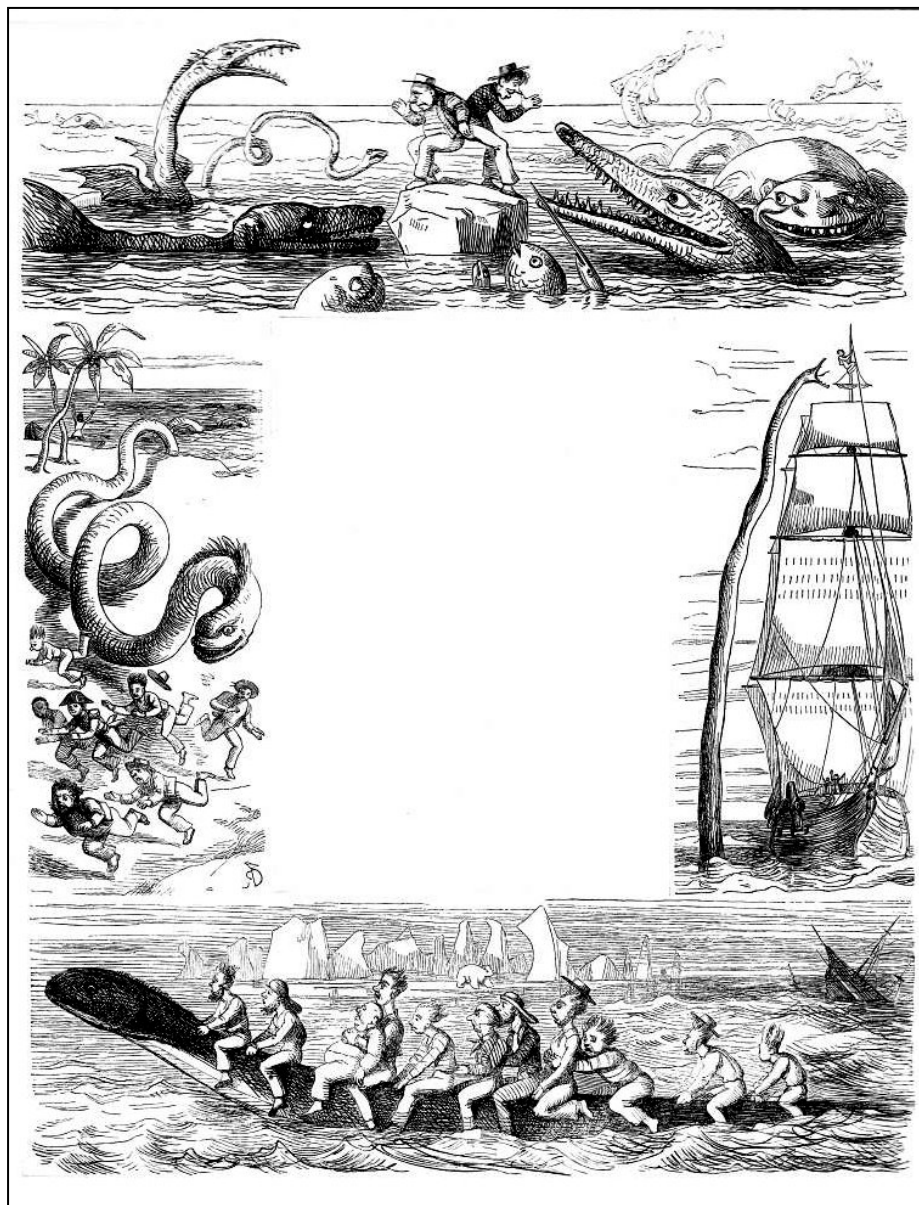
Сначала мы думали, что это одна из тех бочек, которые мы выкинули за борт или которые принадлежали какому-либо утонувшему судну. Наконец, однако, открыли мы, что то была огромная змея, которая, плывя от пятнадцати до двадцати миль в час, шла прямо на корабль. Когда она приблизилась, мы с ужасом заметили, что она была почти во сто футов длиною и толщиною с грот-мачту 74-пушечного корабля. По временам поднимала она на несколько футов из воды голову, потом снова опускала ее и продолжала свое быстрое плавание. Когда она была от нас на расстоянии одной мили, на нас нашел такой ужас, что все мы убежали вниз. Чудовище приблизилось к кораблю, поднялось из воды более, чем на половину своего туловища, так что голова его — если бы были у нас еще мачты, — была бы наравне с верхними реями, и с высоты смотрело на палубу. После чего она опустила свою огромную голову в люк, схватила зубами одного из экипажа и скрылась под водою.

Ужас совершенно отуманил нас, потому что мы ожидали, что она появится снова и, между тем, у нас не было никаких средств обезопасить себя, потому что во время урагана снесло с палубы все решетки и люки. Старик был безутешнее прочих. Он подозвал меня к себе и сказал:

— Я надеялся увидеть во Франции еще раз своих, но теперь отказываюсь от этой надежды. Моя фамилия Фонсека; я младший сын одной знатной фамилии этого имени и намеревался богатствами, которые везу с собою, если не обогатить брата, то, по крайней мере, осчастливить дочь его. Если мои опасения оправдаются, то поверяю вашей чести исполнение моей просьбы. Передайте этот ящичек, в котором заключается почти все мое богатство, одному или другой. Вот их адрес, — вот и ключ. Остальное мое имущество, если меня не станет, а вы переживете меня, принадлежит вам: вот вам на это свидетельство: оно, может быть, вам и понадобится.

Я взял сундучок; но не сказал, однако, что я муж его племянницы, потому что он мог бы чрез то лишиться ее наследства за то, что она так унизила свою фамилию, выйдя замуж за простого купца. Старик боялся не напрасно: змея в полдень появилась снова, схватила его и исчезла. Таким образом каждый день продолжала она таскать по два или по три человека, пока наконец остался один я. На восьмой день утатила она последнего, и я знал очень хорошо, что вечером решится моя участь, потому что как ни велика была она, могла, однако, попасть во всякую часть корабля, и даже притягивать к себе своим дыханием на расстоянии нескольких футов.

На корабле были две бочки с особенным веществом, но-воизобретенным в Англии, которое везли мы для пробы во Францию. Во время урагана одна из них треснула, и запах, который выходил из нее, был невыносим. Хотя она уже совсем выдохлась, заметил я, однако, что змея всякий раз, как приближалась к какому-нибудь предмету, замаранному этим веществом, тотчас отворачивалась, как будто вонь для нее была также несносна, как и для нас. Не знаю, из чего состояло это вещество; но англичане называли его *деготь из каменного угля*. Мне пришло в голову, что не могу ли избавиться посредством этого отвратительного состава? Я вышиб дно у второй бочки, вооружился обмоченной в этот состав метлою, влез в бочку и с трепетом ожидал решения судьбы своей. Змея явилась. Как и прежде, всунула она свою голову и часть туловища в люк, увидела меня и со сверкающими глазами приблизила свою голову, чтобы схватить меня. Я всунул ей в пасть мою метлу и в ту же минуту окунулся в бочку. Когда я, задыхаясь, высунул свою голову, змеи уже не было. Я вылез, выглянул в окошко и увидел, как она в ярости бичевала хвостом своим море и старалась всячески освободиться от состава, которым я наполнил ее пасть. Наконец, выбившись из сил, она скрылась и не являлась более.

Р. Дойль. Морские чудовища. Рисунок для журн. «Панч» (1849)

Уильям Г. Кингстон

ХВОСТ МОРСКОГО ЗМЕЯ

(1848)

ХВОСТ МОРСКОГО ЗМЕЯ

Рассказ капитана Джонатана Джонсона с доброго корабля
«Диддлеус»,
изложенный Уильямом Г. Кингстоном, эсквайром.

Мне давно не доводилось слышать увлекательные рассказы Старого Моряка — и наконец однажды вечером, проходя мимо окон «Веселого пирата», где он проводил большую часть времени, я услышал взрывы его громкого смеха, заглушавшие голоса нескольких других собеседников. Конечно, я не смог противиться искушению узнать, что же так его развеселило. Я вошел. Дым клубами поднимался к потолку из трубок гостей, обыкновенно собиравшихся там, чтобы насладиться благоуханными табачными листьями; в облаке дыма я едва сумел различить кончик носа Джонатана Джонсона, сиявший, как маяк в тумане. Шляпа у него съехала набекрень, сюртук был расстегнут, ноги покоились на высокой каминной решетке. В одной руке он держал только что вынутую изо рта трубку, в другой газету, с содержанием которой он знакомил аудиторию.

— Они смеют называть это чудесным! — заметил он, снова разразившись хохотом, когда я вошел. — Чудесным, ну да, ха-ха-ха! Да если бы я не видывал сотни вещей в тысячу раз чудесней, мне следовало бы постыдиться, ха-ха-ха! После того, что я пережил на своем веку, меня уже ничто не удивит. Некоторые не видят дальше своего носа — стоит им услышать что-нибудь необычное, как они тут же объявляют это чудом из чудес, а иначе ни за что не поверят. Сам-то я привык думать и взвешивать, прежде чем высказывать свое мнение, и меня нелегко навязать чужое, так и знайте. Так вот, я решительно заявляю, что не вижу здесь ничего особенного. Полнейшая чепуха, вот что я вам скажу.

— В чем дело, капитан Джонсон? — спросил я достойного шкипера, ибо его замечания пробудили мое любопытство (как, осмелюсь полагать, и любопытство читателей). — О

каких таких чудесах вы говорите?

— Ровно ничего чудесного, юноша, — ответил он. — Это я расскажу вам кое-что чудесное, если захотите. А тут просто дутая история, которая может показаться удивительной одним недалеким простофилям. Только послушайте...

И он стал зачитывать вслух из газеты нижеследующую заметку:

«Ливерпуль, 1 апреля 1828 г. — Барк “Лонгбоу” под командованием капитана Стречера только что прибыл в этот порт из Вальпараисо с грузом кожи и таллового жира для высокоуважаемой фирмы “Бем и Бузл”, проделав все путешествие в кратчайший двухмесячный срок. Капитан Стречер сообщает, что, обогнув Горн, его корабль находился 20 февраля в три часа пополудни на 20 градусах 40 мин. южной широты и 8 градусах 20 мин. западной долготы, причем погода стояла спокойная и ясная, с безоблачного неба светило жаркое солнце, с Н.-О. дул легкий бриз, на З.-В. умеренная зыбь; корабль шел правым галсом на Н.-В. т. Н. Да он совсем сбился с курса, а не отклонился на несколько румбов от ветра, — воскликнул Джонатан, — лично я ума не приложу, как все это могло произойти. Ну да ладно, продолжим.

«Джим Тэйлор, помощник боцмана, заметил нечто, с огромной быстротой приближавшееся к судну сбоку, но не смог разглядеть, что именно это было. Он немедленно позвал вахтенного помощника, мистера Трюлава, который прогуливался по палубе с капитаном Стречером. Оба тотчас поднесли к глазам подзорные трубы, пытаясь рассмотреть, что так поразило Джима Тэйлора; и если он был поражен, то они были поражены еще более, как и вся команда, выпавшая на палубу и глазевшая на зрелище, так как они увидели гигантского морского змея, чья голова и плечи возвышались на двенадцать, если не все двадцать футов над поверхностью океана, насколько можно было судить, сравнивая предметы меньших размеров с большими. Примерив, как выглядела бы в воде грот-мачта со стеньгой и брам-стеньгой, капитан, помощник и Джим Тэйлор, а также все остальные пришли к мнению — по крайней мере, его разде-

ляли те из них, кто был вооружен подозрными трубами и имел хоть какое-либо мнение — что длина животного (то есть части тела, возвышавшейся над водой) составляла не менее четверти мили; невозможно было установить размеры остальной части тела, скрывавшейся под водой; при этом животное не останавливалось, не позволяя Джиму Тэйлору их оценить; и однако, учитывая значительную длину видимой части, а также усилия, которые понадобилось бы приложить бы для передвижения такого колоссального тела в воде, можно было смело полагать, что существо обладало очень длинным хвостом — вероятно, длиной в шестьсот морских саженей, по самому скромному предположению. Оно делало, более или менее, около двадцати узлов в час, и видимая часть тела никак в этом не участвовала. Некоторые из команды считали, что у животного должен быть хвост, другие утверждали, что оно, должно быть, гребет ногами, как гусь или лебедь. Так или иначе, оно очень быстро приближалось к барку, и ни единая душа на борту не сомневалась, что то был великий морской змей, о котором столько говорили и в которого так мало верили. К счастью, курс змея не пересекался с курсом корабля — в противном случае последствия могли бы быть неприятными. Тем не менее, он проплыл так близко, что можно было ясно рассмотреть все его особенности, и все отметили, с какой неприязнью и злобой он поглядывал на корабль левым глазом. Было ясно, однако, что у него имелись другие цели, точнее говоря, что он преследовал какую-то добычу: змей ни на дюйм не отклонялся от взятого им курса на З.-О. и вряд ли сделал бы это, окажись барк у него на пути. Невозможно было понять, кого он преследовал с такой скоростью, хотя на борту высказывались различные предположения, и одни говорили одно, а другие другое; но все заключили, что установить это невозможно и едва ли когда-нибудь удастся.

Пришло время, однако, описать чудовище, то есть его видимую часть, так как хвост виден не был и мы не можем достоверно сказать, был ли он раздвоенным или шипастым и имелся ли вообще; последнее — только предположение, поскольку у всех рыб наличествуют хвосты, а это жи-

вотное было замечено в воде и, по всей вероятности, являлось рыбой, хотя и весьма странной; поэтому все натуралисты и большинство прочих ученых, а также обычных людей согласятся с нашим мнением, что чудовище вряд ли не имело хвоста. Если же хвоста у него не было, а имелись лишь плавники, трудно понять, каким образом существо могло передвигаться, будучи змеей; в последнем предположении никто на борту не сомневался, и наши читатели без сомнения вспомнят, что у всех змей или угрей есть хвосты, а это вновь доказывает, что у животного имелся хвост. Мы не можем подтвердить, что у него были плавники, поскольку никаких плавников замечено не было, что опять-таки подтверждает предположение о наличии хвоста. Если же у него не было ни хвоста, ни плавников, предположение Джима Тэйлора о наличии у него ног могло содержать в себе долю истины. Однако такое предположение восстает против опыта и логики: мы не можем заключить, что у животного не было плавников, только потому, что их не видели — ведь хвост также не был виден, но с достаточной и даже большой вероятностью можно сказать, что хвост наличествовал. И все же никто не может утверждать, имелся или не имелся у чудовища хвост, а также плавники и ноги, все это вместе либо в отдельности, равно как и руки; и хотя большинство наших читателей будут склонны полагать, что хвост имелся в наличии, следует упомянуть о мнении одного из наших ученых друзей, напомнившего нам об электрическом угре: возможно, полагает он, змей двигался благодаря таинственной силе притяжения полюса.

Из-за недостатка места мы не станем далее останавливаться на вопросе наличия хвоста, но намерены вернуться к нему в одном из будущих номеров. Обратимся к описанию головы чудовища. Необходимо признаться, что если бы мы не были полностью убеждены в правдивости и безупречной репутации капитана Стретчера, а также достоверности сведений всей его команды, включая Джима Тэйлора, мы сами были бы немало поражены их рассказом. Все они наблюдали животное по крайней мере час, и за это время оно ни разу не нырнуло под воду, чтобы схватить случайного

дельфина или акулу. Диаметр той части тела, что обычно называют шеей, составлял у головы, судя по всему, около четырнадцати или пятнадцати футов; во всяком случае, разинув пасть, чудовище без труда проглотило бы любое небольшое судно водоизмещением до ста тонн и, вероятно, сумело бы проглотить его целиком. Рот оставался закрыт, и зубы точно сосчитать не удавалось; но в какую-то минуту чудовище зевнуло, и этого оказалось достаточно, чтобы убедить всех наблюдателей в его способностях при необходимости пережевывать добычу — в пасти виднелись четыре, если не пять рядов внушительных моляров и язык соответствующих размеров. Голова была удлинённой и походила на изображения голов всех змей, какие можно встретить в книгах, в особенности предназначенных для просвещения юношества. У животного имелась грива, напоминавшая гриву коня или дикого быка либо же спутанные сети или клубки водорослей, выброшенные прибоем на скалы у берега. Цвет был не черным и не зеленым, но скорее коричневатый, окрас шеи — желтовато-белый. В целом это было существо, с каким немногие мечтали бы встретиться на суше или на море, и мы поздравляем капитана Стречера и всю команду доброго корабля “Лонгбоу” с чудесным спасением, так как, испытай существо при встрече такое же беспокойство, как они, последствия могли бы быть самыми ужасными. Предоставляем ученым определить, откуда появилось это создание, куда оно направлялось и чем было занято, а также, имелся у него хвост или нет».

Думаю, хвост-то у него был, и подлиннее, чем многие полагают, — с громким смехом воскликнул Джонатан. — Ха-ха-ха! И по поводу этой истории они подняли такой шум! Сказать по правде, у меня нет ни малейшего сомнения, что капитан Стречер видел куда более странные вещи, чем рассказал: он хорошо знает, с какими упорными и недоверчивыми скептиками приходится сталкиваться моряку. Понятное дело, он боялся, что ему не поверят, если он расскажет все. Я его хорошо знаю; мало с кем из мореходов я не встречался в плаваниях. Это человек честный и ранимый, и он ни секунды, как и я, не стал бы терпеть, засомневайся кто-то в его

словах, как и я. Вот почему я свои слова взвешиваю. Я расскажу вам о хвосте морского змея и о своих приключениях, с ним связанных. Случилось это задолго до того, как газеты начали бесстыдно раздувать всякую ерунду...

— Давайте, рассказывайте, капитан! — загудели голоса.

— Говорите же, — воскликнул маленький закройщик, — я сгораю от нетерпения!

— И расскажи нам добрую байку, приятель, — крикнул незнакомый моряк, который по какому-то чудесному стечению обстоятельств оказался в тот вечер у стойки «Веселого пирата». — Угости нас не разбавленным грогом, а настоящим крепким пойлом, от какого и у начальника порта дух захватит, а янки вовсе с ног свалится. Вот что я называю хорошей байкой!

— Мне все равно, что ты там чем называешь, приятель, — отвечал Джонатан, усиленно затягиваясь и выпуская дым: по причинам, известным ему одному, он больше ничем не выразил свое негодование. — Но я скажу тебе, что я называю доброй историей, скажу не впервые и повторю еще не раз. Если человек говорит правду — а я всегда говорю правду — он и самому старине Нику не побоится посмотреть в глаза, пока тот не устыдится и не уберет свои рога.

— Рассказывайте! Рассказывайте! — настаивали некоторые из слушателей, ценившие истории Джонатана много больше его рассуждений.

Старый капитан прочистил горло, значительно откашлявшись, сделал несколько долгих затяжек из трубки и выпустил изо рта густые клубы дыма.

— Ну, значит, как я и говорил, видывал я вещи удивительней, чем всякая газетная чепуха, это уж точно. Я уже рассказывал, как отплыл с Кораллового острова на «Леди Стиггинс», оставив там свою жену-принцессу. Она горько плакала, расставаясь со мной, да и сам я пролил немало слез: такая уж одолевает меня слабость при расставании с женами. Бедняжка Чикчик, больше я ее не видел — ее сожрали дикари. Короче, как я уже сказал, мы отплыли. Помните, я говорю правду и только правду, и этим горжусь. Мне пришлось в жизни делать кое-что, чем гордиться не стоит, но

я всегда глубоко уважал и продолжаю уважать правдивость. Ложь я презираю, как дурного правителя — и то, и другое рассчитано на глупцов.

— Давай уже, отплывай, приятель, не заставляй матросов ждать, — крикнул незнакомый моряк, начавший уставать от затянувшегося предисловия Джонатана.

Капитан искоса глянул на него, что-то буркнул, показывая, что услышал, отпил глоток из стакана и продолжал:

— После Кораллового острова наша первая остановка была на великом Южном континенте, почти рядом с полюсом. Надолго мы там не задержались, так как хотели только набрать льда для капитанского ведерка — любил он шампанское и вино предпочитал пить охлажденным. В тех морях мы загарпунили огромное количество китов, быстро набили трюмы и с радостью ожидали возвращения домой. Я чуть не погиб, охотясь на тех китов. Это лучшая из охот: куда до нее стрельбе по кроликам!

Вот как дело было. «Фонтан, фонтан!» — закричал с марса дозорный. «Три, четыре, пять, шесть!» — и мы мигом погнались в вельботах за рыбинами. Вскоре мы настигли самку с детенышем. Я вонзаю в нее гарпун, и она бросается прочь, как сумасшедшая; линь укладывал какой-то неумеха, и вот, пока он разматывался, моя нога попала в петлю и я полетел за борт. Рыбина нырнула, и я за ней, что причинило мне немалое неудобство, хотя я все вокруг ясно видел, и были там дивные вещи, скажу вам. Я не боялся утонуть и не потерял присутствия духа, но подумал, что когда весь линь разматается, рыбина дернется и того и гляди оторвет мне ногу; поэтому я вытащил нож, наклонился и обрезал линь у ноги. Теперь у меня появился шанс на спасение, однако рыбину я тоже терять не хотел. К счастью, когда она начала подниматься, мне удалось поймать и связать узлом обрезанные концы. Не успел я это сделать, как рыбина выскочила на поверхность, и я поспешил убраться подальше. Она высунула голову и со страшной быстротой потащила за собой вельбот. Тем временем я еще поднимался, но не проделал еще сотни сажений и, надо признаться, начал задыхаться. Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь погружался так

глубоко; вот почему никто не видел те странные вещи, что видел я, и я один могу о них рассказать. В общем, сперва я не хотел об этом говорить, но погрузился я до самого дна океана и оказался посреди коралловой рощи. Через нее проходила широкая гравиевая дорожка; в конце ее стоял дворец, как мне показалось, а по обеим сторонам — гранитные скамьи, на которых могли отдыхать русалки во время своих вечерних прогулок. Там было несколько прехорошеньких девушек с рыбьими хвостами вместо ног, что придавало им удивительный вид. Правда, ноги им были не очень нужны: они скользили назад и вперед, изящные, как лебеди на воде. Слышал я раньше о таком, но не верил. Я бы остался там подольше, раз уж нырнул так глубоко, но мне отчаянно, надо признаться, не хватало воздуха. И еще я хотел задать русалкам парочку вопросов, однако хорошо понимал, что стоит мне открыть рот, как он заполнится соленой водой и я буду только пускать пузыри. По правде говоря, я совсем заторопился, увидев, как из дворца вышел старик с длинной седой бородой и коралловым посохом в руке. Думаю, это был отец русалок, и вышел он посмотреть, что за незнакомец глядит на его дочерей.

Короче, как я уже сказал, начал я подниматься и по пути встретил целые стаи самых невероятных рыб. У одних были головы с выпученными глазами и никаких хвостов и даже туловищ, если на то пошло. У других были большие плавники, свиные рыльца и хвосты совсем как у павлинов, усеянные маленькими переливающимися глазками; третьи были большие и круглые, с задранными носами и глазами с тарелку; были еще рыбы всех цветов радуги, очень похожие на стражников в лондонском Тауэре. У некоторых были руки, у других клешни или плавники, но ни у одной не было ног. Ноги-то в воде мало пригодны, а хвост лучше помогает плаванию: вот почему, я считаю, у русалок вместо ног хвосты, только по мне, стройные ножки и круглые колени выглядят лучше.

Все эти рыбы окружили меня: принюхивались, подталкивали, подпихивали рыльцами и не знали, что обо мне и

думать. Правда, я быстро научил их держаться подальше, выбив левый глаз одной диковинной рыбы, которая вела себя нахальней прочих. Поднимался я, нужно учесть, так быстро, что наверху буквально выскочил из воды. Тогда я и понял, как далеко заплыла рыбина. К слову сказать, после я сообразил, что та китиха была домашней дойной коровой старого господина, чьих прекрасных дочерей я повстречал на дне океана.

Большинству людей очень не понравилось бы оказаться в одиночестве посреди океана. Ближайший вельбот был от меня в двух или трех милях и удалялся со скоростью десяти миль в час. Если бы даже я крикнул, люди в вельботе не услышали бы — они были так поглощены охотой, что ничто не могло их отвлечь; и вряд ли, даже услышав, они поняли бы, кто их зовет, так как считали, что я безнадежно запутался в гарпунном лине и давно испустил дух. К счастью, в кармане у меня была непромокаемая табакерка; я кинул в рот кусок жевательного табака и вскоре восстановил свои силы, ведь устал я порядком после таких переживаний, сами понимаете. Затем я лег на спину и стал размышлять, как поступить. Я слишком ослабел и не мог плыть за кораблем, а вельбот, чья команда сумела убить рыбину, был от меня еще дальше. После корабль приблизился, чтобы поднять вельбот; с этой работой быстро покончили, и на закате его бомбрасели еле виднелись на горизонте. Не скоро я снова увидел «Леди Стиггинс»!

Когда я в конце концов встретился со старыми товарищами, они поверить не могли, что я жив, и убедились в этом только тогда, когда я спросил их, не был ли линь разрезан и завязан узлом; после чего они признались, что долго ломали головы над этой загадкой.

Но пока что я был один посреди океана. Ночь была долгая и темная — самая неприятная ночь в моей жизни, что и говорить. Около полуночи мне повезло наткнуться на выброшенный за борт небольшой бочонок. Он послужил мне подушкой и, учитывая окружающую обстановку, спал я довольно спокойно. Перед самым рассветом мое лицо окатила громадная волна; я поднял голову, огляделся и увидел

прямо над собой большой корабль. На борту кто-то отдавал приказания на чистейшем английском. Я стал кричать, зовя на помощь, и через некоторое время меня вытащили на палубу. Сперва они никак не могли решить, человек я или морской житель, и никак не хотели поверить моей истории, в особенности рассказу о визите на дно океана и встреченных мною там удивительных рыбах; но правда всегда берет верх, что произошло и в моем случае, и я надеюсь, что сознание этого ободрит тех, кому выпало несчастье увидеть чудеса, в которые ни за что не поверит серый, недоверчивый мир. Говорю вам, познать и увидеть в жизни больше соседей — истинное несчастье. Кому, как не мне, это известно?

Корабль, как я узнал, назывался «Диддлеус». Это было прекрасное судно в шестьсот тонн. Незадолго до моего спасения первый помощник свалился за борт и утонул; капитан, будучи человеком проницательным, не замедлил оценить мои достоинства и попросил меня занять его место, что я с радостью сделал. «Диддлеус» был китобойцем из Ливерпуля, только что прибыл на промысел и не успел еще загарпунить ни единой рыбыны. Благодаря ли удаче или моим талантам — не стану судить, чему именно — трюмы наши, как вы услышите, вскоре заполнились. Бедный капитан «Диддлеуса» был очень толст; однажды, заглядывая в котел и проверяя, как вытапливается ворвань, он поскользнулся и упал головой вниз. Никто этого не заметил, и капитан успел раствориться, прежде чем кто-либо спохватился. Мы узнали о случившемся, только найдя на дне котла его пуговицы и гвозди от ботинок. Вследствие указанной катастрофы, я стал капитаном доброго корабля «Диддлеус».

Я впервые принял под свое командование корабль, чему удивляться не приходится: часто бывает, что заслуги человека долго не замечают и еще дольше не вознаграждают. Я, не медля, принялся за работу и привел корабль в порядок, как я это понимал. Люди вскоре удостоверились, что командует ими знающий и опытный капитан. Среди команды был один матрос по имени Джерри Вилкинс — он вечно хвастался тем, что видел и испытал. Можно было подумать, что он

летел по жизни со скоростью десяти узлов в час, а в каждом глазу у него было по патентованному биноклю; но будьте уверены, я быстро сбил с него спесь. Он не бывал на Северном полюсе, как я, и не видел, как белые медведи греются под лучами полярного сияния; он никогда не оказывался в лодке на верхушке айсберга, подобно мне, его не тащил на буксире медведь по северным морям, у него не было ни прирученной акулы, ни жены-патагонки, он никогда не правил королевством, не переживал кораблекрушение, не видывал таких ураганов, как я, и не побывал на дне океана, не говоря уже о тысяче других вещей, о которых я вам не рассказывал.

— Но какое отношение имеет этот Джерри Вилкинс к хвосту морского змея? Вы же об этом собирались нам поведать, капитан?— в нетерпении воскликнул маленький закройщик. Жена ждала маленького закройщика дома, собираясь поручить его заботам детей, и он опасался, что так и не услышит рассказ до конца.

— Отношение самое прямое, — ответил Джонатан. — Он первым заметил змея. Он был на марсе, высматривал китов, и вдруг крикнул вниз, что по скуле виднеется земля. Я отлично знал, что никакой земли там нет, но когда прошел на нос и сам поглядел, был несказанно поражен: я увидел темный длинный остров, усеянный деревьями, похожими на плакучие ивы. Остров все рос, постепенно охватывая корабль. Как я уже сказал, сперва он был у нас почти по носу, а теперь протянулся и с наветренной, и с подветренной стороны, пока мы не оказались полностью окружены. Я сейчас же приказал сбросить лот, ожидая установить, что какое-то течение занесло нас на мелководье. К удивлению всех нас, дна не было. Перед тем, как произошла эта необычайная встреча, мы убили большого кита, и два вельбота волокли тушу за собой, а корабль пытался приблизиться к ним, так как они находились, надо сказать, прямо в направлении ветра. Я поднял все паруса, но ветер был таким слабым, что мы ничего не могли поделать. Вельботы оставались примерно в миле от нас, и внезапно остров поднялся рядом с китом; вторая оконечность острова, как и первая, густо заросла плаку-

чими ивами, но здесь они были гораздо выше. Мы смотрели во все глаза. Вельботы обрезали буксирные канаты и заторопились к нам; люди гребли, как безумные, и правильно делали, могу вам сказать — прямо у нас на глазах один конец острова поднялся из воды футов на пятьдесят, не меньше, навис над китом, и огромная рыба исчезла под ним, а затем вся возвышенность опустилась до прежнего уровня. Один из матросов сказал, что заметил на острове большой костер. Я поднял подзорную трубу — и достоверно убедился, что то был не более и не менее, как колоссальный глаз! Чтобы вы могли представить себе его размеры, скажу только, что в нижнем веке плавала крупная рыба; не хочу преувеличивать, но была она с взрослую треску. Я продолжал внимательно смотреть в окуляр и разглядел губы и рот; и не успели вельботы подойти к нам, как я понял, что передо мной голова громадного чудовища. Матросы с вельботов подтвердили это, поднявшись на борт; сперва они также подумали, что очутились у острова, но окончательность его вдруг медленно раскрылась, показав жуткие зубы — каждый по величине не меньше тяжелой пушки — и язык, который был вдвое длиннее туши кита. Увидев это, они решили, что пришло время обрезать канаты и бежать. Я не мог осуждать их за то, что они бросили кита: в противном случае и они были бы проглочены.

Некоторое представление о размерах чудовища может дать и другое: существо это, и глазом не моргнув, проглотило целого кита с торчащей из него полудюжиной гарпунов. Должен признаться, что наше положение мне совсем не нравилось, так как чудище обладало, по-видимому, таким же громадным аппетитом, как размерами, и могло заинтересоваться и нами. К нашему великому облегчению, зверь оставался неподвижен — видимо, гарпуны в спине кита пришлись ему не по вкусу. Я решил, что лучше всего будет созвать военный совет и определиться, что делать дальше; в результате всех обсуждений мы постановили, что зубастую пасть чудовища следует в любом случае избегать, а потому необходимо держаться как можно ближе к другому концу тела, то есть к хвосту.

Но как мы могли определить, где находился хвост? Он был где-то так далеко от нас, что точно сказать мы не могли. Мне было не по себе, и я боялся, что чудовище, не имея в виду ничего дурного, вдруг вздумает поиграть на волнах.

Положение наше было таковым: по наветренному борту приблизительно в миле от нас весьма зловеще подмигивал левый глаз животного, милях в двух по подветренному тянулось туловище, вновь изгибавшееся прямо впереди и терявшееся в отдалении. При виде этого плотного туловища мы, естественно, заключили, что чудовище должно обладать и очень длинным хвостом. То, что я сперва принял за ряды плакучих ив, оказалось пучками волос, составлявших гриву на спине, а неожиданно оживший холм — верхней челюстью, которую животное подняло, чтобы проглотить кита.

Можете быть уверены, что мы крайне торопились избавиться от этого неприятного соседства, но через полчаса или около того были не ближе к кончику хвоста, чем в самом начале. Мало того: судя по показаниям компаса, не приходилось сомневаться, что чудовище загнуло хвост внутрь. Осмелюсь предположить, что вы все слышали об ужасном проливе между Сицилией и побережьем Апеннинского полуострова. С одной стороны находятся страшные скалы. Волны разбиваются о них с громовым шумом. Их называют скалами Сциллы, и если корабль окажется рядом, он будет мигом разбит в щепы. С другой стороны расположен жуткий водоворот Харибда; он наделен такой невообразимой силой, что за много миль притягивает к себе корабли и засасывает их под воду, как соломинки. Требуется немалое искусство, чтобы пройти этот пролив; так, по крайней мере, утверждает суперкарго одного древнего купца, чей судовой журнал я как-то читал. Если я правильно помню, звали его Эней, а хозяина его — Палинур; но у меня сложилось впечатление, что в журнале том много выдумок, и жаль: рассказы его довольно забавны.

В общем, мы находились в том же положении, что и тот древний парень, о котором я говорю, то есть между Сциллой и Харибдой. Плывя слишком долго в одном направлении, мы рисковали угодить чудовищу в пасть, в другом — полу-

чить сокрушительный удар хвостом, если, конечно, у него имелся хвост, в чем мы тогда не были уверены. Вооружившись подзорной трубой, я обводил взглядом горизонт и повсюду видел чудовищное тело; лишь прямо по ветру виднелся клочок от крытой воды, и туда-то мы и спешили изо всех сил. Однако и это небольшое пространство между Сциллой хвоста змея и Харибдой его пасти, казалось, все сужалось. Я наблюдал за этим с большим беспокойством, как и первый помощник, и Джерри Вилкинс. Поверите ли, что этот Джерри первым увидел хвост? «Вижу, вижу», — крикнул он, — ну точно Ниагарский водопад, танцующий джигу. И будь я проклят, если он не закончил тем, что засунул кончик хвоста в пасть!» Богом клянусь, это правда. Думаю, у чудовища была привычка греться на солнце, свернувшись в кольцо. Так змей и лежал, будто огромная треска на прилавке торговца рыбой.

Мы угодили в западню, и никто не мог сказать, сколько времени будет спать чудовище; судя по его размерам, проспать год или около того означало для него прикорнуть на часок. Нам грозила смерть от голода. Понимаете, мы очутились словно в замкнутом озере, и «Диддлеус» болтался посередине, как игрушечный кораблик. Можете не сомневаться, что мы чувствовали себя очень маленькими. Я, однако, решил во что бы то ни стало выбраться, и подумал, что лучшим способом будет подобраться поближе к голове змея: если он во сне выпустит из пасти кончик хвоста, мы сможем обогнуть его челюсти и спастись. Но когда мы приблизились к его голове, команда была так испугана видом этих челюстей — а они были пока сомкнуты, не забывайте — и громадной пещеры глазницы, что матросы готовы были взбунтоваться или, возможно, в ужасе броситься в воду; пришлось снова отплыть.

На борту у нас был один старик по имени Джо Хобсон. Команда считала его оракулом. Матросы дрожали от страха, слушая его рассказы, а он говорил, что часто слышал раньше о подобных змеях, хотя и не осмеливался утверждать, что видел прежде одного из них; он клялся, что змеи нередко впадают в спячку на целых двенадцать лет, а то и

больше, а значит, мы все скорее всего умрем от голода. Но я понимал, что это не так. Во-первых, если мы не сумеем выбраться, то сможем питаться выловленной рыбой, а во-вторых, я придумал план спасения и был довольно-таки уверен, что нам удастся его осуществить. Мы отделились примерно на милю от шеи чудовища и продолжали плыть вдоль туловища, пока не достигли, так сказать, изгиба берега; затем мы продолжали плыть вдоль хвоста к голове. Эта экспедиция заняла три дня, причем ветер был все время достаточно сильным, и убедила нас в том, что мы были окружены со всех сторон.

Тогда я решил привести в действие свой первоначальный план, то есть проделать канал для судна прямо в теле змея. Я рассудил, что ему это покажется всего-навсего царапиной на шкуре и он, скорее всего, даже не проснется. Я принял, однако, меры предосторожности, до которых мало кто бы додумался. У корабельного доктора был немалый запас опийной настойки; мы наполнили ею бочонок, и я с несколькими храбрецами-добровольцами подплыл на вельботе к самой пасти змея. Мы пустили бочонок по волнам, привязав к затычке линь — и к моей великой радости, бочонок проплыл вдоль хвоста и исчез в пасти; мы дернули за линь, затычка выскочила и настойка опия влилась в утробу змея.

Не могу сказать, что в обычных обстоятельствах такое количество подействовало бы на огромного зверя, ведь там было не больше хогсхеда; но наш доктор заметил, что надежда есть, так как чудовище не привыкло к опию. Мне кажется, что лекарство сработало мгновенно: не прошло и часа, как змей стал так громко храпеть, что и в миле от него приходилось перекрикивать этот храп. Я вернулся на борт, и мы поплыли на север, примерно к средней части туловища — там, рассудил я, должно было быть достаточно жира, чтобы приглушить неприятные ощущения. Плавание отняло немногим более дня; когда корабль приблизился, я сел в вельбот и затем впервые высадился на спину змея. Нервничали мы страшно, доложу вам: нелегко было взбираться по донельзя скользким бокам. Но наконец нам это удалось,

и наши пилы и ножи впились в спину чудовища. Сперва мы не слишком продвинулись, так как спину зверя покрывала чешуя толщиной в несколько футов; после мы все же пробились сквозь шкуру и с радостью обнаружили слой прекрасного сала, напоминавшего китовое. На борту разожгли огни и из вырезанных кусков стали вытапливать ворвань. Мы трудились без устали и за десять дней прорубили канал, достаточно вместительный для нашего судна; кроме того, наши трюмы были забиты бочонками с превосходнейшим жиром. Шкуру мы оставили напоследок и теперь, отогнув ее в стороны, подняли паруса. Но не успели мы достичь середины спины, как наш киль, должно быть, пощекотал и разбудил змея; короче говоря, он проснулся, выпустил из пасти хвост и помчался в северном направлении, то есть как раз туда, куда мы собирались направиться. Делал он не менее тридцати узлов в час, а мы все это время оставались у него на спине. Ветра никакого не было, и мы взяли все паруса на гитовы, иначе наши мачты уж точно сломались бы.

Змей плыл так три дня, после чего опиум, видимо, снова стал на него действовать; он сунул в рот кончик хвоста, как младенец большой палец, и заснул. При этом мы соскользнули в море и очутились на свободе. К счастью, задул сильный южный ветер, и мы, уж можете не сомневаться, не стали терять времени, а подняли паруса и стали со всей поспешностью удаляться. Матросы разразились радостными криками, увидев, как терялся на горизонте большой остров за кормой; но я сказал, что не стоит радоваться, пока мы окончательно не избавились от змея — и, как выяснилось, был прав.

Два дня мы продолжали плыть без каких-либо необычных событий, и люди начали понемногу приходить в себя, но тут, как только пробили две склянки ночной вахты, меня в тревоге вызвал первый помощник: прямо за кормой, сказал он, видны два сверкающих огня, и они быстро приближаются. Сперва я подумал, что это маяки и что корабль каким-то образом развернулся; но взгляд на компас убедил меня, что мы следовали правильным курсом. Кроме то-

го, поднялся сильный горячий ветер, принесший невыносимый запах серы. Мне открылась ужасная истина: нас преследовало чудовище океана — великий морской змей. Оставалось только бежать. Мы подняли все паруса, включая лисели (а «Диддлеус», уверяю вас, был очень быстроходным кораблем) и поспешили прочь. Змей не отставал. Мы полагали, что его разбудила легкая боль от проделанной нами царапины в спине. Мы продолжали плыть до рассвета и оставались далеко впереди змея, хоть он, к нашему разочарованию, и продолжал держаться все время за кормой.

Клянусь Богом, это было ужасно! Мы видели большие выпученные глаза, чувствовали его горячее дыхание и запах серы, слышали громкий рык змея — он был страшно раздражен нашей бесцеремонностью и готов был проглотить корабль со всей командой и собственным жиром с такой же легкостью, как проглотил кита. Да, ночью это было жуткое видение, но еще хуже он выглядел днем. В бинокли и подзорные трубы мы видели громадные раскрытые челюсти с дюжиной рядов острых клыков и огромные глаза по бокам; голова его вздымалась над водой не менее чем на шестьдесят футов. Как вы уже могли понять, меня испугать трудно, так что я зарядил кормовые орудия и принялся палить по чудовищу, надеясь его отвадить. Не тут-то было: ядра редко до него долетали, хоть пушки были моим изобретением и имели дальность стрельбы в десять миль, а те ядра, что долетали, змей глотал, как пилюли. Признаюсь, было страшно-вато, но в то же время он представлял собой замечательное зрелище, так быстро и величественно он плыл; вода клокотала вокруг него и взлетала высоко вверх пенистыми фонтанами, когда он разрезал волны. Речь шла о жизни и смерти, и мы мчались, как могли, каждую минуту опасаясь, что змей кинется вперед и схватит нас. Наконец мы достигли экватора. Быть может, ядро задело какое-то чувствительное место или же он не хотел пересекать экватор, так как воды по ту сторону ему не нравились — но только в этот миг мы увидели, как его голова скрылась под водой, в воздух взметнулся колоссальный фонтан и змей с всплеском нырнул; волны ринулись на нас и чуть не перевернули. Мы

быстро добрались до Ливерпуля, где продали ворвань за хорошую цену; все хвалили мои решительные действия, и с и с того самого дня, могу поклясться, никто не видел хвост Великого Морского Змея*.

* Я должен попросить прощения у храброго офицера, которому недавно выпало счастье (или несчастье, если невежды ему не поверят) увидеть живую особь ихтиозавра, давно известного натуралистам, либо же, как некоторые предполагают, исполинского тюленя; надеюсь, он отметит, что я не отношусь с недоверием к его утверждениям, и простит меня за то, что я не удержался от соблазна подарить Джонатану Джонсону вариацию на тему его рассказа (*Прим. авт.*).

TO MISS ROSE KENNEDY,
OF NEW-ORLEANS.
ПОЛКА.

SEA SERPENT.

COMPOSED BY

M. STRAKOSCH.

BOSTON, C. P. REED & Co 17 Tremont Row.

NEW ORLEANS, W^o T. MAYO N° 5 Camp St.

*М. Стракош. Польша «Морской змей». Бостон-Нью-Орлеан,
ок. 1840.*

Чарльз Сибери

ПОИМКА МОРСКОГО ЗМЕЯ

(1852)

В редакцию «Нью-Йорк Трибюн»:

С марса только что доложили, что вблизи показался небольшой корабль. Как видно, он направляется на север, и я собираюсь остановить его с целью известить граждан Соединенных Штатов при посредстве вашей газеты, имеющей самое широкое хождение, о факте существования и поимки морского змея — чудовища, которое многие называют мифическим. Вопрос о его существовании ныне навсегда решен положительно благодаря неустрашимости янки, и я со всей уверенностью полагаю, что мне простят это заявление.

Утром 13 января, когда мы достигли 3 гр. 10 мин. южной широты и 131 гр. 50 мин. западной долготы, дозорный, стоявший на салинге фок-мачты, крикнул: «Белая вода!» и в ответ на мой вопрос «Где именно?» прокричал: «В двух румбах под ветром!». Предположив, что пену взбили спермацетовые киты и надеясь пополнить трюмы, я поручил управление помощнику и, не медля, прошел на нос с подозрительной трубой. Замечу, что на протяжении нескольких дней мы едва ползли, поскольку ветер был слабым и переменчивым, однако утром 13-го ветер задул на зюйд-зюйд-вест, сделавшись постоянным и даже грозил ураганом. Я провел на носу около получаса, прежде чем заметил что-либо похожее на «белую воду», и в тот момент решил, что впереди было «стадо» или, точнее, косяк морских свиней. Желая убедиться в этом, я приказал первому помощнику — поскольку уже пробило семь склянок — свистать всех наверх, брасовать реи и поставить лисели. Наступал час завтрака. Я велел помощнику держать глаз востро и спустился с кички. Но не успел я ступить на палубу, как послышался внезапный неистовый крик Оннету Ваньяу, выходца с Маркизских островов:

— Ах! Смотреть, смотреть! Моя видеть — слишком большая — слишком большая!

Все глаза обратились к дикарю. Все старались понять, куда он смотрит, а затем обернулись к подветренной раковине. Я лишь успел заметить исчезающую в волнах черную спину. Туземец был в возбуждении и в ответ на мой вопрос заявил:

— Не кит — слишком большая — слишком толстая — слишком длинная. Моя такая рыба никогда не видеть — моя бояться.

Не зная, куда направилась рыба или животное, я привел к ветру и пошел назад; я также распорядился уложить снаряжение в вельботы, а их экипажам стоять наготове. Почти час мы безуспешно осматривали горизонт. Наконец, уже не надеясь увидеть кита, я велел бросопить и спустился в каюту. Туземец продолжал ревностно глядеть на волны, понукаемый замечаниями матросов, которые уверяли, что он ошибся. Но несколько минут спустя Оннету доказал остроту своего зрения, вновь издав крик, еще более неистовый, чем первый. Я выбежал на палубу и тотчас увидел, менее чем в миле с подветренного борта, самое удивительное создание, какое мне доводилось встречать в морях. Оно оставалось на месте, но «выгибалось», как мы говорим о спермацетовых китах. Я сразу понял, однако, что это не кит. Голову я разглядеть не мог, но туловище изгибалось, как веревка, если зажать ее в руке и встряхнуть. Все не сводило глаз с существа; никто не произносил ни слова, не издавал ни звука. Через несколько минут все тело всплыло и легло на воду. Длина его была колоссальной. Кончик хвоста внезапно задвигался или завибрировал, вспенивая воду. Затем голова медленно поднялась над водой и склонилась набок, словно монстр был в агонии или задыхался.

— Это морской змей! — вскричал я. — К вельботам!

Люди медлили, и первый помощник сказал:

— Какая польза спускать ради него вельботы? Только время потеряем и ничего не выиграем, кроме...

Я резко оборвал его и приказал собрать всех. Когда люди выстроились, я сказал им, что хочу «добыть» это создание. Я убеждал их со всем доступным мне красноречием. Я объяснил, что немногие верили в существование морского

змея и потому вся надежда была на случайную встречу с ним какого-либо китобойца — и если мы не нападем на него и расскажем об этом дома, нас поднимут на смех, все будут издеваться над нами и в первую очередь спросят: «Почему же вы не попытались его изловить?» Далее я сказал, что на кону наше мужество, наша отвага и даже слава всего американского китобойного промысла, и закончил тем, что воззвал к их корыстолюбию, намекнув, что мы сможем, вероятно, отбуксировать змея в один из южных портов.

— Я не приказываю никому садиться в вельботы, — сказал я, — но кто согласен вызваться добровольцем?

К чести команды должен упомянуть, что все американцы на борту тут же шагнули вперед. За ними последовали все остальные, за исключением одного туземца и двух англичан.

Я приказал офицерам и рулевым осмотреть вельботы и удостовериться, что все в порядке. Я уже прыгнул в мой вельбот, когда змей быстро задвигался, и нам пришлось погнаться за ним. Ветер крепчал, но я не спускал паруса, рассчитывая настичь существо прежде, чем буря сделает это невозможным. Змей плыл на ветер, что потребовало от нас идти бейдевинд, и вскоре мы лишились фор-брам-стенги, что было для нас большой неудачей. Мало того, мы потеряли чудовище из виду. Мы, как могли, исправили положение и продолжали плыть, надеясь догнать его змеиное величество. Меньше часа спустя мы увидели змея снова; он отклонился немного в сторону. Вскоре он свернул и оказался на траверсе, и я лег на другой галс. Ветер дул с такой силой, что я был принужден взять рифы на брамсеях и крюйселе. Змей на несколько минут вновь исчез и затем показался в миле впереди судна. Он медленно направлялся в наветренную сторону, проделав полный круг. Я обязан признать, что питал весьма слабую надежду его настичь и к тому же, ввиду близящейся бури, не торопился спускать вельботы. Но наконец час пробил: змей недвижно лежал на воде с подветренного борта, в полумиле от нас. Мы приблизились и обстенили паруса, чтобы лучше управляться с кораблем; я велел первому помощнику, остававшемуся на суд-

не, держаться поблизости и ни на миг не выпускать нас из виду. Вслед за тем мы спустили вельботы; мой вельбот шел впереди, а ветер и волны гнали нас в подветренную сторону. Мы сделали несколько гребков, и я крикнул рулевому Джеймсу Уитмору, уроженцу Вермонта:

— Поднимайся!

Он со спокойной и хладнокровной отвагой взялся за свое «железо» (гарпуны) и, когда я подал знак, оба его орудия с молниеносной быстротой по рукоять погрузились в лежавшее перед нами на воде отвратительное тело.

— Табань! — воскликнул я, но змей не двигался.

Я поменялся местами с рулевым и взялся за острогу, велев команде грести и прицеливаясь для удара. Но вдруг тело чудовища зашевелилось и змей изогнул хвост и голову, как будто собирался «зализать рану».

Жуткая голова нависла над вельботом, наполнив матросов ужасом. Трое из них прыгнули за борт. Я машинально вытянул перед собой острогу, и ее острое проткнуло глаз чудовища. Змей дернулся, сбив меня с ног, и я полетел в кипящую воду. Вынырнув на поверхность, я увидел извивающееся от боли тело, почувствовал новый удар и погрузился в волны. На мгновение я потерял сознание, но быстро пришел в себя. Когда я снова вынырнул в водовороте кровавой пены, змей уже исчез.

— Держите линь! — закричал я.

Третий помощник, мистер Бенсон, привязал к моему линю бухту своего, и тот сразу же стал быстро разматываться. Как только я вынырнул, помощник втащил меня в вельбот. Через несколько минут из воды достали и матросов — один был сильно исцарапан, другой без сознания; все они с тех пор оправились и сейчас пребывают в добром здравии. Тем временем змей разматал оба линя и теперь тащил за собой линь второго помощника. Я велел помощнику подвязать линь с корабля. Змей продолжал погружаться, и я приказал офицерам понемногу стравливать линь, опасаясь, что гарпуны выскользнут. На первых порах линь разматывался с большой быстротой, после его движение замедлилось. Тем не менее, пришлось достать из носового трюма запас-

ной линь и привязать к первым. Страшась, что корабль своим весом вырвет гарпуны, я привязал к линю несколько «волокуш» и затем, когда он сделался неподвижен, поручил его наблюдению помощника.

В воду уходили сейчас четыре линя с трех вельботов и с корабля по 225 саженей каждый и две трети запасного линя, еще около 100 саженей — в общей сложности 1,000 саженей по шесть футов или 6,000 футов: более мили и одной восьмой, немыслимая глубина. Давление на такой глубине должно быть невероятным! Ветер дул теперь со всей яростью, и я заботился лишь о том, чтобы держать корабль на плаву. Поскольку вельботам грозила опасность, пришлось перебросить конец линя на корабль и прочно его закрепить, невзирая на риск вырвать гарпуны из тела животного. Мы спустили все ненужные паруса, и я стал с тревогой ждать продолжения: вот-вот мог всплыть змей, оборваться линь или выскользнуть гарпун. В четыре часа пополудни ветер начал менять направление, что было нам на руку, а к пять часам, к нашей огромной радости, стал стихать. В восемь наступил внезапный штиль. Линь был натянут. Ночь выдалась чудесная. Над нами простиралось ясное небо, едва ощущался ветерок, вода покрылась мелкой рябью. Никто на борту не смыкал глаз — все только и говорили о змее. Было очевидно, что он залег на дно. Змей оставался внизу очень долго. Поразмыслив над этим, я решил, что то был его «конек»: видимо, но чувствовал себя на дне, как дома. В 4 часа утра 14 января, спустя 16 часов после погружения, канат начал провисать. С помощью браншпиля мы смотали почти два линя и затем почувствовали рывок. Натяжение не ослабевало. Я велел всем отдохнуть и позавтракать. Мы не успели еще управиться с едой, как наш кок воскликнул:

— Вот он!

Все мигом очутились на палубе. Да, змей вынырнул, но мы видели только темный горб — по всей вероятности, среднюю часть туловища, куда угодили гарпуны.

Я приказал спустить три вельбота. Мы били огромное тело острогами, но змей не подавал никаких признаков жизни. Он постепенно поднимался на поверхность, а вокруг пла-

вали ошметки мяса, которые я принял за куски легких, вырванные нашими острогами. Но мы были твердо намерены довести дело до конца и продолжали осыпать змея ударами, пытаясь добраться до сердца. Внезапно он поднялся из воды, мы отплыли назад — и стали свидетелями жуткой предсмертной агонии чудовища. Никто из команды, видевший эту ужасную сцену, никогда ее не забудет. Тело извивалось с быстротой молнии; перед нами словно вращались тысячи громадных черных колес. Голова и хвост время от времени показывались из кипящей кровавой пены, и слышался мертвенный, потусторонний крик, выражавший неописуемое страдание и наполнявший наши сердца ужасом.

Змей бился в конвульсиях минут 10-15 и вдруг затих. Приподнятая голова упала, тело чуть повернулось и замерло. Я снял шляпу, и одновременное оглушительное «ура» девять раз прокатилось над нашими вельботами. Наша добыча была мертва. К счастью, туша держалась на поверхности; мы принаитовили ее к кораблю, а тем временем туша перевернулась и легла вверх животом. Все радостно глядели на змея с палубы. Матросы вновь прокричали «ура», и я присоединился к ним.

Затем мы устроили совет. Я предложил всем высказать свое мнение. После недолгого обсуждения все пришли к заключению, что мы не сможем доставить зверя в порт целиком и поэтому попытаемся, если это будет возможно, сохранить его шкуру, голову и кости. Первым делом я поручил одному шотландцу, умевшему неплохо рисовать, сделать набросок с животного, а помощнику — измерить тушу. Погода установилась спокойная, и мы могли работать без всяких препятствий.

Поскольку я в настоящее время готовлю детальное описание змея, ограничусь некоторыми общими сведениями. Это был самец длиной в 103 фута 7 дюймов; окружность шеи составляла 19 футов 1 дюйм, в плечах он имел 24 фута 6 дюймов и 49 футов 4 дюйма в наиболее толстой части туловища, которое казалось немного растянутым. Голова была длинной, плоской и ребристой, кости нижней челюсти подвижны, язык на конце раздваивался, подобно сердцу. Хвост ровно

утончался к кончику с твердым плоским хрящом. Спина была черной, на боках же черный цвет переходил в коричневый, затем в желтый. По середине брюха на две трети длины проходила белая полоса; по телу были также разбросаны темные пятна. Рассматривая шкуру, мы с удивлением обнаружили, что тело было покрыто салом, похожим на китовое, но толщиной всего в четыре дюйма. Жир был прозрачен, как вода, и горел почти так же хорошо, как скипидар. Мы стали разрезать змея, но столкнулись с немалыми трудностями. Пришлось «разделывать» его, как кита; туша едва вращалась, а сало было таким эластичным, что растягивалось на блоках до 20 футов и, будучи отрезанным, сокращалось до 5-6 футов. Мы отрубили страшную голову и засыпали ее для сохранности солью. Мы также сохранили кости, но команда еще не закончила их очистку. Вскрыв змея, мы нашли у него в желудке куски кальмара и большую гринду, плоть которой была наполовину переварена и отделялась от костей. Одно из легких змея оказалось на три фута больше другого. Мне следовало упомянуть, что челюсти были оснащены 94 зубами, глубоко и прочно посаженными, очень острыми, загигающимися назад и с большой палец толщиной у десны. Мы нашли, что у змея имелись два дыхательных отверстия или дышала, а значит, дышал он, как кит. Имелись также четыре лапа или имитации лап, так как они походили на твердое растянутое мясо. Позвоночник отличался подвижными сочленениями; похоже, что змей, плавая, одновременно передвигал по два ребра почти наподобие ног. Мышцы тянулись вдоль мертвого тела, как продольные гребни. Извлечение костей заняло у нас около трех дней. Они оказались темными и очень пористыми и сейчас почти очищены. Я поместил сердце и один глаз змея в спирт, однако голова, несмотря на прохладу, начинает издавать отталкивающий запах. И все-таки мы уже так близко от берега, что я решил сохранить ее, как есть, если только она не начнет распространять заразу. Все на борту разделяют мое беспокойство.

2 часа пополудни. Я только что просигналил кораблю. Это оказался бриг «Джипси» под командованием капитана

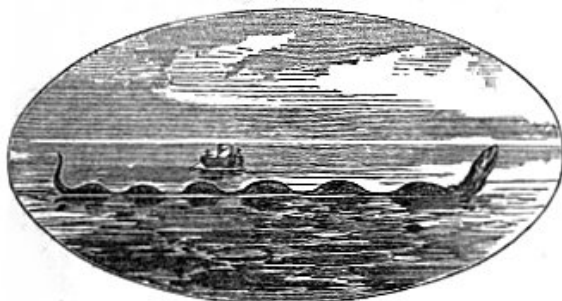
Стерджеса, вышедший восемь дней назад из Понса, Пуэрто-Рико, и направляющийся с грузом апельсинов и прочими товарами в Бриджпорт. Капитан любезно согласился по прибытии доставить это письмо в почтовую контору. Немедленно по возвращении я смогу предоставить вам более подробный отчет.

Остаюсь, господа, вашим покорным слугой.

Чарльз Сибери, капитан
Китобойное судно «Мононгахела», порт Нью-Бедфорд

ROMANCE
OF
THE SEA-SERPENT,
OR
THE ICHTHYOSAURUS.

ALSO,
A COLLECTION OF THE ANCIENT AND MODERN AUTHORITIES,
WITH LETTERS FROM DISTINGUISHED MERCHANTS
AND MEN OF SCIENCE.

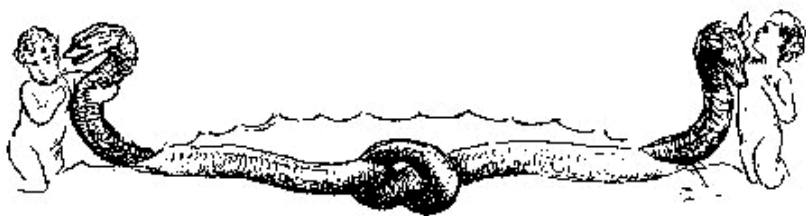
CAMBRIDGE:
PUBLISHED BY JOHN BARTLETT.
1849.

Титульный лист книги Ю. Батчелдера «Роман о морском змее, или Ихтиозавр, а также собрание древних и современных источников, с приложением писем видных торговцев и ученых» (1849)

Ханс Кристиан Андерсен

БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ ЗМЕЙ

(1871)

Жила-была одна маленькая морская рыбка из хорошей семьи; имени ее не упомяну: это пусть скажут тебе ученые. Было у рыбки тысяча восемьсот сестриц-ровесниц; ни отца, ни матери они не знали, и им с самого рождения пришлось промышлять о себе самим, плавать как знают, а плавать было так весело! Воды для питья было вдоволь — целый океан, о пище тоже беспокоиться не приходилось — и ее хватало, и вот каждая рыбка жила в свое удовольствие, по-своему, не утруждая себя думами.

Солнечные лучи проникали в воду и ярко освещали рыбок и целый мир удивительнейших созданий, кишевших вокруг. Некоторые были чудовищной величины, с такими ужасными пастьми, что могли бы проглотить всех тысячу восемьсот сестриц зараз, но рыбки об этом и не думали, — ни одной из них еще не пришлось быть проглоченной.

Маленькие рыбки плавали все вместе стадом, тесно прижавшись друг к другу, как сельди и макрели. Но вот однажды, в то время как они беззаботно плавали себе, ни о чем не думая, в самую середину их стада шумно бухнулась сверху и начала погружаться в воду какая-то тяжелая и такая длинная штука, что ей, казалось, и конца не будет! Она тянулась, стремительно шла ко дну, давя и калеча на пути попадавшихся рыбок. И все рыбы — и маленькие, и большие, и те, что держались на поверхности, и те, что гуляли в глубине, — в ужасе улепетывали в разные стороны. Страшная тяжелая штука между тем погружалась все глубже и глубже, вытягивалась все больше и больше и наконец протянулась на много-много миль по дну морскому, через все море.

Рыбы и моллюски, все, что плавает, ползает или носится по течению, все видели эту чудовищную штуку, этого невозможного, невиданного морского угря, который так неожиданно свалился к ним в море.

Что же это была за штука? Да, мы-то знаем! Это был огромный, во много миль длиною морской телеграфный кабель, который проложили люди между Европой и Америкой.

То-то смятение, то-то переполох поднялись между законными обитателями моря! Летучие рыбы подпрыгивали на воздух так высоко, как только могли, а морские петухи выскакивали из воды на целый ружейный выстрел, — такие уж прыгуны! Другие же рыбы искали убежища на дне, да так стремительно, что далеко опередили телеграфный кабель и успели напугать и треску, и камбал, которые так мирно разгуливали в глубине, поедая своих ближних.

Несколько колбасообразных голотурий так перетрусили, что выплюнули весь свой желудок и все-таки остались в живых, — им это нипочем. А сколько повышло из себя от перепуга омаров и крабов! Да еще как! Так, что под броней остались одни ножки!

Во время всего этого переполоха тысяча восьмьсот сестриц-рыбок рассеялись в разные стороны и больше уж не встречались, а может быть, и встречались, да не узнавали друг друга. С десятков сестриц удержались, впрочем, вместе и, когда первый страх прошел, вышли из оцепенения, в котором пробыли несколько часов, и принялись любопытно озираться вокруг.

Поглядели они по сторонам, поглядели вверх, поглядели вниз, и им показалось, что они видят в глубине ту ужасную штуку, которая так напугала всех: и больших, и малых. Она была очень тонка на вид, но ведь, почем знать, насколько она может раздуться или насколько вообще сильна! Она лежала на дне смиренхонько, но они подозревали, что это она только так, лукавит.

— Пусть ее лежит где лежит! Нам до нее дела нет! — сказала самая осторожная из рыбок, но самая маленькая не хотела отказаться разузнать, что это была, собственно, за шту-

ка. Явилась она сверху; наверху, значит, надо и начать разведку, и вот рыбки поднялись на поверхность. Стоял штиль; море лежало как зеркало.

Там они встретили дельфина. Это такой гуляка, вертопрах, знай себе кувыркается на морской поверхности, но глаза-то у него есть, — наверное, уж он видел ту штуку и знал о ней что-нибудь! Рыбки приступили к нему с вопросами, но он был занят только самим собою и своими прыжками, ничего не видал, ни о чем не знал и горделиво помалкивал.

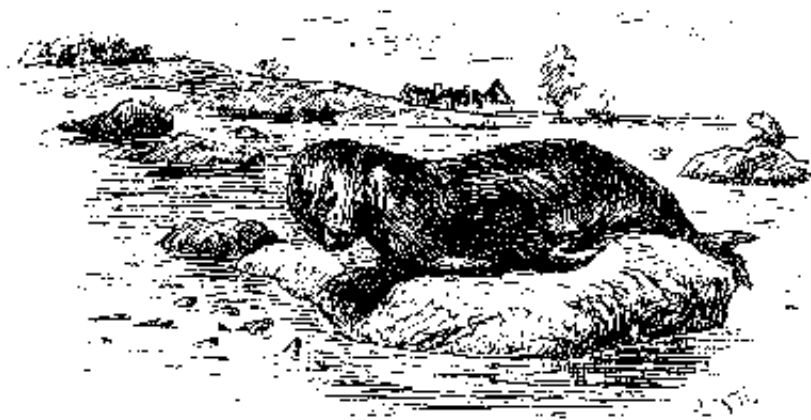
Тогда рыбки обратились к тюленю, который только что погрузился в воду. Этот оказался вежливее, нужды нет, что он ест маленьких рыбок; сегодня, впрочем, он был сыт. Он знал немножко побольше прыгуна дельфина.

— Я много ночей провел далеко отсюда, лежа на мокром камне и поглядывая на землю. Прелукавые создания эти «люди», как они сами себя называют! Они всячески стараются истребить нас, но чаще всего мы ускользаем из их рук. Мне это удавалось, удалось вот и тому морскому угрю, о котором вы спрашиваете. Он попался им в лапы, вероятно, еще в незапамятные времена и с тех пор оставался на земле. Но вот они вздумали перевезти его на судне в другую, еще более отдаленную землю. Я видел, как они старались и тужились и наконец-таки одолели его, — конечно, он успел ослабеть там, на суше! И вот они согнули его в кольцо; я слышал, как он хрустел и трещал, когда они укладывали его, но потом ему все-таки удалось ускользнуть от них сюда! Они держали его изо всех сил, вцепились в него сотнями рук, а он все-таки удрал от них на самое дно и теперь лежит там пока что!

— Он что-то тонок! — сказали рыбки.

— Они заморили его голодом! — ответил тюлень. — Но погодите, он скоро оправится, опять войдет в тело! Я полагаю, что это-то и есть тот большой морской змей, о котором люди так много толкуют и которого так боятся. Раньше я никогда его не видел и даже не верил в него, но теперь верю. Это он и есть!

И тюлень нырнул вглубь.

— Как много он знает! Как много он насказал! — зататорили рыбки. — Я сроду не знавала столько! Только бы он не наврал нам!

— Мы можем спуститься на дно и удостовериться! — сказала самая маленькая. — По дороге же узнаем, что говорят другие!

— Ну, нет, мы не шевельнем плавником, чтобы разузнавать еще! — сказали остальные рыбки и отстали.

— А я так добыюсь своего! — сказала самая маленькая и устремила на дно. Но она оказалась далеко от того места, где лежала «длинная штука». Рыбка принялась искать ее, шныряя во все стороны.

Никогда еще не думала она, что мир их так велик. Сельди гуляли огромными стаями, блистая чешуей, словно исполинские лодки из серебра; макрели ходили такими же стаями и сияли еще ярче. Повсюду гуляли рыбы всех родов и видов, всевозможных оттенков. Медузы, точно полупрозрачные цветы, неслись по течению, со дна подымались большие растения, трава в сажень вышиной и пальмообразные деревья; на каждом листке красовались блестящие раковинки.

Наконец рыбка увидала на дне какую-то длинную темную черту и устремила к ней, но оказалось, что это не ры-

ба и не кабель, а борт затонувшего корабля; верхняя и нижняя палубы его были снесены волнами. Рыбка всплыла в каюту; течение унесло оттуда всех утонувших вместе с кораблем людей, исключая двух: молодую женщину и ребенка, которого она держала в объятиях. Волны слегка приподымали их, словно баюкая; и мать, и ребенок казались спящими. Рыбка совсем перепугалась: она ведь не знала, что они не могут больше проснуться. Водяные растения обвивали борт корабля и сплелись беседкой над прекрасными трупами матери и ребенка. Как тут было тихо, пустынно! Рыбка поспешила поскорее убраться отсюда туда, где вода была освещена ярче и где попадались живые рыбы. Немного спустя рыбка встретила молодого кита, огромного-преогромного.

— Не ешь меня! — взмолилась рыбка. — Я такая маленькая, меня и на глоток-то не хватит, а мне так хочется жить!

— А что тебе понадобилось тут, в глубине? Тут ваша сестра не водится! — сказал кит.

И рыбка рассказала ему о длинном диковинном угре, или чем там была эта штука, которая погрузилась сверху и напугала даже самых храбрых обитателей моря.

— Ого! — сказал кит и так потянул в себя воду, что можно было представить себе, какой он пустит фонтан, когда опять вынырнет на поверхность! — Ого! — продолжал кит. — Так это та штука, что пощекотала меня по спине, когда я повернулся на другой бок! А я-то думал, что это корабельная мачта, и радовался было, что нашел себе хорошую чесалку! Но случилось это не тут! Нет, штука та лежит подалее! Что ж, надо от нечего делать расследовать, в чем дело!

И он поплыл вперед, а маленькая рыбка за ним — на почтительном расстоянии, — он оставлял за собою такой бурный, пенящийся след.

На пути они встретили акулу и старую меч-рыбу. Те тоже слышали о диковинном тонком и длинном угре, но еще не видели его и непременно хотели поглядеть.

Потом явился морской кот.

— И я с вами! — сказал он. — И если этот большой морской змей не толще якорной цепи, я разом перекушу его пополам! — Тут он открыл свою пасть и показал шесть рядов зубов. — Я могу оставить ими метку на корабельном якоре, так уж этакий-то стебелек и подавно перекушу!

— Вот он! — сказал кит. — Я вижу его! — Он воображал, что видит лучше других. — Глядите, как он подымается, извивается, корчится!

Но это был вовсе не морской змей, а огромнейший морской угорь в несколько сажен длиною.

— Ну, этого-то я и раньше видала! — заявила меч-рыба. — Не ему наделять такого переполоха в море и перепугать больших рыб!

И все рассказали угрю о новом угре и спросили, не отправится ли и он вместе с ними на разведку.

— Коли тот угорь длиннее меня, так надо ему шею свернуть! — сказал угорь.

— Да, да! — подхватили другие. — Нас довольно, чтобы не спустить ему!

И они двинулись вперед.

Но вот что-то загрозило им дорогу, что-то чудовищное, превосходящее своею величиною всех их вместе! Чудовище походило на плавучий остров, который не мог удержаться на поверхности.

Это был старый-престарый кит. Голова его вся поросла водяными растениями, а черная спина была усажена разными гадами и такой массою устриц и ракушек, что казалась вся в белых пятнах.

— Пойдем с нами, старина! — сказали они ему. — Тут появилась новая рыба, которая не может быть терпима!

— Нет, я лучше останусь на месте! — сказал старый кит. — Оставьте меня в покое! О-хо-хо! Я совсем разболелся! Только и облегчения, что всплыть на поверхность да выставить из воды спину! Тогда прилетают добрые, большие морские птицы и ковыряют мне спину. Славно! Если только они не запускают клювов слишком глубоко в жир, а это часто бывает. Вот, глядите! Я так и таскаю на спине целый птичий остов! Птица запустила когти слишком глубоко и

не могла высвободиться, когда я нырнул вглубь. Теперь рыбки пообчистили ее. Полюбуйтесь-ка на нее да и на меня! Ох, я совсем расхворался!

— Ну, это одно воображение! — сказал молодой кит. — Я никогда не хвораю! Ни одна рыба не хворает!

— Извините! — сказал старый кит. — У угря болит кожа, у карпов бывает оспа и у всех у нас глисты!

— Чепуха! — сказала акула.

Ей не хотелось больше слушать, да и остальным тоже, — у них было другое дело.

Наконец они добрались до места, где лежал телеграфный кабель. Он тянулся через весь океан от Европы до самой Америки, по песчаным мелям, по морскому илу, скалистому грунту, сквозь чащу водяных растений, через целые леса кораллов. Тут, в глубине, течения встречаются, образуются водовороты, кишат несметными стаями рыбы; их тут больше, чем птиц в поднебесье во время перелета.

Движение, плеск, гул, шум... Отголосок этого шума слышится еще внутри больших пустых раковин, если приложить их к уху.

— Вон он лежит! — сказали большие рыбы, а за ними и маленькая, которая первая пустилась на разведку. Они увидели кабель, начало и конец которого терялись из виду.

Губки, полипы и горгоны колыхались на дне, опускались и наклонялись над кабелем, так что он то совсем скрывался под ними, то опять показывался. Морские ежи, моллюски и червяки тоже копошились около него; исполинские пауки, носившие на себе целые поселки паразитов, шагали вдоль по кабелю. Темно-голубые морские колбасы, или как там зовут тех гадов, что едят всем своим телом, лежали смирно и словно принимались к новому созданию, лежавшему на дне моря. Камбала и треска перевертывались в воде с боку на бок, чтобы слышать на все стороны. Морские звезды, которые вечно зарываются в ил, выставив наружу только два длинных хоботка с глазами, лежали и тарасили глаза в ожидании, что выйдет из всей этой кутерьмы.

Кабель лежал недвижимо, но внутри его кипела жизнь, работали мысли, — он ведь был проводником человеческих мыслей!

— Хитрит он! — сказал кит. — Пожалуй, возьмет да и хлестнет меня в живот, а это мое самое больное место!

— Надо пощупать его! — сказал полип. — У меня длинные руки, гибкие пальцы! Я уже трогал его слегка, а теперь возьмусь покрепче! — И он протянул свои гибкие длиннейшие руки к кабелю и обвил его.

— Чешуи на нем нет! — заявил полип. — И кожи нет! Он вряд ли рождает живых детенышей!

Морской угорь растянулся рядом с кабелем и вытянулся как только мог.

— Нет, эта штука длиннее меня! — сказал он. — Ну, да не в одной длине дело, надо тоже иметь и кожу, и желудок, и гибкость!

Молодой силач-кит погрузился чуть не на самое дно; так глубоко он еще никогда не погружался.

— Рыба ты или растение? — спросил он. — Или ты просто человеческая выдумка? Тогда тебе не поздоровится!

Телеграфный кабель безмолвствовал: он хоть и разговаривает, да не так: он передает человеческие мысли, которые пробегают в одну секунду сотни миль.

— Или отвечай, или мы загрызем тебя! — крикнула свирепая акула, а за нею повторили то же и остальные: — Или отвечай, или мы загрызем тебя!

Но кабель не двигался, он думал свое. И как ему было не думать, если он был полон мыслями! Он думал: «Грызите себе на здоровье! Испортите — меня вытащат да исправят! Случалось это с нашим братом, хоть и не в таких больших морях!»

Вот почему он и не отвечал. К тому же он был занят другим — телеграфировал; он ведь лежал здесь на дне по служебной обязанности.

А над морем «заходило солнышко», как выражаются люди; оно горело, как жар, и облака на небе тоже горели, как жар, одно великолепнее другого.

— Теперь нас осветит красным огнем! — сказали полипы. — Тогда, пожалуй, и эту штуку будет виднее, если это вообще нужно.

— Ату его! Ату его! — закричал морской кот, оскаливая зубы.

— Ату его! Ату его! — закричали меч-рыба, кит и морской угорь.

Все бросились вперед, морской кот впереди всех, но только что он хотел укусить кабель, как меч-рыба стгоряча угодила ему своим мечом прямо в зад! Это была большая ошибка, и морской кот так и не укусил кабель, — ослабел!

Пошла кутерьма: большие и малые рыбы, морские огурцы и моллюски сталкивались, тискались, давили, мяли и пожирали друг друга. А кабель лежал себе смирнехонько и делал свое дело. Так оно и следует.

Над морем спустилась ночная тьма, но в море засветились мириады живых маленьких созданий. Светились даже раки величиной меньше булавочной головки! Диковинно, но это так!

Обитатели моря смотрели на кабель. Что же это за штука?

Да, вот был вопрос!

Тут явилась старая морская корова; люди зовут ее «морскою девою» или «водяным». Это была особа женского пола, с хвостом, двумя короткими лапами для гребли и висячими грудями; голова ее была покрыта водорослями и паразитами, чем она очень гордилась.

— Хотите вы знать, в чем дело? — сказала она. — Я одна могу дать вам объяснение. Но я требую за это свободного пастбища на дне морском для меня и всех моих. Я такая же рыба, как и вы, а благодаря упражнению стала и ползучим животным. Я умнее всех в море, я имею сведения обо всем, что движется вниз и наверх. Штука эта, над которой вы ломаете себе головы, явилась сверху, а все, что является оттуда, — мертво или сейчас же умирает, становится бессильным. Так пусть она себе лежит! Это человеческая выдумка и больше ничего.

— Ну, а по-моему, она значит кое-что побольше! — возразила маленькая рыбка.

— Молчать, макрель! — сказала морская корова.

— Ах ты, колюшка! — сказали другие, и это вышло еще обиднее.

И морская корова объяснила им, что вся эта громкая штука, которая, в сущности-то, и не пискнула даже, только выдумка людская. Затем она прочла небольшую лекцию о коварстве и злобе людей.

— Им хочется изловить нас всех! Они только для того и живут! Закидывают сети, крючки с приманкой — все, чтобы подманить нас. И эта штука тоже нечто вроде большой удочки, — они думают, что мы все так сразу и вцепимся в нее зубами! Глупые! А мы-то не глупы! Только не троньте этой дряни, она изветшает сама, станет трухой, тиной! Все, что является оттуда, сверху, — гниль, дрянь, никуда не годится!

— Никуда не годится! — подхватили все остальные, присоединяясь к мнению морской коровы, — надо же иметь хоть какое-нибудь!

Но маленькая рыбка осталась при особом мнении. «А может статься, этот огромный, тонкий змей — диковиннейшая морская рыба? Сдается мне, что так!»

«Да, это нечто диковиннейшее!» — скажем вместе с нею и мы, и скажем сознательно и уверенно.

Это-то и есть тот большой морской змей, о котором стари твердили нам песни и предания.

Он порождение человеческого ума. Люди спустили его на дно морское, и он тянется там от восточной страны до западной, передавая вести с такою же быстротою, с какою доходит до земли луч солнца.

И змей этот все растет в длину, становится все сильнее год от года, проходит по всем морям, окружает кольцом всю землю, прячась то в бурных, то в тихих и таких прозрачных волнах, что шкипер видит в них — словно плывет в прозрачном воздухе — мириады рыб и целый фейерверк красок.

Глубоко-глубоко под водой, на самом дне, покоится этот змей, благодатный змей Мидгарда, окружающий кольцом всю землю и кусающий свой собственный хвост. О него с раз-

лету стучаются лбами рыбы и гады и все-таки не понимают значения этой штуки, не понимают, что это — полный человеческих мыслей, говорящий на всех языках и в то же время немой хранитель тайн, чудо из морских чудес, современный большой морской змей.

115, 111, 105 and 116 DAYS to
SAN FRANCISCO.

Merchants' Express Line of Clipper Ships.
DISPATCHING NONE BUT FIRST-CLASS VESSELS.

THE EXTREME OUT-AND-OUT CLIPPER SHIP

SEA SERPENT

PIKE, Commander.

Is now loading at Pier 10 East River.

This world-renowned vessel is in perfect order for the voyage, and being of very small capacity, 1,700 tons, will sail promptly.

Engagements must be forwarded at once.

RANDOLPH M. COOLEY,

88 WALL ST., Tontine Building.

Agents in San Francisco, Messrs. DE WITT, KITTLE & CO.

KEIGHT & CO., PRINTERS

Реклама клиппера «Морской змей» (1860-е?)

Шарль Ренар

МОРСКОЙ ЗМЕЙ

(1881)

*На борту парохода «Дон» Royal Mail Steam
Packet Company под командованием
капитана Роберта Вулворда.*

Воскресенье, 14 августа 1881 г.

Месье редактор!

Я начинаю свое письмо с просьбы предоставить удостоверение корреспондента журнала *Le Monde Illustré* моему другу, господину Э. де Контрерасу-и-Алькантаре, жителю Понсе (остров Пуэрто-Рико, испанская колония).

Я обязан господину де Контрерасу прилагаемым наброском, точность которого подтверждают семь подписей свидетелей, как-то:

Г-н Э. де Контрерас-и-Алькантара из Понсе, остров Пуэрто-Рико;

Г-н Карло Лопес Альдана из Лимы, Перу;

Г-н Энрике Роман из Картахены, Колумбия;

Г-н А. Э. Хименес де сан Хосе из Коста-Рики;

Г-н Морис Ренар из Парижа;

Г-н Ш. Ренар из Парижа, ваш корреспондент.

Мы наблюдали за существом в течение десяти минут при свете полной луны. Пока я зарисовывал его, мой сын записывал свои наблюдения, как и господин Контрерас. Эти господа находились у маленького окна курительного салона, а я высовывался в иллюминатор, расположенный прямо над ними, и держался за ванты. Затем мы сравнили наши наблюдения.

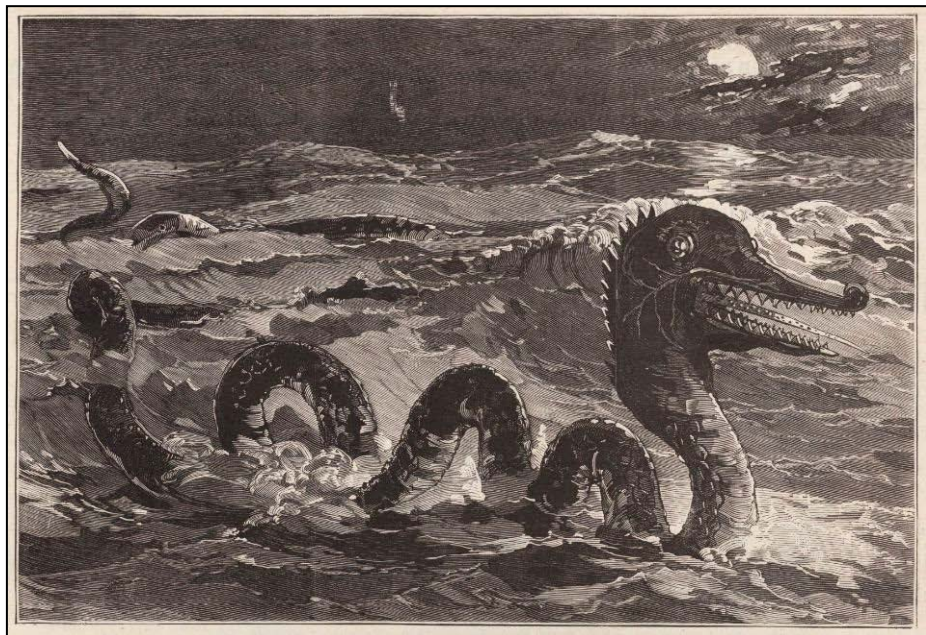
В чудовище, насколько позволило нам примерно оценить его длину извивающееся тело, было около сорока или пятидесяти метров от головы до кончика хвоста. Туловище от спинного хребта до середины брюха покрыто не то рядами чешуек, не то грубой шкурой, как у акулы, но образуя-

щей чешуйки, идущие рядами внахлест. Спина очень темная и постепенно светлеет ближе к брюху, где цвет переходит в грязно-серый. Все тело также усеяно поперечными чередующимися полосами темно-зеленого, каштанового и серого цвета. Хвост утончается к кончику, как у угрей. Я оставляю на потом описание весьма примечательной головы, которую мы хорошо рассмотрели. Голова эта не овальная, а скорее заостренная, как у большинства змей; череп представляет собой гигантскую массу грубой и неправильной формы. На затылке имеется твердый и подвижный гребень с чрезвычайно острыми выступами. Чудовище способно прижимать этот гребень к шее, и в этом случае он становится незаметным. Верхняя челюсть выдается вперед, как показано на наброске, кончик раздвоен, и на нем видна темная впадина, напоминающая ноздрю. Нижняя челюсть более заостренная, с округлыми выпуклостями, похожими на карманы и предназначенными, несомненно, для облегчения заглатывания. Зубы громадные, белые и чрезвычайно острые. В глубине пасти виднеется язык, прикрепленный к своеобразному утолщению. Этот твердый и заостренный язык снабжен присосками, блестит как сталь и фосфоресцирует, подобно морю в ночные часы. Глаза круглые, очень яркие и подвижные; похоже, животное способно смотреть назад, настолько быстры и хорошо скоординированы его движения. Глазница окружена кольцом более светлого цвета и защищена веком, поросшим волосами или щетиной.

Морда животного украшена серой косой линией, проходящей от носа к шее; по бокам с каждой стороны — три линии того же цвета.

В воде животное движется совершенно бесшумно. От него лишь расходятся волны, переходящие затем в легкую рябь.

Чудовище издавало зловоние, способное свалить с ног. Этот запах, от которого мы не могли избавиться на протяжении более получаса, напоминал смесь запахов большой мастерской дома Лесажа, главного канализационного коллектора Аньера в жару и дюжины скотобоен Бийанкура. Чтобы устранить его, понадобились бы все духи наших лучших парфюмеров.

*На борту парохода «Дон», в среду 10 августа, 29°60' северной
широты и 42°40' западной долготы. Морской змей?
(Рисунок по наброску Ш. Ренара, пассажира «Дона»)*

Монстр казался старым, судя по его размерам, а также цвету и состоянию его загрубевшей шкуры.

Встречи с подобными животными происходят не впервые. Похожее существо наблюдал в 1847 г. португальский корабль «Лиссабон», капитан Жуан Альфонсо Зарка-и-Капеда. Дата соответствует шквалу насмешек «Шаривари» над «Конститюсьонель» и разгулу картофельной эпидемии.

В 1864 году первый помощник с «Дона» видел похожее животное у берегов Японии и вытатуировал его изображение у себя на руке.

Завершая это сообщение, позвольте заверить, что монстра видели все нижеподписавшиеся в среду вечером, 10 августа 1881 года, без четверти десять вечера, и произошло это в точке с координатами

29°60' широты
42°40' долготы

считая градусы от Гринвичского меридиана.

Ш. Ренар

(Ниже следуют семь подписей указанных лиц).

Джон К. Хатчесон

РАССКАЗ ДЖИМА НЬЮМАНА,
или Встреча с морским змеем

(1886)

— Вы бывали на Нигере, сэр?

— Конечно же нет, Джим! Ты же знаешь, что меня никогда не посылали в Африку, да и в другие места, если на то пошло. Почему ты спрашиваешь?

— Точно не скажу, сэр. Может, проклятый туман с моря чем-то напомнил мне Африку — хотя между западным берегом и Портсмутом мало общего, верно, сэр?

— Думаю, действительно мало. Но почему из всех мест на свете ты вспомнил именно о Нигере?

— Это целая история, сэр, — ответил он, многозначительно прищурив левый глаз и передвигая языком во рту табачную жвачку. — Да уж, целая история!

Джим Ньюман, старый моряк Королевского флота, давно вышел в отставку и для приработка к пенсии сдавал лодки в аренду отдыхающим горожанам. Сейчас он прислонился к рассохшейся угольной барже, служившей ему конторой. Баржа лежала далеко от воды, в безопасном сухом месте на берегу — на полпути между Саутси-Кастлом и гаванью Портсмута. Джим, не отрывая глаз, глядел на пролив Солент и лежащий вдали остров Уайт. Мы с ним были добрыми друзьями, и ничто не доставляло мне большей радости, чем те часы, когда мне удавалось уговорить его (надо сказать, в особых уговорах он не нуждался) открыть закрыта воспоминаний и рассказать мне историю-другую о старине, когда он плавал по морям в деревянных крепостях Англии и последним словом техники были парусные фрегаты, а не винтовые броненосцы на паровом ходу. Мы перебрасывались замечаниями о войне и погоде, когда он вдруг задал мне вопрос о великой африканской реке, подарившей бедным Самбо, так сказать, «место обитания и имя».

Бурные апрельские ливни успели смыть все следы бешеных мартовских ветров, и жара внезапно стала почти тропической. В воздухе не ощущалось ни дуновения, море лениво спало, иногда чуть подрагивая — но ни единый камешек не шевелился на берегу и волна растрачивала себя где-то вдалеке. С моря напознала тяжелая и плотная белая мгла. Она поглотила сперва остров, затем рейд Спитхеда и постепенно окутывала все вокруг своими мохнатыми и влаж-

ными, но теплыми складками. По словам Джима, туман с моря предвещал жару, и мы могли ждать обычного теплого лета, не то что в последние годы.

— Да, сэр, — повторил он, — многое я могу порассказать о смертоносном Нигере, и о Габоне, и обо всем том страшном берегу от Лагоса до Конго, если мне захочется, уж поверьте! Этот морской туман напомнил мне Африку, мастер Чарльз. Я хорошо знаю проклятую белую тьму, что опускается, как занавес! «Саван белого человека» — так называли ее негры, и для многих она стала саваном: климат-то там убийственный, черт побери!

— Лучше сразу расскажи о Нигере, Джим, — попросил я, стремясь наставить его на путь истинный. Когда Джим начинал заниматься нравоучениями или впадал в сентиментальное настроение, дело обычно заканчивалось тем, что он бросался на все и вся. А когда Джим сердился, было уже не до историй.

— Слушаюсь, ваша честь! — сказал старик, тотчас принимая привычный безмятежный вид. Он снова подвигал языком табак и удобней оперся о баржу, на шканцах которой я устроился, свесив ноги. — Есть, ваша честь! Вы ждете историю? Что же, лучше мне сняться с якоря и отправиться в путь, пока еще виден штурвал!

— Полный вперед, Джим! — с нетерпением проговорил я. — Ты медлишь, как трехпалубный пароход!

Услышав мои понукания, Джим прочистил горло, то есть, как было у него заведено, глухо и хрипло покашлял — и без дальнейших проволочек приступил к рассказу.

— Я уж лет двадцать как вышел в отставку, точнее будет сказать, лет тридцать. Все последние годы мы только и ходили в Западную Африку. Четыре года это продолжалось, и я хорошенько те четыре года запомнил. А запомнил потому, что прежде, чем я покинул этот треклятый смертельный берег с раскаленными песками и зловонными отравленными лагунами, покрытыми густой зеленой слизью, я увидел там такое, что до смерти не забуду. Довольно мне было и этого, чтобы навсегда запомнить Африку!

— Вот это по-нашему, Джим! Рассказывай! — Я уселся поудобнее и приготовился слушать. — Что же такое ты видел?

— Эй, помедленней! Не гоните, ваша честь. Скоро узнаете. Я служил тогда на старушке «Амфитрите» — давненько как бедняжку сломали на дрова и сожгли! Стояли мы в заливе Бенин рядом с кораблем рабовладельцев, который захватили за день до того близ Уиды. Это была бразильская шхуна с пятью сотнями несчастных созданий на борту. Набили их так плотно, что между ними и ногу негде было просунуть. Рабы провели на борту всего сутки, но утрамбовали их, как сельдей в бочке, солнце припекало и вонь стояла невыносимая. Мы мечтали побыстрее отправить шхуну в Сьерра-Леоне и избавиться от ужасного запаха, а был он куда хуже, чем зловоние болот на берегу! Шхуну ту мы остановили, когда снесли ей точным выстрелом фок-мачту, и отвели в залив. Меня поставили на утреннюю вахту. Я ждал смены, сменщик как раз вышел на палубу — и тут меня окликают, кто бы вы думали? Мой приятель, Гил Саул, стоявший в дозоре на носу. Это с ним вместе мы начали лодочное дело тут, на берегу, но он давно уж сыграл в ящик, как и старушка «Амфитрита».

Подходит он, а лицо у него белое, точно ваша рубашка. Весь дрожит, как будто малярию подхватил.

— Господи, Саул, — говорю я, — что с тобой, приятель? В больные, никак, записался?

— Тише, Джим, — говорит он, а сам дрожит от ужаса. — Не говори так. Я видел привидение и знаю, что до заката помру!

Я так и покатился со смеху.

— Господи помилуй, Джим! — говорю я. — Прибереги это для морских пехотинцев, мой мальчик! Меня ты не проведешь! Ни один уважающий себя призрак не покинет добрую старую Англию ради этого грязного и жаркого западного берега, куда ни один христианин по собственной воле не ступит, не то что привидение!

— Вот только, Джим, — говорит он, а сам берет меня за рукав, так как я собрался уже спуститься вниз, — я видел не

английское привидение, а самую дикую заграничную репетицию, какую только можно представить. Это была длинная, черная, огромная змеюка, похожая на крокодила, но вдвое больше старого корвета. Голова как у птицы, глаза громадные и горящие, как наши бортовые фонари. Жуткая тварь, Джим! Глаза у нее светились, что твои молнии. Она проплыла мимо корабля и фыркала, как лошадь. Небеса подают мне знак, и до утра я помру, так и знай!

Бедняга трясся от страха, хоть и был одним из самых храбрых людей на корабле. Я решил, что он напился, а теперь у него делириум трембис или, может, африканская лихорадка. Эту напасть не забудешь! Попытался я его урезонить, как мог.

— Неплохо, Саул! — говорю я. — Но никому другому не рассказывай, что видел великого морского змия, иначе не миновать тебе карцера.

Гил так на меня рассердился — я-то вроде как ему не поверил — что даже дрожать позабыл.

— Это был морской змий, говорю тебе, или его родной брат. Я его своими глазами видел и вовсе не спал, даже носом не клевал!

— Морской змий! — говорю я и сам смеюсь, а Гил знай свирепеет. — Да кто в такое поверит? Одни янки о змие рассказывают!

— А почему бы в воде не жить большому змию, Джим Ньюман? На земле ведь живут большие змеи, например боа конректор, как пишут в книгах по истории! Есть же такие люди — все им покажи да подай. А кто дома поверит, Джим, что в Африке есть обезьяны, которые ходят на двух ногах и ростом будут повыше человека? Не ты ли мне рассказывал, что видал в Австралии кроликов, и что эти кролики вытягиваются футов на десять, когда встают на задние лапы, а одним прыжком покрывают сотню футов?

— Рассказывал, Гил Саул, — говорю я, потому как он меня немного вывел из себя, и то, как он все это сказал, тоже. — И говорил чистую правду. Видывал я в Порт-Филлипе кенгуру. Они совсем как кролики со стоячими ушами, и такие же большие, как я сказал. И еще я видел, как они пры-

гали вдвое дальше любой лошади!

— Так почему же, — тут он сразу ловит меня на слове и начинает аргументовать, — в море не может водиться морской змий?

Это меня немного сбило с толку. Я не нашелся, что ответить. Пришлось выйти из затруднения, ответив вопросом.

— А почему ты говоришь, Гил, что видел привидение, а сам видел морского змия?

Тут он и сам замялся.

— А потому, Джим, — говорит он, помолчав, — что он показался мне таким жутким, когда вылез из белого тумана. Глаза так и светятся красным, клюв страшный! Я и подумал, что это призрак, если не морской змий. Но если увидел того или этого, жди беды, вот что я твердо знаю! Не сносить мне головы, Джим!

Я никак не мог его разубедить, хоть мне-то это все казалось сущей ерундой. Я спустился вниз, залез в свою койку и спокойно заснул. О змие я даже не вспомнил. Но, черт побери, было лишь раннее утро. День еще не прошел, как пришлось мне вспомнить наш разговор, и было это так ужасно... о, так ужасно!

Старый моряк снял брезентовую шапку и вытер лоб платком, словно воспоминания о прошлом до сих пор не отпускали его. Вид у него при этом был такой серьезный, что я не решился рассмеяться — а ведь я привык поднимать на смех любую историю наподобие рассказней о пресловутом морском змее, этих трансатлантических мифов, постоянно навещающих в мертвый сезон страницы американских газет.

— А сам ты видел змея? — спросил я. — И что случилось с пророчеством Саула?

— Сейчас услышите, — мрачно отвечивал он. — Я не байку рассказываю, как вы это называете, мастер Чарльз. Я говорю правду.

— Продолжай, Джим, — подбодрил я его. — Я слушаю. Я весь внимание.

— Когда отбили восемь склянок, в залив вошел еще один военный корабль и пригнал пустое рабовладельческое судно, которое удалось захватить до погрузки. Мы разме-

стили на нем часть бедолаг с бразильской шхуны и с удобством отправили всех в Сьерра-Леоне. Этого-то мы и ждали, как я уже говорил. Теперь мы могли спокойно выйти в рейд. Мы подняли якорь и направились вдоль берега к югу: с пришедшего корабля сообщили, что где-то там ошивается другой рабовладелец.

Весь день дул порывистый ветер, и это было странно, потому что ветер там обычно к полудню стихает. К вечеру мы отошли миль на восемьдесят от залива, и вдруг наступил полный штиль. Ветер как будто неожиданно оборвался. До того день был ясный, но как только начался штиль, вокруг судна поднялся густой белый туман — совсем как этот туман с моря, который закрыл сейчас остров и Спитхед. Теперь вы понимаете, почему он напомнил мне Нигер и западный берег, мастер Чарльз?

— Да, — ответил я. — Я понимаю, о чем ты, Джим.

— Берега Африки всегда окутаны по утрам этими густыми туманами. В таком густом тумане Гил и увидел свое привидение. После заката туман поднимается снова, но никогда не бывало, чтобы туман наползал днем, при ярком солнце. Чудная была погода, доложу вам! Мало-помалу туман чуть рассеялся. На спокойной и маслянистой поверхности моря танцевали белесые клочья, как солнечные пятна на лужайке. Иногда эти клочья опускались прямо на корабль, и тогда другой край палубы было не разглядеть. Туман принес с собой отвратительный запах: зловоние лагун у берега, приправленное вонью рабовладельческой шхуны, только в тысячу раз сильнее. Откуда тот запах взялся, не могу сказать, но мы едва его выносили. Я совершенно ничего не понимал.

Пока глядел на море и ломал себе голову, откуда взялся туман вместе с зловонием, на палубу поднялся Гил Саул. Выглядел он еще хуже, чем утром. Раньше его кожа была белой, как мел, а теперь стала серой, пепельной, как у трупа. Я был так встревожен, что тут же воскликнул:

— Иди вниз, Саул! Иди и покажись доктору!

— Нет, — говорит он, — никакой доктор мне не поможет, Джим. На меня снова нашло. Точно тебе говорю, скоро я опять увижу это привидение или змия.

Честно сказать, я почувствовал себя как-то странно: его лицо, слова, зловонный туман... Я не то что бы испугался, но одно могу сказать: в ту минуту я предпочел бы оказаться в Портсмуте, да в ясный день, а не торчать у этого берега.

— Ты что-то тогда увидел, Джим? — прервал я старого моряка.

— Я *пока что* ничего не видел, мастер Чарльз. Но я что-то почувствовал... Не знаю даже, как объяснить. Какое-то неприятное чувство, точно кто-то бродит по моей могиле, как говорится, потустороннее какое-то...

Капитан и первый помощник были на квартердеке. Помощник прижимал к глазу подзорную трубу и пытался что-то разглядеть среди ключьев тумана. Я находился так близко от них, что мог расслышать их разговор.

Помощник, вижу, чуть повернулся к капитану и бросил через плечо:

— Капитан Мантер, четко рассмотреть не удастся, но все это крайне любопытно...

После он поворачивается ко мне и говорит:

— Ньюман, поскорее ступай к моему стюарду, и пусть даст тебе мою ночную подзорную трубу.

Я побежал вниз, принес трубу и подал ему, а он отдал мне первую и стал смотреть.

— Клянусь Богом, капитан Мантер, — говорит он, — это величайшее морское чудовище, какое я когда-либо видел!

— Ха! — говорит капитан, берет у него трубу и смотрит в нее сам. — Это всего лишь водяной смерч. Иногда они принимают самые странные формы.

Но потом я услышал, как он тихо сказал что-то помощнику. Затем уже громче:

— Лучше быть наготове.

И он немедленно отдал приказ, боцман засвистел и мы все помчались на свои места. Странно, правда? Так подумали все и каждый на «Амфитрите».

Снова поднялся небольшой ветер. Я был на наветренном борту, ветер дул с берега, и вдруг Гил Саул — а он командовал моим расчетом в той батарее — схватил меня за руку и сильно сжал.

— Приближается! Приближается! — проговорил он прямо мне в ухо.

Тот же ужасный гнилой запах накатил на корабль, слышался шум, точно стадо диких лошадей одновременно пило воду.

В эту минуту туман чуть рассеялся. Стало видно на несколько миль в наветренную сторону. Капитан, первый помощник и все матросы смотрели туда, словно чего-то ожидая.

Господи! Я еле удержался на ногах, говорю вам! Никогда в жизни не видел ничего подобного, и надеюсь, никогда не увижу! Это был змий, громадная репетилия — только он был огромней, чем можно себе представить. Он высовывал из воды колоссальную птичью голову, шея его была выше нашей грот-мачты, и мчался с невероятной быстротой почти тем же курсом, что и мы, поднимая волны, как колесный линейный корабль. Длина его, насколько я мог видеть, составляла не меньше половины мили, не говоря уже о той части тела, что оставалась под водой. Он был толще любого кашалота, это уж точно, потому как возвышался над водой на добрых пять футов.

Я видел, что капитан и его помощник были как громом поражены. Но капитан Мантер был самым храбрым офицером, какого я знал, так что он быстро взял себя в руки, а тем временем туман вновь сгустился и отрезал нас со всех сторон — и в яре от борта ничего не разглядеть.

— Не пугайтесь, ребята, — прокричал капитан бодрым и громким голосом, чтобы все матросы слышали. — Это всего-навсего водяной смерч. В тумане он кажется больше, чем на самом деле. Когда смерч подойдет ближе, мы угостим его залпом с правого борта и он рассеется.

— Да! Да! — радостно закричали все. Тем временем злобование становилось все ужасней. Фыркание и плеск, которые мы слышали раньше, стихли было, когда капитан заговорил, а теперь сделались совсем оглушительными.

С той секунды, как мы увидели репетилию, бедняга Гил все держался за меня, но не выпускал из правой руки запальный шнур орудия.

— Огонь! — прокричал капитан.

Все пушки правого борта выпалили одновременно, ровно над водой над водой и параллельно палубе, так как капитан Мантер еще раньше приказал нам опустить стволы. Старушка «Амфитрита» содрогнулась до самого киля.

Клянусь, сэр, это так же верно, как то, что я стою сейчас здесь и разговариваю с вами: едва только пушки дохнули огнем и дымом и выбросили ядра, раздался ужасный рев, послышался всплеск воды и волны набежали на нас, как прибой на берег. Люди растерялись и застыли, глядя вокруг, ведь ни один смертный такого не видывал. Гил вцепился в меня еще сильнее, бросил запальный шнур и завопил:

— Там! Там!

О, это было страшно, мастер Чарльз! Длинное тяжелое тело будто поднялось в воздух, пронеслось над кораблем и упало в море далеко с подветренного борта. Когда оно пролетало над нами, мы с Гилом подняли головы и увидели страшные огненные глаза самой громадной змеи, какая с начала времен ползала по земле — вот только эта летела по воздуху. Из ее уродливой головы торчал длинный клюв, как у птицы, а вокруг шеи была желтовато-зеленая бахрома или капюшон, похожий на мешок под горлом у рассерженной ящерицы. Больше я ничего не разглядел: тварь пронеслась над нами и в мгновение ока была уже в миле или больше по подветренному борту. Затем сгустился туман и скрыл ее из виду. Кроме того, я был занят Гилом — он упал в обморок и лежал без движения, как мертвый.

Чем бы ни была эта тварь, она снесла нашу грот-стенгу вместе с реями и парусами, будто пушечный залп, и нигде в море их не было видно, как мы ни приглядывались.

— Чуть не задел посерьезней! — сказал капитан, придя в себя. Он обращался к помощнику, но все услышали — так тихо было на борту. — Как говорится, на волосок, мистер Фримантль. Мне доводилось видеть, как смерч причинял гораздо больший ущерб, и мы должны быть благодарны.

И затем все занялись ремонтом и приведением судна в порядок. После нас здорово потрепало, пока мы не дошли до Сьерра-Леоне для починки.

Гил долго оставался без сознания, потом у него началась сильная лихорадка и он едва выжил. Он никогда не забывал то, что видел, и я не забывал, и все остальные матросы тоже, хотя мы никогда об этом не говорили. Мы знали, что видели нечто потустороннее, и даже капитан и мистер Фримантль хорошо это знали, пусть и списали весь ущерб на смерч, чтобы не тревожить людей. Мы видели великого морского змия, все мы видели, до последнего матроса на борту! И было это предостережение, как и сказал бедолага Гил Саул. Странно сказать, но никто из тех, кто был на борту «Амфитриты», когда мы столкнулись со змием, кроме него и меня, больше не ступил на землю доброй старой Англии! Кости всех остальных остались белеть под солнцем на раскаленных песках Африки. Там, в этом смертоносном климате, полегло на десять тысяч больше наших соотечественников, чем спасли мы рабов из цепей!

— Но, Джим, — сказал я, когда старый моряк замолчал, — ты уверен, что это действительно был морской змей? Может быть, вы и вправду увидели в тумане смерч или какой-нибудь обломок корабля?

Услышав такое предположение, Джим Ньюман мгновенно нахмурился и заворчал.

— Ну да, конечно, — саркастически произнес он. — Водяные смерчи и обломки вечно носятся с быстротой двадцати миль в час, когда никакого ветра нет и стоит мертвый штиль... Водяные смерчи и обломки воняют, что твои хорьки, в сотнях миль от берега. Водяные смерчи и обломки ревут, как миллион диких быков, фыркают и плещутся в воде и шумят, как тысяча скорых поездов в туннеле, правда же?

Сарказм Джима заставил меня замолчать. Я смиренно попросил у старого моряка прощения за то, что осмелился поставить под сомнение его рассказ.

— Кроме того, мастер Чарльз, — настаивал он, успокоившись и вновь обретя обычное хладнокровие, — кроме того, припомните, что почти в тех же местах и примерно в то же время — в начале августа 1848 года — морского змия, над которым столько подшучивают люди, никогда его не видевшие — заметили с борта корвета «Дедал». Змия видели ка-

питан и команда, событие было занесено в судовой журнал и о нем был представлен рапорт Адмиралтейству. Думаю, вы не станете сомневаться в заявлении, сделанном капитаном флота, джентльменом и человеком чести, и подтвержденном свидетельствами вахтенного лейтенанта, штурмана, гардемарина, старшего матроса, боцманмата и рулевого — остальные в то время были внизу?

— Нет, Джим, — ответил я, — это говорит само за себя.

— Мы были примерно на 5°30' северной широты и 3° восточной долготы, — продолжал старый моряк, — и видели змия 1 августа 1848 года, а они на 24°44' южной широты и 9°22' восточной долготы, когда повстречались с ним 6 августа. Видать, дивная репетиция — ибо это была репетиция — наддала ходу после встречи с нами!

— Возможно, ей прибавил скорости ваш бортовой залп? — предположил я.

— Может быть, — сказал Джим. — От нас змий направился прямо в том направлении, на юго-восток. Осмелюсь сказать, что он, если бы захотел, сделал бы сто узлов в час с такой же легкостью, как мы десять при полном ветре.

— Так значит, ты в самом деле видел великого морского змея? — спросил я, когда старый моряк вновь задвигал челюстями, пережевывая табак, что означало конец рассказа.

— Ни малейшего сомнения, сэр. Длины в нем было, как отсюда до внешнего бакена, а шириной он был с один из тех круглых фортов.

— Отличная байка, Джим, — сказал я. — Но не хочешь ли ты сказать, что видел его собственными глазами, как и вся остальная команда?

— Говорю вам, видел, мастер Чарльз, так же ясно, как вижу вас. И разрази меня гром, если этот змий не перепрыгнул через «Амфитриту», пока мы с Саулом смотрели, и не снес нашу грот-стенгу со всем такелажем и парусами!

— Полагаю, это было удивительно, Джим, — сказал я.

— О да, сэр, — отозвался он, — но вам бы это показалось еще более удивительным, если бы видели того змия, как

видел я!

Вскоре после этого я решил проверить, не перепутал ли что-либо Джим, рассказывая о рапорте капитана «Дедала» Адмиралтейству, и взял на себя труд перерыть целую гору местных газет. Как ни странно, в одном из номеров «Хэмпшир телеграф» за 1848 год я нашел нижеследующую копию письма, направленного капитаном Ма-Кайе 11 октября 1848 года начальнику порта Девонпорт:

Корабль Ее Величества «Дедал»
Хамоазе, 11 октября.

Сэр, — в ответ на Ваше письмо от сегодняшнего числа, запрашивающее объяснений касательно истинности сообщения, опубликованного в газете *Глоб*, относительно морского змея необычайных размеров, замеченного во время перехода из Ист-Индии с борта корабля Ее Величества *Дедал*, находившегося под моим командованием, имею честь сообщить Вам и членам адмиралтейского совета следующее:

В пять часов пополудни 6 августа сего года, когда корабль находился на 24°44' южной широты и 9°22' восточной долготы, причем погода стояла сумрачная и облачная, ветер дувал с Н.-В., на З.-В. отмечалось умеренное волнение и корабль шел левым галсом на Н.В.т.Н., мистер Сарторис, гардемарин, заметил нечто необычное, быстро приближающееся к кораблю с траверса. Об этом обстоятельстве он немедленно известил вахтенного офицера, лейтенанта Эдгара Драммонда, вместе с которым и мистером У. Барретом, штурманом, я в этот момент прогуливался по квартердеку. Команда в то время находилась за ужином.

Обратив внимание на объект, мы нашли, что это была гигантская змея, чья голова и плечи постоянно оставались в четырех футах над поверхностью моря; приблизительное сравнение размеров животного с тем, как выглядел бы в воде наш грот-марса-рей, показало, что длина его составляла не менее

шестидесяти футов *à fleur d'eau* и что никакая видимая часть тела, насколько мы могли судить, не способствовала его передвижению в воде, будь то с помощью вертикальных или горизонтальных сокращений. Существо быстро проплыло мимо нас, но так близко к юту с подветренного борта, что, будь то знакомый мне человек, я без труда невооруженным глазом распознал бы черты его лица. Во время приближения к кораблю и после того, как оно пересекло наш кильватер, существо во ни разу не отклонилось от своего курса на З.-В., продолжая плыть со скоростью от двенадцати до пятнадцати миль в час, судя по всему, с какой-то определенной целью.

Диаметр змеи составлял от пятнадцати до шестнадцати дюймов непосредственно за головой; голова эта вне сомнения была змеиной и ни разу на протяжении тех двадцати минут, что существо находилось в поле зрения наших биноклей, не опускалась под воду. Цвет ее был темно-коричневым, на горле — желтовато-белым. Плавников не имелось, но на спине колыхалось нечто похожее на конскую гриву или, скорее, пучки водорослей. Животное, помимо меня и указанных выше офицеров, видели старший матрос, боцманмат и рулевой.

Я велел выполнить рисунок змея на основе наброска, сделанного сразу после встречи с ним, и надеюсь, что он будет готов для отправки господам членам адмиралтейского совета с завтрашней почтой.

Остаюсь и проч.,

Питер Ма-Кайе, капитан.

Адмиралу сэру У. Г. Кейджу, Г.С.Н., Девонпорт

Ознакомившись с этим рапортом, который в свое время в полной мере подтвердили другие свидетели, я не имею причин сомневаться в рассказе Джима Ньюмана о встрече с ВЕЛИКИМ МОРСКИМ ЗМЕЕМ!

Т. Хилл. Левиафан

Р. Киплинг

ИСТИННАЯ ПРАВДА

(1892)

And if ye doubt the tale I tell,
Steer through the South Pacific swell;
Go where the branching coral hives
Unending strife of endless lives,
Where, leagued about the 'wildered boat,
The rainbow jellies fill and float;
And, liting where the laver lingers,
The starfish trips on all her fingers;
Where, 'neath his myriad spines ashock,
The sea-egg ripples down the rock;
An orange wonder dimly guessed,
From darkness where the cuttles rest,
Moored o'er the darker deeps that hide
The blind white Sea-snake and his bride
Who, drowsing, nose the long-lost ships
Let down through darkness to their lips.

The Palms.

Священник всегда останется священником; масон — масоном; и журналист всегда и везде останется журналистом.

Нас было на борту трое, и все мы были газетчиками. Мы были единственными пассажирами бродячего пароходика, бегавшего по морям, куда вздумается хозяевам. Когда-то он возил железную руду из Бильбао, после был сдан в аренду испанскому правительству и отправлен в Манилу, а ныне заканчивал свои дни в Кейптауне, перевоза рабочих-кули и время от времени добираясь до Мадагаскара и даже до самой Англии. Мы узнали, что он идет порожняком в Саутгемптон, и решили поплыть на нем: плату с нас запросили пустячную. Келлер, репортер американской газеты, возвращался домой с Мадагаскара, где освещал дворцовые казни. Дюжий Зейланд, наполовину голландец, был владельцем и редактором городской газетки где-то под Йоганнесбургом. И наконец я — совсем недавно я торжественно забросил всякую журналистику и поклялся забыть, что некогда понимал, чем отличается плоская печать от стереотипии.

Когда «Рэтмайнс» выходил из Кейптауна, Келлер заговорил со мной. Спустя минут десять от моей нарочитой отчужденности не осталось и следа, и мы углубились в ожив-

ленное обсуждение моральных границ обработки корреспонденций. Затем из своей каюты высунулся Зейланд, и мы почувствовали себя как дома: мы ведь были людьми одной профессии и не нуждались в долгих церемониях. Мы формально вступили во владение пароходом, взломали дверь пассажирской ванной комнаты — путешественники на манильских линиях мыться не привыкли — выгребли из ванны груды сигарных окурков и апельсиновых шкурок, сунули мелочь ласкару, чтобы тот брил нас во время плавания и только тогда представились друг другу.

Трое обычных людей задолго до Сауттемптона перессорились бы просто от скуки. Но у нас необычное ремесло, и нас обыкновенными людьми не назовешь. Почти все истории в мире (а из сорока едва ли одну можно было бы рассказать в дамском обществе) были для нас новостями, как говорится, общественным достоянием и всеобщей собственностью, и мы щедро обменивались ими — со всем их местным колоритом и особенностями. После, в перерывах между постоянной игрой в карты, настал черед рассказов о себе, о пережитых нами приключениях, о том, что мы видели и через что прошли: о черных и белых, о панике на Бруклинском мосту, когда слепой ужас охватывал одного за другим и люди насмерть давили друг друга, сами не понимая почему; о пожарах и искаженных, истошно кричавших человеческих лицах в раскаленных оконных рамах; о катастрофах во льдах и снегах и репортажах, которые мы писали на спасательных буксирах под ледяной моросью со снежной крупой, рискуя обморожением; о долгих погонях за похитителями алмазов; о стычках с бурами в вельде и на заседаниях городских комитетов; о хитросплетениях политики Кейптауна и «ослиного правления» в Трансваале... И еще тысяча и одна история о картах, лошадях, женщинах — и первый помощник, видевший в жизни побольше нас троих вместе взятых, но не владевший даром слова, сидел с раскрытым ртом до рассвета.

Когда нам надоедали байки, мы снова брались за карты, но нередко интересный расклад или беглая фраза заставляли кого-нибудь из нас заметить: «Кстати, это напоминает мне об одном типе, который... о случае, когда...» — и расска-

зы продолжались, а «Рэтмайнс», разрезая теплую воду, шел на север.

Однажды, после особенно бурной ночи, проведенной за картами, мы сидели на палубе у рулевой рубки. Старый боцман-швед, прозванный нами «Фритьоф-датчанин», стоял у штурвала и притворялся, что не слушает наши разговоры. Несколько раз он с недоумением покрутил штурвал, и Келлер, приподнявшись в шезлонге, спросил:

— В чем дело? Не можешь заставить посудину слушаться?

— В воде что-то чувствуется, — сказал Фритьоф. — Что-то непонятное. Как будто под гору плывем. Будто тащит что-то этим утром.

Никто не ведает, какие законы управляют дыханием открытой большой воды. Иногда и последняя «сухопутная крыса» ощущает, что поверхность океана словно бы косо встает впереди и корабль с трудом взбирается на длинный невидимый склон. Бывает и так, что пройденный за день путь не получается приписать ни полным парам, ни попутному ветру, и капитан тогда говорит, что судно «шло под уклон». Но до сих пор никто достоверно не сумел объяснить, чем вызваны эти подъемы и спуски.

— Кажется, дело в попутном волнении, — сказал Фритьоф. — При попутном волнении корабль всегда плохо слушается.

Море было гладкое, как пруд для уток, не считая медленных вдохов и выдохов. Я бросил взгляд за борт, не понимая, откуда могла взяться волна. На кристально-ясном небе вставало солнце. Лучи упали на воду, озарив море резким светом; казалось, оно вот-вот зазвенит, как блистающий гонг. Сколько хватал глаз, лишь кильватерный след и узкая белая полоска, что тянулась за свисавшим с кормы лаглинем, нарушали спокойствие вод.

Келлер выбрался из шезлонга и побрел на корму за ананасом — целый урожай их дозревал там под навесом.

— Фритьоф, лаглиню надоело плавать. Он решил вернуться домой, — протянул он.

— Что? — пронзительно завопил Фритьоф.

— Лаглинь возвращается в порт, — повторил Келлер, свесившись с кормы. Я подбежал к нему и увидел, что лаглинь, еще недавно туго натянутый над релингом, вяло провис и завился кольцами.

Фритьоф наклонился к переговорной трубе и вызвал мостик.

— Да, девять узлов, — ответили с мостика.

Фритьоф вновь заговорил.

— Что нужно от капитана? — был ответ.

— Зовите его на палубу, — проревел Фритьоф.

К тому времени Зейланд, Келлер и я успели заразиться тревогой Фритьофа — всякое волнение на борту заразительно. Капитан выскочил из каюты, о чем-то коротко поговорил с Фритьофом, глянул на лаглинь и помчался на мостик. Через минуту Фритьоф начал разворачивать пароход.

— Обратно в Кейптаун? — спросил Келлер.

Фритьоф, ничего не отвечая, вцепился в штурвал. Затем он позвал нас на помощь. Мы поворачивали штурвал, пока «Рэтмайнс» не начал слушаться — и вот белый кильватерный след корабля уже лежал впереди, а спокойное маслянистое море летело мимо носа, хоть мы и шли половинным ходом.

Капитан на мостике вытянул руку и закричал. В следующий миг я пожалел, что не закричал вместе с ним: одна половина моря будто вспучилась холмом над другой. У этого горба не было ни гребня, ни пены, он не загибался, как волна — ничего, кроме черной воды с мелкими завихрениями, бегущими по краям. Я увидел, как холм надвинулся на «Рэтмайнс», обшивка застонала, нос приподнялся и я подумал было, что настало мое последнее земное путешествие. Мы поднимались долго, бесконечно, бесконечно долго, и Келлер крикнул мне в ухо:

— Бездны глубин, черт возьми!

«Рэтмайнс» застыл. Винт его бешено вращался, взрезая склон водяного ущелья, уходившего вниз на добрые полмили.

Мы полетели по этому склону. Нос почти все время оставался под водой, воздух пах влагой и тиной, как пустой

аквариум. Впереди встал еще один холм; больше я ничего не разглядел — нахлынувшая волна отбросила меня назад, понесла и ударила о дверь рулевой рубки. Не успел я перевести дух или протереть глаза, как нас стало бросать в раздранных волнах; вода лилась из штормовых портов, как с крыш в бурю.

— Было три волны, — сказал Келлер. — Топку залило.

Все кочегары вылезли на палубу, точно готовясь утонуть. Пришел старший механик и погнал их вниз, а прочие матросы, задыхаясь, начали откачивать воду неуклюжей, зато одобренной Департаментом торговли ручной помпой. Убедившись, что «Рэтмайнс» цел и покачивается на поверхности, а не идет ко дну, я спросил, что случилось.

— Капитан говорит, произошел подводный взрыв. Извержение вулкана, — объяснил Келлер.

— Теплее от этого не стало, — заметил я.

Эти широты почти не знают холода, но холодно мне было зверски. Я спустился вниз и переоделся. Когда я снова вышел на палубу, все было окутано липким белым туманом.

— Нам следует ждать новых сюрпризов? — обратился Келлер к капитану.

— Не знаю. Будьте благодарны, джентльмены, что остались в живых. Землетрясение вызвало громадную волну. Вероятно, дно где-то приподнялось на несколько футов. Но вот холод совершенно непонятен. Термометр показывает сорок четыре градуса на поверхности воды, а должно быть не менее шестидесяти восьми...

— Это просто омерзительно! — весь дрожа, заявил Келлер. — Но не лучше ли вам включить сирену, капитан? Кажется, я слышал чей-то гудок.

— Слышал! Боже! Понятно, слышали, — сказал капитан с мостика и дернул за шнур сирены.

Сирена не откликнулась. Она трещала, шипела и билась в удушье, так как в котельной было полно воды и огонь в топке еле горел. Наконец сирена издала стон. Ей ответил из тумана чуть ли не самый громкий и жуткий гудок сирены, какой я когда-либо слышал. Мы с Келлером побледнели, как мел. Туман, холодный туман был со всех сторон. Всякому

простительно бояться невидимой смерти.

— Поддайте пару! — крикнул капитан в переговорную трубу. — Пар на сирену, даже если придется ползти!

Сирена вновь застонала. Мы ждали ответа. С тента на палубу капала вода. Ответный гудок прозвучал на сей раз за кормой, но гораздо ближе.

— Мы сейчас столкнемся с «Пемброк-Кастлом»! — сказал Келлер. — Слава Богу, хотя бы пойдем на дно вместе, — добавил он со злобным удовлетворением.

— Это колесный пароход, — прошептал я. — Разве вы не слышите лопасти?

Мы свистели и гудели, пока не вышел весь пар. Ответ нас чуть не оглушил. В воде что-то бешено заплескалось, и что-то серое и красное промелькнуло мимо нас в белой мгле.

— «Пемброк-Кастл» перевернулся вверх дном! — закричал Келлер. Будучи журналистом, он всему искал объяснений. — Цвета пароходства «Кастл»! Мы угодили в серьезную заварушку!

— Да это море просто заколдовано, — подал голос Фрильоф из рулевой рубки. — Кораблей теперь два!

По носу прозвучала еще одна сирена. Наше суденышко закачалось на волнах, поднятых чем-то невидимым.

— Черт возьми, вокруг целая флотилия, — буркнул Келлер. — Не потопит один, поспеет другой. Тыфу ты! Это еще что такое?

Я потянул носом. В воздухе стояло ядовитое зловоние — я уже чувствовал этот запах раньше.

— Будь мы на суше, я сказал бы, что рядом аллигатор, — ответил я. — Пахнет мускусом.

— И десяти тысяч аллигаторов не хватит, — возразил Зейланд. — Я знаю, как они пахнут.

— Заколдовано! Заколдовано! — твердил Фрильоф. — Море сейчас вверх тормашками, а мы идем по дну.

«Рэтмайнс» снова закачался, когда мимо прошел какой-то невидимый корабль. Серебристо-серая волна разбилась о нос и залила палубу густой серой тиной, поднятой извержением из бездонных морских глубин. Капли плеснули мне в лицо — такие холодные, что обжигали, как кипяток.

Подводный вулкан взметнул к поверхности неведомые мертвые воды, те хладные недвижные воды, что убивают все живое и пахнут тленом и пустотой. Но мы не нуждались ни в густом тумане, ни в этом отвратном мускусном запахе, чтобы почувствовать себя совершенно несчастными. Мы стояли, жалкие, дрожа от холода.

— Туман возник потому, что горячий воздух соприкоснулся с холодной водой, — сказал капитан. — Он должен вскоре рассеяться.

— Включите сирену! И давайте выбираться отсюда, — стуча зубами, крикнул Келлер.

Снова протрубила сирена. Далеко за кормой нам ответили два гудка. Их неистовый вопль становился все громче, он словно разрывал туман прямо за кормой. Я пошатнулся, когда «Рэтмайнс» нырнул носом под двойной волной, поднятой пароходами.

— Ну хватит, — сказал Фриттьоф. — Все это без толку. Нужно поскорее отсюда уходить, ради Бога!

— Звучит так, будто миноносец с сиреной «Парижа» взбесился и сорвался с якоря, да еще и приятеля с собой прихватил. Иначе я не понимаю...

Слова замерли на губах у Келлера, его глаза начали вылезать из орбит, челюсть отвисла. В шесть или семи футах над фальшбортом, обрамленное туманом, без всякой опоры, словно полная луна в небесах, висел Лик. Он не был человеческим, но не был он и мордой зверя, ибо не принадлежал этой земле, какой знал ее человек. Рот был раскрыт, свисал нелепо маленький язык, белая кожа по углам растянутых губ шла глубокими морщинами, на нижней челюсти росли щупики, как у марены, в пасти не было никаких признаков зубов. Но ужаснее всего были незрячие глаза — белые, вращавшиеся в белых как вываренная кость глазницах, слепые. И этот Лик, испещренный складками, как львиная голова на ассирийских рельефах, был живым и корчился от ярости и страха. Длинный белый щупик прикоснулся к фальшборту. Затем Лик исчез с быстротой червяги, прячущейся в свою подземную нору. Следующее, что я помню — это мой собственный голос.

— Странно все же: плавательный пузырь должно было выдавить у него из пасти, — со всей серьезностью говорил я, обращаясь к мачте.

Келлер подошел ко мне, белый как полотно. Он опустил руку в карман, достал сигару, откусил кончик, уронил ее, засунул в рот трясущийся большой палец и пробормотал:

— Гигантский крыжовник и дождь из лягушек! Огоньку, дайте мне огоньку! Прошу, дайте мне огоньку...

По его пальцу потекла капелька крови.

Я разделял его чувства, но проявление их было, мягко говоря, несуразным.

— Перестаньте, вы откусите себе палец! — сказал я.

Келлер хрипло рассмеялся и подобрал с палубы свою сигару.

Казалось, один только Зейланд, нагнувшийся над фальшбортом, сохранял хладнокровие. Позже он признался, что его сильно тошнило.

— Мы все это видели, — повернулся он к нам. — Видели.

— Но что? — произнес Келлер, жуя нераскуренную сигару.

В эту минуту поднялся ветер, туман полетел клочьями, и мы увидели безжизненное, вздымавшееся со всех сторон море, серое от тины. После вода в одном месте вздыбилась и стала подобна библейской кипящей мази, и из кипящего водоворота вынырнуло Существо, серое и красное Существо с длинной шеей — Существо, ревущее и извивающееся от боли. Фритьоф шумно вдохнул, забыв выдохнуть, пока название корабля, вышитое красным на его фуфайке, не вздулось, расплозлось, как плохо набранная строка.

— Боже мой! Оно слепое. *Hur illa!* Это создание слепое.

И мы все вздохнули от жалости, ибо теперь мы хорошо видели, что существо на воде было слепым и невыносимо страдало от боли. Кровь струилась из его жестоко изрезанных, израненных боков. Серая слизь морских глубин ручейками стекала вниз из громадных складок на его спине. Белая голова откидывалась и колотила по ранам, тело в муках поднималось из серых и красных волн. Мы увидели дрожа-

щие плечи, покрытые водорослями и поросшие ракушками, но такие же белые там, где показывалась кожа, как и безволосая, лишенная зубов и гривы, слепая голова. После вдаль показалась темная точка, раздался пронзительный вой, и словно стрела пролетела в один миг по воде, и рядом вынырнула вторая голова на длинной шее, подняв справа и слева рокочущие стены воды. Два Существа встретились: одно было невредимо, второе в агонии — самец и самка, сказали мы себе, это она поспешила к другу. Мыча, она проплыла вокруг него и положила голову на изгиб его исполинской черепашной спины, и он на мгновение исчез под водой, но снова вынырнул, стена и истекая кровью. Голова и шея полностью показались из воды и напряглись, и Келлер проговорил, точно при виде несчастного случая на городской улице:

— Дайте ему воздуха. Ради Бога, ему нечем дышать.

После начались судороги, белое тело скручивалось, извивалось и дергалось взад и вперед. Наш пароходик закачался, волны окатывали нас серой слизью. Ярко светило солнце, ветра не было, и мы все смотрели, и вся команда, и кочегары тоже поднялись снизу и смотрели, смотрели с изумлением, скорбью и жалостью. Существо было таким беспомощным, таким одиноким, у него была лишь подруга. Взор человеческий не должен был видеть его; чудовищно и непотребно было выставлять его на всеобщее обозрение здесь, на перекрестке торговых путей, в этих оживленных широтах нашего атласа. Его выбросило из глубин, изувеченного и умирающего, из его убежища на морском дне, где он мог бы мирно дожить до Страшного Суда, и мы видели, как биение жизни покидало его, словно яростные прибрежные воды, что грохочут у скал под бичами ветров. Его подруга лежала на воде чуть поодаль и непрерывно стонала; мы кашляли от налетавшего на корабль мускусного запаха.

Вспенились окрашенные кровью волны, и битва за жизнь подошла к концу. Извивающаяся шея упала, как цеп, туловище легло на бок, мелькнул белый живот и изпод гигантской задней ноги или плавника. Мертвое тело погрузилось в волны и море закипело над ним, а его подруга все плавала вок-

A MATTER OF FACT

руг, поворачивая во все стороны слепую голову. Мы боялись, что она нападет на пароход, но ничто не заставило бы нас в этот час покинуть палубу. Мы смотрели, затаив дыхание. Она замерла, прервав поиски; мы слышали, как плещется вода, ударяя в ее бока. Она высоко, как могла, вытянула шею, слепая и одинокая, и было в ней все одиночество моря, когда она издала последний отчаянный стон, эхом разнесшийся над волнами — так уносится вдаль, подскакивая над гладью пруда, плоский камешек. И потом она поплыла на запад; солнце освещало ее белую голову и пенистый след, и вскоре не осталось ничего, только серебристая точка на горизонте. Мы снова легли на курс, и «Рэтмайнс», покрытый морской слизью от киля до клотика, показался нам поседевшим от ужаса.

* * *

— Мы должны сопоставить наши наблюдения, — такова была первая связная фраза Келлера. — Мы все опытные журналисты, у нас на руках величайшая и неоспоримая сенсация всех времен. Будем вести себя друг с другом честно.

Я стал возражать. Журналистская солидарность ничего не дает, когда все располагают одинаковыми фактами. В конце концов каждый подошел к делу по-своему. Келлер снабдил свой репортаж тремя заголовками один другого больше, превознес «храброго капитана» и завершил статью упоминанием американской предприимчивости, заключавшейся в том, что именно житель Дейтона, штат Огайо, увидел гибель морского змея. Такого рода репортаж оскорбил бы само Творение, не говоря уж о жанре морской истории, но в качестве образчика живописной манеры изложения, характерной для полуцивилизованного народа, был отнюдь не лишен интереса. Зёйланд написал полтора тяжеловесных столбца, привел примерную длину и объем туловища животного, а также полный список членов команды, готовых клятвенно подтвердить его рассказ. Как можно понять, Зёйланд

не был склонен к фантастическим описаниям или стилистическим красотам. Я написал три четверти столбца сдержанного и вполне, так сказать, буржуазного отчета о происшедшем, избегая любых газетных штампов по причинам, что становились мне все более понятны.

Келлер был вне себя от радости. Из Саутгемптона он собирался телеграфировать в нью-йоркский «Уорлд» и в тот же день отправить подробный репортаж в Америку по почте. Затем он намеревался ввергнуть Лондон в оцепенение тремя грандиозными заголовками и поразить весь мир.

— Увидите, как я действую, когда доходит до настоящей сенсации, — сказал он.

— Это ваш первый визит в Англию?— осведомился я.

— Да, — ответил он. — Но вы, кажется, плохо понимаете, с чем мы столкнулись. Смерть морского змея — это же колоссально! Боже мой, дружище, да это величайшая сенсация, какой когда-либо удостаивались газеты!

— Забавно думать, что ни единая газета этого не напечатает, — заметил я.

Зёйланд, стоявший рядом, быстро кивнул.

— Вы о чем?— спросил Келлер. — Если ваши британские газеты способны закрыть глаза на такое событие, не ждите того же от меня. Эх! Я-то думал, вы журналист.

— Я и есть журналист. Вот почему я твердо это знаю. Не будьте ослом, Келлер. Мы старше вас на семьсот лет. Пятьсот лет тому мои предки уже знали то, что ваши внуки, если им повезет, узнают лет через пятьсот... У вас ничего не выйдет.

Разговор происходил в открытом море, милях в ста от Саутгемптона, и Келлеру казалось, что ему все по плечу. На рассвете мы миновали Нидлсский маяк, и свет дня озарил беленые коттеджи на зеленых лугах и наводящую благоговейный страх упорядоченность Англии — линия к линии, стена к стене, мощные каменные доки и монолитный причал. На таможне нам пришлось ждать около часа — достаточно времени, чтобы мои слова возымели действие.

— Дерзайте, Келлер. Сегодня отплывает «Хейвел». Можете отправить вашу статью, и я отведу вас на телеграф.

Келлер вздохнул. Он оробел — так, говорят, робеют в Нью-маркет-Хит молодые лошади, не привыкшие к открытым ипподромам.

— Я хотел бы еще раз пробежаться по репортажу. Подождем до Лондона? — предложил он.

Зейланд, кстати сказать, еще рано утром разорвал и выбросил за борт свою статью. Его соображения совпадали с моими.

В поезде Келлер начал править написанное — и всякий раз, когда его взгляд падал на аккуратные возделанные поля, коттеджи с красными черепичными крышами и ровные берега каналов, синий карандаш безжалостно впивался в листы. Кажется, он использовал все прилагательные, что нашлись в словаре. Но он был знающим и трезвым игроком, и каждый его ход бил наверняка.

— Вы не дадите змею ни единого шанса? — с сочувствием спросил я. — Помните, в Штатах переварят все, от брючной пуговицы до двойного орла.

— В том-то и беда, — пробурчал Келлер. — Мы так долго натягивали всем нос, что чистейшую правду я хотел бы сперва испробовать на лондонских газетах. Но первый выстрел за вами, конечно.

— Мне он ни к чему. Даже не собираюсь обращаться в наши газеты. Буду счастлив оставить их для вас. Домой-то вы намерены телеграфировать?

— Нет, если удастся напечатать репортаж здесь. То-то удивятся ваши британцы!

— Крикливый заголовок шириной в три столбца вам не поможет, уверяю вас. Англичан не так-то легко удивить.

— Я начинаю это подозревать. Неужели в вашей стране все ко всему равнодушны? — спросил он, глядя в окно. — Сколько лет этому фермерскому дому?

— Он совсем новый. Лет двести, самое большее.

— Хм. И полям тоже?

— Вон ту живую изгородь подстригали лет восемьдесят.

— Дешевая рабочая сила, а?

— Довольно-таки. Думаю, вы для начала предложите статью в «Таймс»?

— Нет, — сказал Келлер, глядя на Винчестерский собор. — Это — как пытаться расшевелить стог сена. Только подумать, что «Уорлд» взял бы три столбца с иллюстрациями — и затребовал бы еще! Отвратительно.

— Но «Таймс», возможно... — начал я.

Келлер со злостью швырнул газету в угол купе. Она вернулась во всем аскетическом величии своих столбцов и шрифта — раскрылась с треском, как переплет энциклопедии.

— *Возможно!* Проще пробить броню крейсера! Посмотрите хотя бы на эту первую полосу!

— Немного обескураживает, правда? — сказал я. — Но вы можете обратиться в какой-нибудь развлекательный бульварный журнал.

— И подарить им мою... нашу сенсацию? Да это священная история!

Я показал Келлеру газету, которая должна была ему понравиться — образцом для нее послужили американские издания.

— Мило, — сказал он, — но не то. Мне больше по душе широкие старомодные столбцы «Таймс». Хотя за редакторским столом, должно быть, сидит какой-нибудь епископ.

Едва мы прибыли в Лондон, как Келлер исчез в направлении Стрэнда. Не могу сказать, чем он в точности там занимался. Кажется, он вторгся в редакцию одной вечерней газеты без четверти двенадцать дня (я сказал ему, что в это время у британских редакторов, как правило, работы мало) и упомянул мое имя как свидетеля.

— Меня чуть не выставили, — кипятился он за ланчем. — Стоило сослаться на вас, как старик попросил вам передать, что ваши розыгрыши всем надоели, что вы прекрасно знаете, куда и когда нужно приходить, если хотите что-то продать, и что они скорее увидят вас на виселице, прежде чем выдадут аванс за еще одну вашу чертову байку. Правда в этой стране, похоже, никого не интересует.

— Замечательно. Этого и следовало ожидать, Келлер. Вы наткнулись на стену, только и всего. Почему бы вам не оста-

вить английские газеты в покое? Телеграфируйте в Нью-Йорк. Там напечатают что угодно.

— Но именно поэтому я и хотел опубликовать материал здесь! Как вы не понимаете?

— Я давно все понял. Так вы собираетесь отправлять телеграмму?

— Да, собираюсь, — отрезал он чересчур решительным голосом человека, который не может ни на что решиться.

После мы долго гуляли по городу — по улицам, что лежат меж мостовыми, как каналы застывшей, спянной воедино лавы, по мостам, выстроенным из несокрушимого камня, по подземным переходам с бетонными фундаментами и стенами в ярд толщиной, среди домов, что простояли века, и сбегających к реке ступеней, словно высеченных из цельной скалы. Черный туман заставил нас укрыться в Вестминстерском аббатстве, и, стоя там в темноте, я слышал шорох крыльев умерших столетий, кружащихся над головой Личфилда Э. Келлера, журналиста из Дейтона, Огайо, США, который хотел удивить британцев.

Он споткнулся, всматриваясь в густую темноту, и шум города вновь достиг его пораженного слуха.

— Пойдемте на телеграф, — сказал я. — Разве вы не слышите, как взывает к вам нью-йоркский «Уорлд», как жаждет заполучить репортаж о великом морском змее, слепом, белом, пахнущем мускусом и смертельно раненом при извержении подводного вулкана, и о том, как любящая подруга проводила его в последний путь средь волн океана, свидетелем чего был гражданин Соединенных Штатов Америки, неустрашимый, находчивый, талантливый репортер из Дейтона, штат Огайо? Трижды ура штату каштанов! Веселей! Открывай ворота! Жж-ж! Бум! Трах!

Келлер был выпускником Принстона и нуждался в поощрении.

— Вы выиграли на своем поле, — отозвался он, доставая из кармана исписанные листы вместе с бланком телеграммы, которую уже успел написать. Он сунул бумаги мне в руки и простонал:

— Я сдаюсь... Если бы я не приехал в вашу проклятую страну... если бы я отправил все из Саутгемптона... если вы когда-нибудь попадетесь мне западней Аллеганских гор... и если...

— Ничего страшного, Келлер. Это не ваша вина. Виновата ваша страна. Будь вы лет на семьсот старше, вы поступили бы, как я.

— И что же вы намерены делать?

— Написать. Но так, как будто все это вымысел.

— Рассказ?

Это было сказано с полновесным отвращением журналиста к художественной словесности — незаконному ответвлению нашей профессии.

— Называйте, как хотите. Я называю это ложью.

И это стало ложью. Ибо правда — дама нагая, и если она случайно выныривает со дна морского, истинному джентльмену подобает облечь ее в цветистую юбочку строк или отвернуться и сделать вид, что он ничего не видел.

Уильям В. Джейкобс

СОПЕРНИКИ ПО КРАСОТЕ

(1895)

Соперники

по

КРАСОТЕ

— Если бы вы меня не просили, — проговорил старый моряк, — я бы ни за что не сказал вам. Но так как вы сами задали вопрос, то я расскажу то, что видел собственными глазами. Вы — первый человек, который услышит это от меня, потому что это так необычайно, что наша команда покланялась тогда же держать язык за зубами обо всей истории, боясь недоверия и насмешек.

Это случилось лет двадцать назад на борту парохода «Георг Вашингтон», шедшего из Ливерпуля в Нью-Йорк. Первые восемь дней рейса прошли самым обыкновенным образом, без всяких особых происшествий, но на девятый все изменилось.

Я стоял на корме с первым помощником капитана, возясь над лагом, как вдруг мы услышали страшный вой с мостика и на палубу кубарем слетел оттуда один из наших парней, носивший у нас кличку Косноязычный Сэм. Он подскочил к помощнику, как обезумевший, с глазами, едва не вылезшими на лоб.

— З-з-з-з-з-з-за! — произнес он, еле переводя дух.

— Что? — сказал помощник.

— З-з-з-з-з-з-мея!

— Легче, легче, паренек, — сказал помощник, вынимая из кармана носовой платок и обтирая лицо, — отверните-ка в сторону свою физиономию, пока не наберете воздуха. А то слушать вас — все равно, что открывать бутылку с содовой водой. Ну, теперь говорите. Что такое?

— М-м-м-морская з-з-з-мея! — выпалил, как будто его взорвало, Сэм.

— Немного длинная, кажется, судя по тому, как вы ее тянете, — с усмешкой сказал помощник.

— В чем дело? — спросил капитан, в эту минуту поднявшийся на палубу из своей каюты.

— Этот человек видел морскую змею, сэр, вот и все! — ответил помощник.

— Д-д-д-а! — произнес Сэм, едва не всхлипнув.

— Ладно, видел так видел, ничего теперь с этим уже не сделаешь, — сказал капитан. — Взял бы он лучше кусочек хлеба, да покормил ее.

Помощник расхохотался, и по улыбке капитана я видел, что он сам доволен своей шуткой.

Капитан и помощник все еще от души хохотали, когда с мостика раздался дикий вопль и в тот же момент один из матросов, стоявших на руле, бросил штурвал, соскочил на палубу и прыгнул вниз в кубрик, как будто внезапно сошел с ума. В ту же секунду за ним последовал второй рулевой. Второй помощник, стоявший наверху на вахте, подхватил штурвал и крикнул капитану что-то, чего мы не могли разобрать.

— Что там за дьявольщина, черт вас всех побери? — взвыл тогда капитан, вне себя.

Помощник протянул руку к правому борту, но она у него так дрожала, что он показывал пальцем то на небо, то на дно океана, и мы никак не могли понять, в чем дело. Даже когда, наконец, он успокоился настолько, что стал показывать в одном направлении, мы все-таки ничего не были в состоянии разобрать, как вдруг из воды милях в двух от нас выскочило на несколько секунд нечто вроде громаднейшего телеграфного столба, затем опять нырнуло и поплыло прямо на наш пароход.

Сэм первым смог заговорить и, уже не теряя времени на заиканье, быстро сказал, что сойдет вниз поискать этот кусочек хлеба, о котором ему говорили, и сбежал под палубу, прежде чем капитан или помощник успели его остановить.

Меньше, чем через полминуты, на всем пароходе остались наверху только четыре человека, — капитан, его два помощника и я.

Второй помощник держал штурвал, капитан держал поручни борта, может быть боясь упасть, а первый помощник держал линь.

Это был один из самых умопомрачительных моментов, какие я когда-либо переживал в своей жизни.

— Не выстрелить ли в это чудовище из пушки? — проговорил капитан дрожащим голосом, переводя взгляд на маленькую сигнальную пушку, стоявшую у нас на баке.

— Лучше не возбуждать его против нас, — сказал помощник, покачивая головой.

— Интересно знать, пожирает ли оно людей? — произнес капитан. — Может быть, оно и явилось за кем-нибудь из нас?

— На палубе сейчас не очень большой для него выбор, — ответил ему с многозначительным взглядом помощник.

— Это верно, — сказал задумчиво капитан. — Я сойду вниз и пошлю всех наверх. Мой долг, как капитана, покидать корабль последним, если есть к тому малейшая возможность.

Как он смог выслать их на палубу, это так и осталось для меня навсегда загадкой, но он их выслал. Он вообще круто обращался с людьми и в обычное время, а в тот момент, должно быть, здорово нажал на них. И они, вероятно, решили, что даже морская змея не будет хуже. Во всяком случае, вся палубная команда явилась наверх, и мы, сбившись в кучу, смотрели, как змея подплывает все ближе и ближе.

Чудовище находилось уже не больше, чем в ста ярдах от нас. Это было невыразимо отвратительное и самое страшное на вид создание, какое только можно было вообразить. Возьмите и смешайте все самые уродливые и безобразные существа на земле — горилл и тому подобное — и все-таки получится настоящий ангел по сравнению с тем, что мы видели. Оно держалось прямо за нашей кормой, не отставая от нас, и от времени до времени раскрывало свою пасть, так что мы могли видеть его глотку ярда на четыре в глубину.

— Она кажется настроенной довольно мирно, — прошептал через некоторое время старший помощник.

— Может быть, она не голодна, — сказал капитан. — Лучше не давать ей проголодаться. Попробуем бросить ей хлеба.

Кок отправился вниз и принес оттуда с полдюжины хлебов. Один из лучших парней, собравшись с духом, перебросил их за борт и, прежде чем вы успели бы сказать «раз-два-три», змея подхватила их и затем начала на нас так смотреть, как будто ждала еще. Она подняла голову и подплыла к самому борту, совершенно таким же образом, как делают лебеди в пруду, когда вы их кормите. И продолжала эту игру, пока не слопала десять больших хлебов и громадный кусок свинины.

— Боюсь, что мы ее поощряем, — произнес капитан, глядя, как она плывет у борта с устремленным на нас глазом величиной с хорошую тарелку.

— Может быть, она скоро уйдет, если мы не будем обращать на нее внимание, — сказал помощник. — Давайте будем делать вид, будто ее здесь нет.

Ладно! Мы делали такой вид настолько хорошо, насколько могли. Но все толпились с противоположной стороны, у левого борта, и каждый готов был нырнуть под палубу в любой момент. Однако, когда чудовище вытянуло свою шею над бортом, как будто выискивая что-нибудь, мы дали ему еще провизии. Мы думали, что если не дадим, то оно возьмет само, и возьмет, так сказать, не с той полки. Но, как и сказал помощник, это только поощряло змею, и долго еще после того, как стемнело, мы могли слышать, как она фыркает и плещется у нас за кормой.

Это, наконец, так начало действовать на наши нервы, что вахтенный помощник послал одного из нас разбудить капитана.

— Не думаю, что она причинит какой-нибудь вред, — произнес вышедший тогда наверх капитан, всматриваясь за борт и говоря таким тоном, будто он прекрасно знал решительно все о морских змеях и их привычках.

— А вдруг она протянет голову через борт и схватит кого-нибудь из людей? — проговорил помощник.

— Тогда сейчас же дайте мне знать, — твердо сказал капитан и исчез в каюте, оставив нас на палубе.

Словом, я был адски счастлив, когда прозвучало восемь склянок и мне можно было смениться с вахты и сойти вниз. И ни на что в жизни я никогда так горячо не надеялся, как на то, что эта отвратительная тварь исчезнет к тому времени, когда мне придется опять идти наверх. Но, вместо того, поднявшись утром на вахту, я снова увидел ее в волнах рядом с нами, играющей наподобие котенка, и один из матросов мне сказал, что капитан опять ее кормил.

— Удивительнейшее создание! — говорил капитан о морской змее. — Все слышали, и никто ее не видел, и до сих пор идут споры, существует ли она на самом деле. И хотя вы все видели ее собственными глазами, но не смейте говорить об этом ни слова на берегу.

— А почему, сэръ? — спросил второй помощник.

— Потому, что вам никто не поверит, — твердо сказал капитан. — Можете клясться чем угодно и даже принять присягу, и все равно вам не поверят. В уличных газетках нас высмеют, а в солидных журналах скажут, что мы видели морскую траву или что-нибудь в этом роде.

— А почему бы нам не взять ее с собой в Нью-Йорк? — внезапно спросил старший помощник.

— Что?! — воскликнул капитан.

— Будем кормить ее каждый день, — продолжал помощник, приходя в возбуждение, — а тем временем заготовим пару больших крюков, какими ловят акул, и будем держать их наготове с проволочными канатами. Можем поймать ее живой и потом показывать, беря по соверену за вход. Во всяком случае, если только как следует взяться за дело, то можно было бы привезти с собой хоть остов ее.

— Черт возьми, если бы только это было возможно! — вскричал капитан, тоже придя в возбуждение.

— Отчего же не попробовать? — сказал помощник. — Да ведь мы могли бы поймать ее сегодня же, если бы хотели. А

если она перервет канат, то можно разнести ей голову из пушки.

Мысль поймать это чудовище нам показалась совсем дикой и такая попытка — чем-то совершенно невероятным и вообще невозможным, но оно было такое смирное и держалось так близко от нас, что эта идея вовсе не была так смешна, как можно было думать сначала.

Через два дня уже никто из нас ни капли не боялся этой твари, потому что она оказалась необычайно пугливой для своих размеров. Она была трусливее мышонка. И, однажды, когда второй помощник, чтобы позабавиться, взялся за шнурок сигнального парового свистка и легонько дернул его, змея подняла голову с испуганным видом и, немного отстав от нас, повернула назад и исчезла, нырнув в глубину.

Я думал, что капитан сойдет с ума от отчаяния. Он сам начал швырять за борт в бесконечном количестве хлеб, куски мяса, свинины и сухари и, когда эта тварь собралась наконец с духом и снова выплыла за нами, он прямо сиял от радости. И тогда же он отдал строгое приказание, чтобы никто не смел прикасаться к сигнальному свистку, хотя бы даже сгустился туман или была опасность столкновения с другим судном. И запретил также отбивать склянки, приказав, чтобы вместо того боцман сам заходил в нужное время в кубрик и вызывал людей на вахту.

Прошло еще три дня и, так как чудовище продолжало держаться за нами, то все были уверены, что нам удастся благополучно доставить его в Нью-Йорк, и, я думаю, что вопрос о существовании морских змей уже был бы решен, если бы не Джо Купер.

Он был на редкость некрасивым парнем, этот Джо. Не часто приходилось мне встречать такую уродливую образину. И в то же время он был страшно чувствителен и обидчив в этом отношении. Если, например, какой-нибудь паренек, идущий ему навстречу по улице, приостановится и свистнет, обратив внимание на его физиономию, или покажет на него своему приятелю, то Джо Куперу уже и это не нравилось. Он рассказывал как-то, когда мы с ним говорили по душам и я его сочувственно слушал, что только один раз

в его жизни с ним любезно разговаривала женщина. Это было ночью в Попларе, во время густого тумана, и он был так счастлив, что забыл обо всем на свете, и оба очутились в канаве, прежде чем он успел сообразить, в чем дело.

На четвертое утро, когда мы были всего в трех днях пути от Санди-Хука, капитан проснулся не в духе, и выйдя на палубу, готов был придраться к кому угодно и за что угодно. И, как нарочно, первый, на кого он наткнулся, был Джо, стоявший у борта, высунув свою физиономию и глядя на морскую змею.

— Вы что, черт вас возьми, делаете? — заревел диким голосом капитан, увидев Джо в этом положении. — Чего вы хотите этим добиться?

— Чем, сэр? — спросил Джо.

— Тем, что высовываете за борт корабля свою безобразную рожу и пугаете ею морскую змею! — заорал капитан. — Вы же знаете, какая она нервная, эта тварь! Проклятый бездельник!

— Пугаю морскую змею?! — произнес через силу Джо, весь задрожав и побледнев как полотно.

— Если я еще раз увижу вашу поганую харю за бортом, — продолжал неистово орать капитан, — так я вам расколочу ее вдребезги. Понимаете? А теперь убирайтесь вон!

Джо убрался, а капитан, сорвав на нем свою злость, пошел на ют и начал уже совсем спокойно болтать с помощником.

Я был тогда внизу и ничего об этом не знал. Только через несколько часов я услышал обо всей этой истории от одного из кочегаров. Он подошел ко мне с таинственным видом, когда я потом стоял наверху, и сказал:

— Билл, — сказал он, — вы приятель Джо. Сойдите к нам вниз и посмотрите, — не сможете ли с ним что-нибудь сделать.

Не понимая, что он хочет этим сказать, я спустился следом за ним в машинное помещение и увидел там неподвижно сидевшего на опрокинутом ведре Джо. Глаза у него были дико выпучены и устремлены куда-то вперед в одну точку. Два или три других кочегара стояли тут же и смот-

рели на него, наклонив головы набок.

— Он уже три часа сидит так, — сказал шепотом младший машинист, — как будто его поразило молнией.

Когда он заговорил, Джо слегка задрожал.

— Испугать морскую змею! — произнес он. — О, я несчастный!

— Это свихнуло ему мозги, — сказал один из кочегаров. — Он только это и повторяет все время.

— Если бы мы могли как-нибудь его заставить зарыдать, — сказал машинист (у него брат был фельдшер), — то можно было бы спасти его рассудок. Но весь вопрос в том, как это сделать?

— Надо с ним осторожно и ласково поговорить, — сказал другой кочегар. — Я попробую, если вы, товарищи, ничего не имеете против.

Он сначала хорошенько крякнул, чтобы прочистить горло, затем подошел к Джо, положил руку ему на плечо и сказал очень нежным и жалостливым голосом:

— Не принимайте это так близко к сердцу, Джо. Очень часто и за самым скверным рылом скрывается доброе сердце.

Едва он успел это сказать, как Джо вскочил, сжав кулаки, и дал ему такого тумака, что чуть не сломал ребро. Потом отвернулся, опять весь задрожал и снова впал в в прежнее состояние полной неподвижности.

— Джо! — позвал я, легонько встряхивая его, — Джо!

— Испугать морскую змею! — прошептал Джо, опять выпучив глаза и уставившись ими в одну точку.

— Джо! — повторил я, — Джо! Разве вы не узнаете меня? Я ваш товарищ, Билл.

— Да, да, — произнес Джо, как будто немного приходя в себя.

— Пойдем отсюда, — сказал я, — пойдем отсюда в кубрик. Вы ляжете там на койку. Это самое лучшее место для вас сейчас.

Я потянул его за рукав, он тихо и послушно встал и пошел за мной, как маленький ребенок. Я сразу уложил его на койку и через некоторое время, когда он уже спокойно

спал, подумал, что самое худшее миновало, но я ошибся. Он встал через три часа и, казалось, был такой, как всегда, если не считать, что ходил и двигался так, как будто весь был занят одной какой-то мыслью и очень сильно ее обдумывал. И прежде чем я успел выпытать, в чем дело, он уже был в припадке.

Припадок продолжался у него десять минут и, едва очнувшись, он впал в новый припадок. В течение двадцати четырех часов у него было шесть длиннейших припадков, и должен признаться, я ничего не понимал. Я никак не мог сообразить, какое он находил удовольствие в том, что вдруг падал, жестоко стучаясь об палубу, хватаясь при этом за что попало и колотя крутом ногами кого попало. Он стоял, например, и разговаривал с вами самым спокойным и мирным образом, а в следующую секунду вдруг хватался за что-нибудь поблизости и уже лежал на спине в припадке. А при этом дрыгал ногами и попадал ими прямо в того, кто пытался разжать его пальцы, чтобы он отпустил зажатый в кулаке кусок чужой куртки или что-нибудь в этом роде.

Другие наши ребята говорили, что обида, нанесенная ему капитаном, так на него подействовала, что он свихнулся, но я не очень легко поддавался на такие штуки, и как-то раз, когда мы с ним были одни в кубрике, я попробовал навести его на соответствующий разговор.

— Джо, старина, — сказал я, — мы с вами ведь старые приятели и добрые товарищи.

— Ну? — произнес он подозрительно.

— Джо, — прошептал я тогда, — в чем ваша игра?

— Не понимаю, о чем вы говорите, — резко ответил он.

— Я говорю об этих припадках, — сказал я, пристально глядя ему в глаза. — Можете не делать такой невинный вид, потому что я своими собственными глазами заметил, как вы жевали мыло, чтобы изо рта пошла пена.

— Мыло?! — злобно крикнул Джо. — Да вы никогда в жизни и не пользовались мылом. Как вы можете его узнать?

После этого я понял, что от него ничего не добьешься, а потому не трогал его, но держал глаза открытыми и наблю-

дал со стороны.

Капитан нисколько не был обеспокоен этими припадками и только сказал, что не дает змее видеть физиономию Джо в этом состоянии, чтобы она не перепугалась. И когда помощник хотел освободить Джо от вахты, капитан сказал:

— Нет, он может с таким же успехом переносить свои припадки во время работы, как и в свободные часы, это никакой роли не играет.

Мы были уже почти в двадцати четырех часах от порта и чудовище все еще следовало за нами. В шесть часов вечера капитан и помощник закончили все свои приготовления к тому, чтобы поймать на крюк морскую змею в восемь утра на следующий день. Для большей уверенности на вахту был поставлен на палубу лишний человек специально затем, чтобы бросать змее провизию каждые полчаса в течение всей ночи. И когда я уходил спать в десять вечера, она держалась около нас так близко, что я мог бы достать до нее своими подтяжками.

Мне казалось, что я успел поспать не больше получаса, как вдруг проснулся от самого ужасного рева и шума, какой когда-нибудь мне приходилось слышать. Паровой свисток ревел без перерыва и сверху доносились страшные крики и топанье бегущих ног.

Нам всем, которые были тогда в кубрике, сразу пришло в голову, что, должно быть, змее надоел хлеб и она начала хватать совсем неподходящую пищу, а потому мы подбежали к люку и осторожноенько только чуть-чуть высунулись из него и стали прислушиваться.

Вся эта адская кутерьма, казалось, происходила на мостике, и так как мы не видели там змеи, то набрались мужества и поднялись на палубу.

Тогда мы увидели, что произошло.

У Джо начался припадок, когда он стоял на руле, и в припадке, не зная, следовательно, что делает, он ухватился, падая, за шнур парового свистка, висевший, как полагается, около штурвала. Он вцепился в этот шнур мертвой хваткой, зажав его своими пальцами, как железными щипцами, и дрыгая ногами во все стороны. Капитан, в одном нижнем

белье, прыгал кругом него в полном исступлении и казался еще более сумасшедшим, чем сам Джо.

И только что мы туда прибежали, как Джо немного пришел в себя и, выпустив из руки шнур, спросил слабым голосом, зачем был пущен в действие паровой свисток.

Я думал, что капитан его убьет.

Но второй помощник успел его оттащить, и, конечно, когда все успокоилось и мы побежали к борту, то увидели, что морская змея исчезла.

Мы застопорили машину по приказу капитана и стояли здесь всю ночь, но ничего из этого не вышло. Когда рассвело, нигде не было ни малейшего следа морской змеи, и, я думаю, нам всем так же было жаль, что мы ее потеряли, как и капитану.

Всем, кроме Джо, конечно. Уверен, что мы знали бы теперь о морских змеях не меньше, чем о наших родных братьях, если бы капитан не оскорбил так чувствительно Джо Купера.

*Х. Кристиансен. Андромеда и морской
змей. Рисунок для обложки журн.
«Jugend» (1897)*

Брейсбридж Хеминг

Из повести

**«МОЛОДОЙ ДЖЕК ГАРКАВЕЙ:
В БОРЬБЕ С ПИРАТАМИ КРАСНОГО МОРЯ»**

(1897)

THE FIVE CENT

WIDE AWAKE LIBRARY

Entered at the Post Office at New York, N. Y., as Second Class Matter.

No. 1334. {COMPLETE}

FRANK TOUSEY, PUBLISHER, 29 WEST 20th ST., N. Y.
New York, August 27, 1897.

{PRICE
{ 5 CENTS. }

Vol. II.

Entered according to the Act of Congress, in the year 1897, by FRANK TOUSEY, in the office of the Librarian of Congress, at Washington, D. C.

Young Jack Harkaway

FIGHTING THE PIRATES
OF THE RED SEA.

By BRACEBRIDGE HEMYNG.

The cavernous jaws opened wide. There was a hissing sound like a locomotive blowing off steam. Now Harry saw his chance. He was not slow in taking it. Extracting two dynamite shells from his coat pocket, he cast them one after the other into the snake's mouth.

— Эй! — сонно воскликнул Гарри. — В чем еще дело? Заметили пиратов?

— Еще нет, сахиб, — ответил Кардофан. — Они есть впереди. Быть хуже. Я вам говорить. Ветер стихать. Паруса обвисать на мачты. В этот залив жить большой морской змея.

— Морской змей? — переспросил Гарри.

— Да, сэр. Одно из чуда Арабии. Змея приходит и утаскивать корабли вниз.

— Чепуха!

— Это есть правда, сахиб.

— Ни за что не поверю, — твердо сказал Гарри.

— Как хотеть, сахиб. Я говорить правда, — возразил Кардофан. — У змея голова и рот, как у гиппо, а тело есть один-два сотня футов длина.

— Хотел бы я увидеть это чудище. Если мясо у него вкусное, мы поджарим его на обед.

— Ха! Ха!

— Почему ты смеешься?

— Змея быстрее съест вас.

— Неужели? — с улыбкой сказал Гарри Гирдвуд. — Мне, кстати, нравятся угри. Одного ребра твоего змея, я думаю, хватит целой семье на неделю.

— Кормить деревня месяц, масса.

— Ты его встречал в последнее время? Моя жизнь не застрахована, и корабль тоже.

— Приходить два раз, смотреть.

— И что дальше?

— Приходить третий раз, напасть. Тащить корабль вниз. Проглотить корабль и вся прочая.

— Его можно остановить?

— Белый человек мочь, — ответил Кардофан. — Араб ничего не мочь поделать.

— Я поднимусь на палубу.

Гарри Гирдвуд последовал за штурманом.

Он часто слышал о морских змеях и норвежских краках, но не верил в их существование, хотя не было никаких причин, почему в море не мог жить и изредка подниматься на поверхность огромный угорь.

Были еще осьминоги, полипы, кальмары с длинными щупальцами и чернильными выделениями.

Но морской змей — совсем другое дело.

Если Кардофан говорил правду, им грозила ужасная опасность.

Ночь была лунная.

Корабль недвижно стоял в небольшой бухточке неподалеку от «Отдыха пилигрима», где прятался, вероятно, пират Кош и его подручные, захватившие Джека Гаркавея.

Все матросы были на палубе. В кубрике было слишком жарко.

Одни лежали, другие сидели на циновках и курили черуты.

Капитан и помощник остались внизу.

Гарри Гирдвуд и Кардофан были на юте одни.

У них было две цели.

Во-первых, нести вахту на случай появления морского змея. Во-вторых, спасти молодого Джека Гаркавея из рук пиратов Красного моря.

В последнее время Гарри экспериментировал с динамитными шашками.

Он изобрел некрупные, но обладающие большой взрывной силой патроны, которые можно было носить в кармане.

Гарри собирался применить это оружие против змея морских глубин, если тот появится.

Но он скрыл это намерение от своего спутника.

Последний был очень болтлив.

— Однажды, — сказал Кардофан, — змея утащить вниз корабль и съесть тринадцать человек.

— Должно быть, это произошло очень давно, — недоверчиво заметил Гарри.

— Прошлый год. Мой брат быть один из команда.

Луна, почти полная, висела в небесах, как шар из полированного серебра.

Море вдруг заволновалось. Волны вспенились и к поверхности поднялся темный предмет.

Вскоре его очертания стали четкими.

Это была змея с уродливой головой, большими глазами и вместительной пастью.

У нее были два выступающих рога и длинная грива.

Это позволяло ей плыть по воде, которую она взбивала своим гибким хвостом.

Морской змей, ибо это был он, бросился прямо на «Летучую рыбу».

Кардофан был поражен.

Гарри разделял его волнение.

— Видеть, масса! — воскликнул араб. — Что я вам говорить? Вот она, дьябол!

— Я вижу.

— Она бежать прямо на нас. Помиловать Аллах! Что делать?

Этот вопрос было легче задать, чем найти ответ.

Змея поднялась, показывая два ряда зазубренных клыков.

Кардофан скорчился в испуге, смешанном с отчаянием.

Положение было действительно ужасным.

Схватив пастью дерево, змея разодрала в щепы часть фальшборта корабля.

Ее грива стояла дыбом, и ее ярость устрашала.

— Клясться борода пророка, нам конец! — заметил Кардофан.

Гарри Гирдвуд так не считал.

У него было совсем другое мнение.

Змея наклонила над Гарри свою жуткую голову.

Казалось, она собиралась сделать короткий, быстрый, резкий бросок.

И откусить Гарри голову.

Или проглотить его целиком, как кит в Библии проглотил Иону.

Похожая на пещеру пасть раскрылась.

Раздался шипящий звук: так паровоз выпускает пар.

Гарри представился шанс.

Он не замедлил им воспользоваться.

Вытащив из кармана два динамитных патрона, он забросил их один за другим в пасть змеи.

— Пошла прочь, — сказал он.

Результат был мгновенным и невероятным.

Через секунду динамитные патроны взорвались, и голову морского змея разнесло на атомы.

Понятно, что каким бы большим ни был змей, он ничего не может поделывать без головы.

— Очень есть хорошо, сахиб! — закричали моряки.

При звуке взрыва все они вскочили на ноги.

Им очень понравилось зрелище обезглавленного морского змея.

Кусок нижней челюсти упал на палубу рядом с Гарри.

Он стал его рассматривать.

Зубы чудовища были трех дюймов в длину.

Мистер Моул и Понедельник прибежали вовремя и успели увидеть, как змей начал опускаться на дно.

— Ну и ну, мастер Гарри! — воскликнул Понедельник.
— Вы убили чудище!

— Точно как святой Георгий и дракон, — заметил Моул, — хотя у меня всегда были сомнения насчет этой легенды или мифа.

— Не стоит отбрасывать все наши легенды, — сказал Гарри.

— Погодите, — ответил профессор, — обратимся к Древнему Риму, чьи руины до сих пор воспевают славу вечного города. Риму Цезарей, Священной дороги, Колизея, Горация, Вергилия, Мецената — но не к современному Риму с жалким Корсо и...

— Постойте, постойте, сэр, — прервал его Гарри.

— Ах, да! Я собирался заметить, что Геркулес совершил множество непревзойденных подвигов. Он очистил Авгиевы конюшни. Это и другие его приключения породили рассказы о победах над драконами и гигантами. Но я признаю, что вы настоящий герой. Вы победили этого дикого ихтиозавра.

— Это было нелегко, — сказал Гарри. — Но у меня было с собой патентованное средство от змей. Я забросил ему в пасть парочку динамитных шашек, сэр.

— Кажется, он не смог их переварить.

Последний кусок змеиного тела ушел под воду.

Змей опустился на дно, как грузило или камень.

— Вот и похороны, — промолвил Гарри. — Надеюсь, что никто из родственников на них не явится.

Обычно змеи не живут поодиночке.

Одну разорвало на куски, но вряд ли было бы правильно считать, что на дне моря не было других.

Поднялся ветер, и тревога Гарри и остальных улеглась.

Провисшие паруса начали вздуваться. «Летучая рыба» помчалась вперед.

Г. Доре. Уничтожение Левиафана (1865)

Джон Мейсфилд

ПОРТ ВСЕХ КОРАБЛЕЙ

(1904)

В глубинах моря, глубоко-глубоко, под пятимильной толщей воды, где-то в Мексиканском заливе, прячется морская пещера с коралловыми сводами. В пещере светло, хоть и лежит она глубоко под водой. И в свете том свивает свое тело в исполинские голубые спирали огромный морской змей. Его рогатая голова украшена золотой короной. Он терпеливо ждет год за годом, взбивая волны колыханием жабер. Вкруг него плавают лупоглазые и тупоголовые морские создания. Он — царь всех рыб и ждет Судного дня, когда воды отхлынут навсегда и сумрачное царство исчезнет. Порой его спирали свиваются, и ярятся тогда воды над ним. Сожмется кольцо, и покроется море обломками кораблей; и так будет, пока море и корабли не окончат дни свои в предсмертных корчах змея.

И когда настанет тот день, и будет змей умирать, воцарится великая тишь, как после боцманского свистка. И в той тишине раздастся громкий глас корабельных колоколов, ибо на каждом корабле, погружившемся в море, жизнь войдет в белые кости утонувших моряков. И каждый усопший на дне моряк, в одеянии из морской травы, восстанет вновь, и запоем, и ударит в колокол, как делал при жизни, выходя в плавание. И такой величественной и нежной будет та музыка, что тебе на миг почудятся арфы, сын мой.

И тогда застынут кольца змея, как натянувшийся лить. Склонятся его длинные узловатые рога, и корона спадет с его старой, усталой головы. И будет он лежать там, мертвый как сельдь, а воды морские успокоятся, как было до появления суши, когда не высилась в море ни единая скала. И громадный белый кит, старый Моби Дик, властелин всех китов, поднимется из морской обители и поплывет, трубя, к своим товарищам. И все киты мира — кашалоты, полосатики, остроспинные киты и черные дельфины, финвалы и гренландские киты, быки на сорок бочек, нарвалы, горбачи, желтобрюхие киты и киты-убийцы — встретят его и пустят фонтаны, и пена устремится к небесам. И Моби Дик вызовет их по списку, и все будут там, с севера до юга, от Кальяо до Рио, ни один кит не пропадет. Тогда протрубит, как в рог, Моби Дик, и все то китовое стадо нырнет, ибо ждать их бу-

дет работа внизу — поднять со дна остовы кораблей.

Когда они вынырнут, солнце будет садиться в море, далеко на западе, подобное шару красного огня. И когда край его погрузится в море, солнце застынет и пребудет, словно врата. И звезды, земля и ветер остановят свой бег. Не будет ничего, лишь море и красная арка солнца, и киты с остовами кораблей, и поток света на водах. Каждый кит поднимет корабль, обросший кораллами, и заполонят они море — суда гребные и парусные, и огромные семидесятидвухпущечники, и большие пассажирские пароходы, и военные фрегаты — зеленые от слизи корабли с поющими матросами на борту. Впереди поплывет Моби Дик, увлекая за собой лодку Господа нашего, и будут сидеть в ней все благовещенные апостолы. И Моби Дик издаст громкий рев, словно туманный горн, и выставит плавники навстречу солнцу. И все киты взревет в ответ. А утонувшие моряки будут петь свои песни и бить в колокола, наигрывая музыку, и флот их с быстротой ветра устремится к солнцу, к краю небес и воды. О, они взобьют пену, эти корабли и эти рыбы!

И когда приблизятся они к солнцу, красный его шар распахнет, как врата, и Моби Дик, и все киты, и все корабли проплывут сквозь врата в гавань Царствия Небесного. То будет великая и широкая водная гладь, и поблизости берег, и все корабли мира бросят там якоря, ряд за рядом, и с песней выступят вперед все моряки. Не будет у них больше вахт, не придется им больше сматывать канаты, не станут подгонять их пинками капитаны и помощники. Ничего не понадобится им делать, лишь только петь и бить в колокола. И бедные моряки, ушедшие на дно в жалком тряпье, сынок, оденутся в шелка и золото. И на берегу, среди пальм, будут ждать моряков отличные таверны, где мы с тобой, быть может, снова встретимся, и я буду травить свои байки, и нечем будет мне умолкать, пока не прозвонит колокол.

Münchener illustrierte Wochenschrift für Kunst und Leben. — G. Hirth's Verlag in München & Leipzig.
ALLE RECHTE VORBEHALTEN

*Х. Кристиансен. Русалка и морской змей. Обложка
 журнала «Югэнд» (1897)*

Уильям Х. Ходжсон

ТРОПИЧЕСКИЙ УЖАС

(1905)

Мы в ста тридцати днях плавания от Мельбурна и уже три недели лежим в этом мертвом, раскаленном штиле.

Полночь. Наша вахта на палубе продолжится до четырех утра. Я сажусь на крышку люка. Через минуту ко мне присоединяется Джоки, самый младший из юнг. Ему хочется поболтать. Много часов мы просидели так, разговаривая, во время ночных вахт. Правда, говорит один Джоки. С меня довольно курить и слушать. Время от времени я хмыкаю, давая понять, что не утратил нить разговора.

Джоки замолчал и склонил голову, о чем-то задумавшись. Внезапно он поднимает глаза, хочет что-то сказать, и лицо его искажает гримаса неопишуемого страха. Он отшатывается. Его глаза глядят мимо меня на какой-то невидимый мне ужас. Затем его рот открывается. Он издает сдавленный крик, падает с люка и ударяется головой о палубу. Боясь неизвестного чего, я оборачиваюсь.

Святые небеса! Над фальшбортом в ярком свете луны вздымается громадная, истекающая слюной пасть в сажень шириной. С огромных мокрых губ свисают колоссальные щупальца. Я все смотрю, а Тварь вздымается над бортом. Она поднимается, поднимается, все выше и выше. Глаз не видно — одна страшная слюнявая пасть на исполинской, похожей на древесный ствол шее. На моих глазах Тварь заползает на палубу с бесшумным проворством колоссального угря. Тянутся громадные тяжелые складки. Тело так и будет тянуться без конца? Под его весом корабль медленно и тяжело заваливается на правый борт. И после хвост, широкая плоская масса, переваливается через тиковый планширь и с гулким ударом падает на палубу.

Несколько секунд жуткое существо лежит, как гора извивающихся, склизких колец. Затем чудовищная голова стремительными бросками скользит по палубе. У задней готмачты стоят бочки с провизией, рядом недавно открытый бочонок солонины с приоткрытой крышкой. Запах мяса, как видно, влечет чудовище. Я слышу, как оно громко вдыхает и нюхает воздух. Губы открываются, показывая четыре гигантских клыка. Голова быстро дергается вперед, слышится внезапный треск и хруст. Мясо и бочонок исчезают. На шум из

кубрика выскакивает один из матросов. Он выходит в ночь и ничего не видит. Идет к корме. Теперь он *видит* и с криками ужаса бросается бежать. Слишком поздно! Из пасти Твари молниеносно вылетает длинное, широкое, сверкающе-белое лезвие, усеянное острыми зубами. Я отвожу глаза, но не могу заглушить тошнотворное чавканье.

Дозорный с носа услышал шум и видел трагическую гибель товарища. Он ищет спасения в кубрике и захлопывает за собой тяжелую железную дверь.

Плотник и парусный мастер бегут со шканцев в одном исподнем. Видя ужасающую Тварь, они кричат от страха и кидаются в кормовую каюту. Второй помощник, бросив один взгляд с юта, мчится вниз по трапу, рулевой за ним. Я слышу, как их ноги громыхают по ступеням, и вдруг понимаю, что остался на палубе один.

До сих пор я не думал об опасности. Последние несколько минут казались дурным сном. Но теперь я осознаю свое положение, стряхиваю леденящий ужас и поворачиваюсь, собираясь бежать. Замечаю Джоки: он лежит там, где упал, скорчившись и не помня себя от страха. Я не могу оставить его там. Рядом пустой ученический кубрик — маленькое строение из стали с железной дверью. Дверь с подветренного борта приоткрыта. Внутри я буду в безопасности.

Тварь прежде меня не замечала. Но теперь ее громадная бочкообразная голова поворачивается в мою сторону; раздается глухой рев и существо, вытягивая и втягивая огромный язык, кидается ко мне. Я понимаю, что нельзя терять ни секунды, хватаю беспомощного юнгу и бегу к открытой двери. До нее всего несколько ярдов, но это жуткое существо скользит ближе по палубе громадными извивающимися кольцами. Я добегаю и вваливаюсь внутрь со своей ношей. И снова на палубу — сбрасываю дверь с крюка и закрываю. Что-то белое выползает в это время из-за угла кубрика. Я прыгаю внутрь. Дверь закрыта и заперта. Сквозь толстое стекло иллюминаторов я вижу, как Тварь обвивается вокруг кубрика в тщетной попытке меня найти.

Джоки не двигается. Я опускаюсь на колени, расстегиваю его воротник и брызгаю на лицо воду из бочонка. Слы-

шу, как Морган что-то кричит. После — громкий крик ужаса и снова это тошнотворное чавканье.

Джоки беспокойно шевелится, протирает глаза и вдруг садится.

— Это кричал Морган? — захлебывается он. — Где мы? Мне снился такой страшный сон!

В эту минуту на палубе раздается топот бегущих ног. Я слышу у двери голос Моргана:

— Том, открой!

Он внезапно замолкает. Жуткий крик отчаяния. Затем я слышу, как он бежит дальше. Гляжу в иллюминатор: Морган прыгнул на фор-ванты и бешено карабкается вверх. Что-то бросается вслед за ним. В лунном свете оно отликает белым. Белое обвивается вокруг его правой лодыжки. Морган застывает, выхватывает складной нож и яростно полосует лезвием адское щупальце. Оно отпускает ногу. Миг спустя он уже наверху, карабкается по вантам изо всех сил.

Наступает тишина. Начинает светать. Не слышно ни звука, кроме тяжелого судорожного дыхания Твари. Солнце поднимается выше, и существо растягивается на палубе. Кажется, ему нравится тепло. Все еще ни звука — молчат и матросы в носовом кубрике, и офицеры на корме. Могу только предположить, что они боятся привлечь внимание Твари. Но чуть позже я слышу пистолетный выстрел где-то на корме. Змей поднимает голову и словно прислушивается. Мне удается хорошо рассмотреть его голову, и при свете дня я вижу то, что скрывала ночь.

Прямо над пастью виднеется пара маленьких свинячьих глазок. В них будто светится дьявольский разум. Змей медленно поводит головой из стороны в сторону. Неожиданно он быстро поворачивается и заглядывает в иллюминатор. Я пытаюсь скрыться от его взгляда, но не успеваю. Он видит меня и кидается с раскрытой пастью на стекло.

«Боже! — думаю я. — Что, если он разобьет стекло?» Я весь сжимаюсь. Затем я вспоминаю о железных заслонках, которыми закрывают иллюминаторы во время шторма. Не теряя ни минуты, я вскакиваю и закрываю иллюминатор крышкой. После проделываю то же с остальными. Теперь мы

в темноте, и я шепотом прошу Джоки зажечь лампу. Он копошится в темноте, и появляется свет.

За час до полуночи я засыпаю. Через несколько часов меня внезапно будит отчаянный крик и грохот черпака. Слышатся негромкие звуки борьбы, потом отвратное чавканье.

Я догадываюсь, что произошло. Один из матросов на носу решил выбраться из кубрика и принести воды. Наверное, он надеялся, что в темноте проскользнет незамеченным. Бедняга! Он заплатил жизнью за эту попытку.

Я больше не могу заснуть, хотя остаток ночи проходит спокойно. К утру я впадаю в дремоту, но каждые несколько минут вздрагиваю и просыпаюсь. Джоки мирно спит. Жуткое напряжение последних суток совсем его обессилило. Часов в восемь утра я бужу его, и мы завтракаем. Завтрак легкий: галеты и вода. К счастью, воды у нас достаточно. Джоки приходит в себя и даже начинает понемногу болтать — возможно, слишком громко. Пока он гадает, чем все это закончится, что-то с громадной силой ударяет в боковую стену. Все вокруг гудит. Джоки испуганно замолкает и больше не пытается заговорить. Мы сидим молча, и я невольно думаю о том, что поделявают сейчас остальные и каково приходится несчастным, оставшимся, как выяснилось ночью, без воды.

Около полудня я слышу гулкий звук выстрела и яростный рев. Затем раздается треск дерева, люди кричат от боли. Я тщетно спрашиваю себя, что случилось. Начинаю сообщать. Звук был громче выстрела из ружья или пистолета и, судя по безумному реву Твари, выстрел этот ранил ее. Я продолжаю раздумывать и прихожу к выводу, что люди на носу каким-то образом добрались до нашей маленькой сигнальной пушки. Я понимаю, что некоторые из них были ранены, возможно, даже убиты, и все же при реве Твари меня охватывает ликование. Видимо, существо было тяжело или, не исключено, смертельно ранено. Но через некоторое время рев смолкает и Тварь лишь изредка взрывается — скорее от злости, чем от боли.

Корабль накреняется на правый борт. Видимо, существо перебралось туда. Я радуюсь проблеску надежды: быть

может, мы ему надоели и оно вот-вот перевалится через борт и нырнет в море. Некоторое время ничего не слышно. Моя надежда крепчает. Я наклоняюсь и толкаю Джоки — он заснул, положив голову на стол. Он резко вздрагивает и громко вскрикивает.

— Тише! — хрипло шепчу я. — Не уверен, но кажется, оно ушло.

Лицо Джоки на глазах светлеет, и он жадно осыпает меня вопросами. Мы ждем еще час или около того. Надежда не оставляет нас, к нам быстро возвращается уверенность в себе. Не слышно ни звука, даже дыхания Зверя. Я достаю галеты, а Джоки, покопавшись в шкафчике — небольшой кусок свинины и бутылку с уксусом. Мы набрасываемся на еду. После долгого воздержания еда опьяняет нас, как вино. Нужно открыть дверь и убедиться, что Тварь исчезла, настаивает Джоки. Я не позволяю ему это сделать и говорю, что будет безопаснее сперва открыть заслонки и поглядеть в иллюминаторы. Джоки начинает спорить. Я непреклонен. Он приходит в возбуждение. Кажется, парень не в себе. Когда я начинаю открывать одну из крышек, он бросается к двери. Пока он возится с засовом, я хватаю его и после короткой борьбы усаживаю на место. Пытаюсь его успокоить, и тут со стороны правой двери — той самой, что Джоки пытался открыть — доносится резкое и громкое сопение и сразу вслед за ним громоподобный хриплый вой. Зловонное дыхание, пахнущее разложением, заполняет кубрик. Я дрожу с головы до ног, машинально опираюсь рукой на ящик с плотницкими инструментами — иначе я бы упал. Джоки бледнеет, как полотно, у него начинается неудержимая рвота, после он разражается горькими рыданиями.

Проходит час за часом. До смерти устав, я ложусь на ящик и пытаюсь заснуть.

Меня будит дикий шум на носу. Кажется, половина второго. Люди кричат, изрыгают проклятия, молятся. Но, несмотря на страх, голоса их звучат слабо, немошно, а посреди всего этого, время от времени прерываясь адским чавканьем, раздается жуткий рев Твари. Воплощенный ужас воцаряется во мне. Я могу лишь упасть на колени и молиться. Я хо-

рошо понимаю, что происходит.

Джоки, хвала небесам, все это время спит.

Под дверью проступает узкая полоска света. Я понимаю, что наступил второй день нашего заточения. Я не бужу Джоки. Пусть мирно спит, пока можно. Проходит час за часом, но я мало что замечаю. Тварь затихла и, видимо, спит. Около полудня я съедаю несколько галет и запиваю их глотком воды. Джоки все еще спит. Лучше так.

Тишину пререзает звук. Корабль чуть покачивается, и я сразу осознаю, что Тварь снова проснулась. Она ползает по палубе, и корабль качается сильнее. Ползет на нос — вероятно, собирается вновь забраться в кубрик. Очевидно, ничего не находит и почти сейчас же возвращается. На минуту останавливается у нашего кубрика, ползет дальше на корму. Сверху, откуда-то с фок-мачты, доносится безумный смех. Он кажется тихим и далеким. Ужасное существо внезапно замирает. Я внимательно прислушиваюсь, но не слышу ничего, кроме резкого потрескивания со стороны заднего торца кубрика, точно что-то тянет за грот-ванты.

Минуту спустя я слышу крик, за ним почти мгновенно следует громкий удар о палубу. Корабль сотрясается. Я жду, затаив от страха дыхание. Что случилось? Медленно тянутся минуты. Еще один испуганный крик. Он внезапно обрывается. Напряжение становится невыносимым, и я больше не в силах терпеть. С большой осторожностью открываю одну из заслонок, выглядываю и вижу жуткое зрелище. Чудовище, опираясь хвостом о палубу, обвилось вокруг задней грот-мачты. Его голова тянется к марса-рею, огромное клыкастое щупальце разрезает воздух. Впервые я могу разглядеть Тварь целиком. Святые небеса! В ней, должно быть, не меньше ста тонн! Понимая, что времени спрятаться хватит, я открываю иллюминатор, высовываюсь и смотрю вверх. Там, на самом конце марса-рея, сидит один из старших матросов. Даже отсюда я вижу ужас, написанный на его лице. Он замечает меня и слабым, хриплым голосом зовет на помощь. Я ничем не могу ему помочь. Я вижу, как громадный язык высовывается из пасти и слизывает его с рея, как собака слизала бы муху с подоконника.

Еще выше и, к счастью, вне пределов досягаемости чудовища, я вижу еще двоих. Насколько я могу судить, они привязались к мачте над бом-брам-реем. Тварь пытается дотянуться до них. Это ей не удастся, и она начинает скользить вниз, на палубу, спираль за спиралью. Я замечаю на ее теле, футах в двадцати от хвоста, большую кровоточащую рану.

Я перевожу взгляд на нос. Дверь кубрика сорвана с петель, переборки — тиковые, в отличие от нашего убежища — частью сломаны. Я с дрожью осознаю причину криков, которые доносились с носа после пушечного выстрела. Я поворачиваю голову и пытаюсь разглядеть фок-мачту, но ее мне не видно. Замечаю, что солнце стоит низко и начинает темнеть. Убираю голову и закрываю иллюминатор и заслонку.

Чем все это кончится? О Боже! Что с нами будет?

Джоки через некоторое время просыпается. Он очень беспокоен. Весь день он ничего не ел, но я не могу заставить его притронуться к еде.

Наступает ночь. Мы слишком устали, слишком отчаялись, чтобы разговаривать. Я ложусь, но не сплю... А время идет.

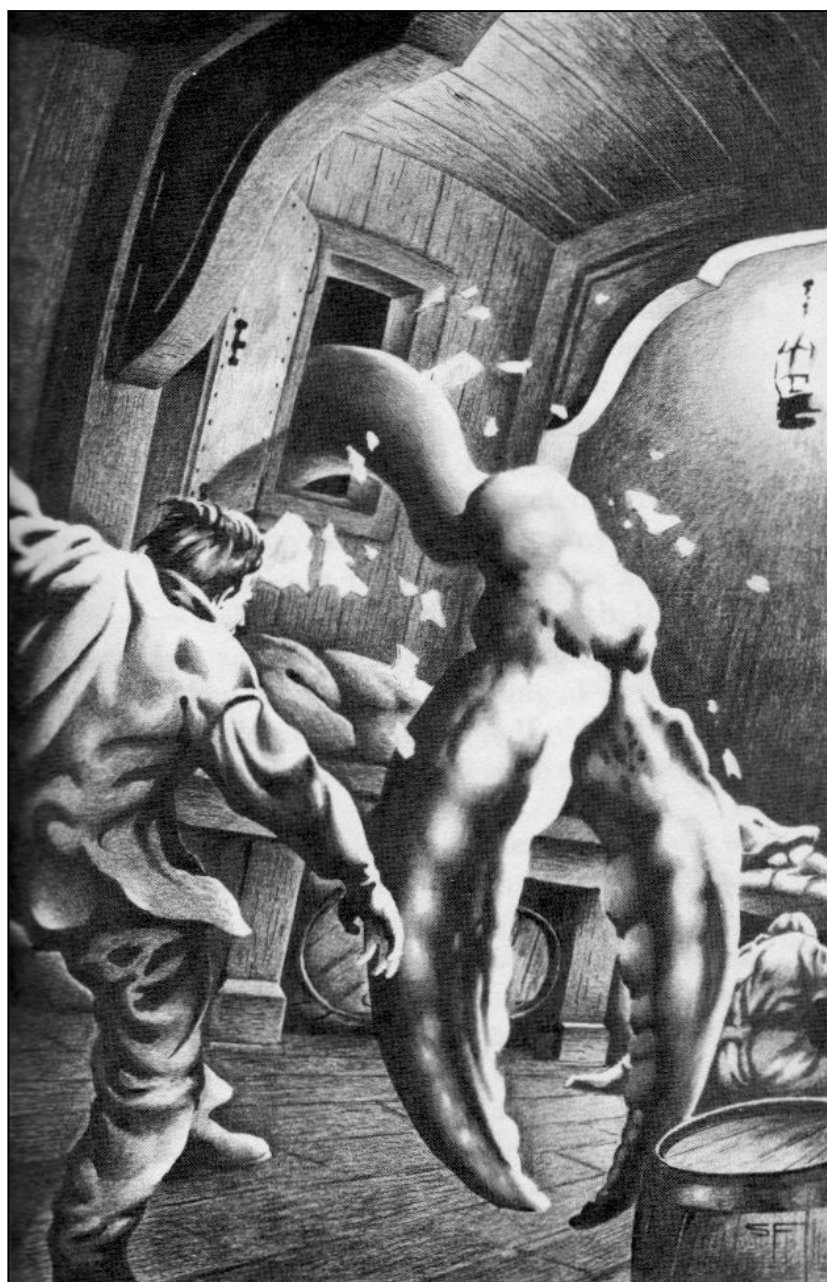
* * *

Где-то на палубе гремит вентилятор. Постоянно слышится какой-то глухой, скрежещущий звук. Позже доносится полный боли вопль кота — и снова тишина. Потом громкий всплеск у борта. Несколько часов все тихо, как в могиле. Время от времени я приподнимаюсь и прислушиваюсь. Ни звука, ни шепота. Полная тишина, стихло даже монотонное потрескивание дерева. Во мне снова оживает надежда. Этот всплеск, эта тишина — есть причины надеяться. Я решаю не будить на этот раз Джоки. Прежде я сам должен убедиться, что мы в безопасности. Я жду. Незачем попусту рисковать. Через некоторое время я на цыпочках под-

бираюсь к задней переборке и прислушиваюсь. Ни звука. Я поднимаю руку, нащупываю заслонку и все еще медлю. Но не слишком долго. Начинаю медленно открывать. Тяжелая крышка поворачивается на петлях, я отодвигаю ее и выглядываю. Сердце прерывисто стучит. Там, снаружи, полная темнота. Возможно, луна зашла за тучи. В иллюминатор вдруг заглядывает на миг лунный луч и так же быстро исчезает. Я продолжаю смотреть. Снова свет. Я словно заглядываю в колоссальную пещеру. На дне ее дрожит и извивается что-то мучнисто-белое.

Мое сердце замирает. Это он, это Ужас! Я отшатыриваюсь, пытаюсь захлопнуть тяжелую железную крышку. Что-то бьет в стекло, как паровой молот, стекло разлетается на мелкие осколки. Что-то скользит мимо меня в кубрик. Я вскрикиваю и отскакиваю. Это заполняет весь иллюминатор и тускло отсвечивает в свете лампы. Оно извивается и дергается, толстое, как ствол дерева, покрытое гладкой слизистой кожей. На конце громадная клешня, как у лобстера, но в тысячу раз больше. Я отступаю в дальний угол. Одним щелчком этой ужасной клешни оно разносит в щепы ящик с инструментами. Джоки заползает под койку. Тварь тянется ко мне. Я чувствую, как по лицу медленно стекает капля пота. На вкус она соленая. Жуткая смерть все приближается... Я с грохотом падаю на спину. Бочонок с водой, на который я опирался спиной, перевернулся, и теперь я оказываюсь на полу в луже воды. Клешня поднимается вверх, опускается быстрым, но неуверенным движением и с глухим тяжелым ударом обрушивается на пол в футах от моей головы. Джоки тихо вскрикивает от ужаса. Тварь поднимает клешню и начинает медленно ощупывать кубрик. Переворачивает койку, вытаскивает брус, перекусывает пополам, роняет и движется дальше. Ощупывает пол. Наталкивается на обломок бруса, хватает его и вытаскивает через иллюминатор...

Волна зловония окатывает кубрик. Что-то скрежещет, что-то вновь проникает сквозь иллюминатор — что-то белое, коническое, усеянное зубами. Оно разматывается все дальше и дальше, скользит по койкам, потолку и полу и скрежещет, как двуручная пила во время работы. Дважды

оно скользит над моей головой, и я закрываю глаза. Затем оно снова скользит дальше. Теперь оно в противоположном конце кубрика и ближе к Джоки. Внезапно резкий скрипучий звук становится глуше, словно зубы попадают на мягкое. Джоки издает жуткий короткий крик, переходящий в захлебывающийся, свистящий звук. Я открываю глаза. Кончик громадного языка плотно обвивается вокруг чего-то капающего, после быстро исчезает в иллюминаторе. Кубрик вновь заливает лунный свет. Я поднимаюсь на ноги. Оглядываюсь и непонимающе смотрю на разоренный кубрик, вижу сломанные ящики, перевернутые койки, вижу...

— Джоки! — кричу я.

В иллюминаторе снова показывается эта жуткая Тварь. Я оглядываюсь в поисках оружия. Я отомщу за Джоки. Ага! Вон там, прямо под лампой, в обломках разбитого ящика с плотницкими инструментами лежит топорик. Я бросаюсь вперед и хватаю его. Он маленький, но такой удобный — такой удобный! Я любовно ощупываю острый, как бритва, край лезвия. Возвращаюсь к иллюминатору. Становлюсь сбоку и поднимаю свое оружие. Громадный язык подбирается к страшным останкам. Нащупывает их. И тогда я с криком «Джоки! Джоки!» яростно бью снова, и снова, и снова, выдыхая при каждом ударе. Еще один удар, и чудовищная масса падает на пол, корчась, как ужасающий угорь. Из иллюминатора льется теплый поток. Слышен громовой рев и звон ломающейся стали. В ушах у меня гудит, все громче и громче. Кубрик расплывается и все внезапно темнеет.

* * *

Извлечение из судового журнала парохода «Испаньола»:

24 июня. ...градусов ...минут северной широты. ...градусов ...минут восточной долготы. Замечен четырехмачтовый барк по румбу Н.-В. На мачте сигнал бедствия. Подошли и спустили

шлюпку. Это оказался «Глен Дун», возвращающийся в Лондон из Мельбурна. Корабль в ужасном состоянии. Палуба покрыта кровью и слизью. Стальной учебный кубрик разбит. Сломали дверь и нашли юношу лет девятнадцати в последней стадии истощения, а также часть останков мальчика лет четырнадцати. В одном месте на полу много крови и громадная изогнутая масса беловатой плоти весом около полутонны, один конец которой кажется обрубленным острым инструментом. Дверь носового кубрика распахнута и висит на одной петле. Косяки разбиты, словно что-то протискивалось внутрь. Вошли и осмотрелись. Картина ужасная, повсюду кровь, разбитые сундуки, изорванные подвесные койки. Ни матросов, ни останков. Вернулись в малый кубрик и увидели, что юноша начал приходить в себя. Очнувшись, он назвал себя Томпсоном. Сказал, что на корабль напала громадная змея — видимо, имелся в виду морской змей. Он был очень слаб и не сумел много рассказать, но сообщил, что на грот-мачте есть люди. Послали матроса наверх. Он нашел двоих, привязанных к мачте. Они были мертвы. Осмотрели каюты на корме. Все разбито в щепы, дверь капитанской каюты лежит на палубе у ахтерлюка. Нашли в кладовой тело капитана. Офицеров нет. Среди обломков обнаружили осколок снаряда малой пушки. Вернулись на борт.

Второй помощник с шестью матросами отправлены на барк с распоряжением привести судно в порт. Томпсон с нами. Он записал свою версию событий. Мы безусловно считаем, что состояние корабля, установленное нами при осмотре, во всем согласуется с его рассказом.

(Подписано)

Уильям Нортон (капитан)
Том Бриггс (первый помощник)

Эверард Д. Эпплтон

СИНДИКАТ МОРСКОГО ЗМЕЯ

(1905)

Если бы не Джимми Рэйнс, я бы не стал и пытаться записывать эту историю. О подобных вещах я предпочитаю забыть: не очень-то приятно вспоминать о лошади, из-за которой ты проиграл свои денежки. Но Джимми, славный малый, попросил меня это сделать — а я обычно делаю то, о чем просит Джимми Рэйнс.

Он хочет, чтобы это напечатали, потому что люди не верят его рассказам (вообще-то, их нельзя за это винить); но ему кажется, что, увидев всю историю в печати, они поверят.

Синдикат Морского Змея был улыбкой фортуны — уж не знаю, доброй или злой. Он возник в маленьком летнем кафе неподалеку от Латонии, а распался на одном островке где-то к югу от Кубы. Если бы не землетрясение... но, пожалуй, я слишком тороплю события.

Начну по порядку. В тот день стояла такая жара, что еще чуть-чуть, и мы бы с Джимми расплавились, вот мы и решили на время покинуть гонки и передохнуть.

Мы заглянули в летнее кафе Джона Портера, заказали по кружке пива и сигаре и устроились в тени, откинувшись на спинки стульев. Тут отворилась вращающаяся дверь, и в кафе, ссутулившись, ввалился парень, похожий на последнего оставшегося в живых члена полярной экспедиции. Новоприбывший упал в кресло в нескольких футах от нас.

Столбик термометра маячил где-то возле отметки +38°, но на мистере Мерзляке был плащ с поднятым воротником и толстый шарф. Джимми некоторое время пристально разглядывал его, затем подмигнул мне.

— Смотри не отморозь уши, Уильям, — сказал он, когда старый Джон вышел, чтобы принять заказ у незнакомца.

У парня с собой был большой круглый сверток, и, когда Джон перегнулся через стол, повернувшись к нему здоровым ухом, чтобы лучше расслышать заказ, незнакомец крепче схватился за свой мешок, как будто он был полон алмазов.

— Мне лимонаду, — потребовал он. — Кислого, и побольше.

Я пытался вспомнить, где раньше видел этого тина, когда тот поднял взгляд и посмотрел мне прямо в лицо. В то же мгновение в нем произошла разительная перемена. Прыж-

ком преодолев разделявшее нас расстояние, он схватил меня за руку и затряс ее вверх-вниз, словно паровой двигатель, восклицая:

— Билли Мартин, Билли Мартин! Откуда ты появился?

— Я не появился, — ответил я. — Я пришел первым. Откуда ты появился, Альфонс Дулан? Вот в чем вопрос!

— Из чертовски жаркого места, — сообщил он. — Пока еще не привык к человеческой погоде, и мне здесь немного холодновато.

— Мы так и подумали, что с тобой что-то неладно, — сказал я, указывая на Джимми. — Мистер Дулан, это мой младший партнер, мистер Рэйнс. Джимми, мистер Дулан только что вернулся из отпуска в Центральной Африке.

Дулан покачал головой.

— Нет, Билли, — возразил он. — Я оттуда уехал пять лет назад. Это время я провел в местечке погорячее Африки. Застрял на островке в Карибском море, у самого экватора. И я там чуть не отдал концы от жары!

— В таком случае, не снять ли тебе плащ? — предложил я. — Последнее, что я о тебе слышал, — это то, что ты сидел в какой-то дыре в Великой Американской пустыне и ежедневно сообщал о температуре и показаниях барометра умным дядям в Вашингтон.

Альфонс подтащил к нам свой стул и узел.

— Верно, — сказал он. — Но меня оттуда перевели. Однажды я решил пошутить и послал кучу сообщений о снежной буре, сказал, что у меня инструменты покрылись льдом. Поскольку был август, они подумали, что мне следует отдохнуть пару месяцев, а затем отправили на этот самый остров. Там я и болтался четыре года, жарясь на солнце. Четыре года жары, жажды, и не с кем словечком перекинуться! Не на что смотреть, кроме кустов и песка, — великий Боже, сколько там песка! Удивительно, как остров не пошел ко дну под его тяжестью!

— По-прежнему работаешь на правительство, Альфонс? — осведомился я.

— Естественно, — ответил он. — Каждый день снимаю показания и отправляю их в Гавану, когда они вспоминают обо

мне и подбрасывают контейнер со жратвой. Я уже с ума схожу, Билли, — но ничего, осталось недолго, потому что...

Он смолк с очень хитрым видом.

— Потому что теперь у меня есть он!

— Он? — переспросил я. — Кто это — он?

— Билли. Я назвал его в твою честь, Билли Мартин, и теперь тебе есть чем гордиться.

— Ребенок? — зевнул я. После подобного начала я ожидал чего-то более захватывающего.

— Ребенок? — презрительно фыркнул он. — Вот еще! Морской змей!

Джимми пнул меня ногой под столом, и я выпрямился. Альфонс тронулся умом гораздо сильнее, чем я сначала подумал.

— О, я горжусь, — сказал я. — Правда, Альфонс. Где ты его держишь?

— На острове, — начал он, потягивая через соломинку лимонад и внимательно рассматривая меня. — В озере, образовавшемся после землетрясения. Он появился вместе с водой, и я его приручил. Он ест из моих рук, и, должен вам сказать, он хороший змей, но я не могу себе позволить содержать его. На то, чтобы поддерживать его хорошее настроение, уходят все мои припасы — и прежде всего сардины, его любимые.

— Да уж, — согласился я, — наверное, это большая роскошь — иметь ручного морского змея, Альфонс, чтобы он ходил за тобой по дому и ел из твоих рук. Но вот спать с ним вместе...

— Билли, Билли, перестань, — оборвал меня Альфонс самым разумным тоном. — Мы с тобой достаточно долго работали вместе, чтобы ты мог заподозрить меня во лжи. Я говорю чистую правду, и вот вам доказательство.

Развернув пакет, он вытащил нечто напоминающее гигантскую суповую тарелку и положил ее перед нами. Я заметил, что от нее ужасно несло рыбой. Она была сделана из чего-то вроде рога толщиной полдюйма и походила на чешую мифической рыбыны.

— Ну что ж, — сказал я. — Не глупи, Альфонс. Продолжай свою сказочку. Я тебя послушаю, если мистер Рэйнс не

против.

— Это вам не сказочка, — разозлился Альфонс. — Это чешуя моего морского змея — две недели назад он рассердился на что-то и швырнул ее в меня.

Он извлек из кармана письмо.

— Вот это самое письмо, — объяснил он, развернув его и швырнув на стол, — от секретаря Общества естественной истории, которое находится там, через реку. Прочтите сами, что он пишет: «Предмет, находящийся в собственности мистера Дулана, скорее всего, представляет собой чешую океанской рептилии, известной как морской змей».

Я взглянул на письмо. Там действительно все это было написано и еще много чего о ценности открытия и о желании властей в Вашингтоне обсудить находку с мистером Дуланом. Я читал письмо вслух, и глаза Джимми становились все больше и больше. Когда я закончил и вернул бумагу Дулану, Джимми заговорил в первый раз.

— Мистер Дулан, — начал он, — во что обойдется поездка на этот остров и перевозка вашего животного в Штаты для показа?

— Ну, я не знаю, — ответил Альфонс. — Я собираюсь съездить в Вашингтон и попросить Смитсонианский институт помочь мне.

— К черту Смитсонианский институт, — оборвал Джимми. — Неужели вы не понимаете, что можно поступить гораздо умнее? Если вы привезете животное сюда и, если оно действительно окажется таким огромным, как можно судить по этому куску рога, то вы заработаете кучу денег.

Альфонс медленно кивал головой.

— Но это обойдется не меньше чем в пять тысяч, — возразил он, — а я без гроша.

И тут Джимми в первый раз показал, что он схватывает все на лету.

— Мистер Дулан, — проговорил он, наклоняясь над «суповой тарелкой», — когда я играю, то обычно стараюсь выиграть. В прошлом месяце мы с Билли Мартином сорвали немного побольше названной вами суммы. Именно поэтому мы прохлаждаемся здесь вместо того, чтобы выколачивать из

букмекеров чужие денежки. По-видимому, мистер Мартин заинтересовался вашей историей, хоть она звучит сомнительно, и, значит, я тоже заинтересован. Я хочу сделать вам предложение. Мы отправимся на ваш остров, дорогу каждый оплачивает сам. Если этот ваш змей действительно существует, мы заплатим за его доставку сюда и разделим прибыль от его демонстрации между собой. Справедливо?

Для Джимми это была длинная речь, но смысл ее был ясен как день. Альфонс не мог не оценить такую откровенность. Поразмыслив с минуту, он взглянул на меня, а затем протянул Джимми ладонь.

— По рукам, — сказал он.

Я тоже пожал его руку, и так возник Синдикат Морского Змея Дулана-Рэйнса-Мартина.

Шестью днями позже мы уже плыли по Карибскому морю на маленьком суденышке, перевозившем фрукты, разыскивая остров Альфонса. Это была моя первая морская экспедиция и, надеюсь, последняя; теперь меня затащат на борт корабля только под наркозом. На пятый день плавания, около десяти утра, Альфонс издал дикий крик индейца и выхватил у капитана карту.

— Это мой остров, кэп! — воскликнул он, указывая на крошечную черную точку на горизонте. — Рулите туда и высаживайте нас. Я жажду снова увидеть эту кучу песка.

Не прошло и часа, как мы оказались на песчаном пригорке, поросшем чахлыми пальмами, а еще через полчаса, сидя на своих пожитках, наблюдали, как наше судно исчезает вдаль. Стояла такая жара, что на солнцепеке можно было зажарить поросенка, но Альфонс выглядел безумно счастливым. Порывшись в своем мешке, он нашел кое-что поесть, а затем мы трое разожгли трубки и принялись ждать, пока солнце немного опустится к горизонту.

— Альфонс, — начал я, когда мы растянулись под самым раскидистым деревом, — с начала нашей экспедиции я не расспрашивал тебя о подробностях. А теперь, может быть, ты расскажешь нам, как тебе удалось поймать эту твою змею.

Альфонс, сделав большую затяжку, закинул руки за голову.

— Рассказывать особенно нечего, — ответил он, — но вы имеете право знать все. Моя станция — это просто хибара, где вместо мебели стоит ящик из-под мыла. Она находится в конце оврага — то есть там был овраг. Однажды ночью началось землетрясение, и, когда все утихло, я вышел наружу взглянуть, во что превратилась местность. Ярко светила луна, и, когда я посмотрел туда, где должен был находиться мой овраг, я решил, что сошел с ума. От него ничего не осталось.

Вместо ложины передо мной кипело и пенилось озеро в полмили шириной и две мили длиной. А в озере я увидел самое любопытное создание, какое только можно себе представить. Длинной в триста футов — как-то раз я заставил его вытянуться и измерил, так что в цифрах не сомневайтесь, — и с головой, как у освежеванной коровы. Он ревел и хлопал плавниками, от него ужасно пахло. Это был Билли, и вскоре я сообразил, что произошло. От землетрясения в основании моего острова образовалась расщелина, и Билли вместе с водой попал сюда; затем щель завалило — и мы со змеей остались вдвоем.

В ту ночь мне не пришлось выспаться — гость метался по озеру, во всю глотку призывая свою родню, но к утру он выдохся и уснул на воде мирно, как ягненок. Именно тогда он и понравился мне. Не знаю, почему в тот момент я вспомнил тебя, Билл Мартин, но так уж случилось, что я назвал его в твою честь прежде, чем он смог проснуться и возразить.

Когда он открыл глаза и увидел, что я за ним наблюдаю, то вышел из себя. Высунувшись из воды на десять футов, он начал буянить: с ворчанием взмахнул головой, и та самая чешуя, благодаря которой мы встретились, полетела прямо в меня. Я отступил в сторону, и она зарылась в песок. «Послушай-ка, Билл, — сказал я, — нельзя так обращаться с хозяином этого острова. Во-первых, я тебя сюда не приглашал, ты у меня незваный гость и должен вести себя повежливее. Я не против, чтобы ты остался, но тебе придется смирить свой нрав».

Не думаю, что змей меня понял, но, судя по его виду, что-то он уловил. Он зевнул со смущенным видом, и я бросил ему кусок мяса. Он поймал мясо, развернулся и поплыл

к противоположному краю озера. С того момента он стал вести себя прилично, и у меня не было причин жаловаться. Я раньше и представить не мог, что морской змей может скрасить мое существование; я прямо скучаю по нему. Он привязчивый, и когда мы привезем его в Штаты, то легко приучим делать то, что нужно. Еще несколько недель хорошего обращения — и он станет кротким, как котенок, и поплывет за любой лодкой, в которой я буду сидеть. Слышите меня?

— А если у него на этот счет иное мнение? — спросил Джимми.

— Мистер Рэйнс, — сказал Альфонс. — Мой змей обучается хорошим манерам не в заочной школе. Если он проявит нахальство, я всегда начеку — он получит соответствующее наказание, лишившись рыбы. Это предоставьте мне. А теперь пошли — солнце садится.

Два часа мы карабкались через дюны и наконец оказались на невысоком холме, с которого открывался вид на маленькое озеро с низкорослыми деревцами по берегам и лачугой у одного конца.

— Вот, — воскликнул Альфонс, гордый, как павлин, — перед вами Дуланвилль. Великолепная панорама, не правда ли? Я подумываю о том, чтобы разделить его на участки и продавать избранным.

— Добро пожаловать в «Отель де Дулан», — пригласил он, открывая дверь и заглядывая в хижину. — Но, может, лучше сначала выгнать ящериц. Они не очень-то любят незнакомцев.

Войдя внутрь, он поднял там шум; полдюжины чешуйчатых созданий бросились во все стороны, за ними последовали сухопутные крабы и домовые змеи.

— Ну, а теперь, — провозгласил он, появляясь в дверях, — ваши апартаменты готовы, джентльмены. Входите и зарегистрируйтесь. К сожалению, все номера с ванными заняты, но к вашим услугам удобное озеро.

Когда мы распаковали вещи и устроили себе койки, солнце почти село, а Альфонс, напевая себе под нос, сновал вокруг хижины со своими горшками и сковородками. Мы с прия-

телем некоторое время наблюдали за ним, а затем Джимми обратился ко мне, понизив голос:

— Это на самом деле происходит или я сплю?

— Меня не спрашивай, — сказал я. — Чувствую, что скоро мне придется заставить себя проснуться.

Джимми покачал головой:

— Самое худшее — это то, что мы и в самом деле здесь и денежки наши теперь не вернуть. По-моему, нам придется довести это дело до конца. Но где же эта змея?

Слушая его, я взглянул на озеро, и тут волосы у меня на голове встали дыбом. Разумеется, частично я поверил в историю Альфонса, но не был готов встретиться с чудовищем так скоро и так неожиданно.

Не успел я ущипнуть себя, чтобы убедиться, что не сплю, как змей устремился к нам. Он плыл по озеру, и зрелище это было жуткое. Он напоминал водонапорную башню, и я клянусь, что он смог бы дважды обернуться вокруг ипподрома в Латонии, да еще осталось бы на пару кругов. Гигантский блестящий дождевой червь скользил по воде, и последние лучи заходящего солнца отражались от его чешуек, делая его белым, словно серебро.

Когда он нас заметил, у меня перехватило дыхание. Змей высунулся из воды футов на двадцать и притормозил, поднимая огромные волны. Глаза его по величине напоминали бочки, а когда он раскрыл пасть и продемонстрировал ряд зубов, похожий на забор, выкрашенный белой краской, Джимми не выдержал. Издав какое-то хрюканье, он замертво повалился на землю.

У меня тоже начинала кружиться голова, и я уже размышлял, как бы побыстрее добраться до побережья, предоставив Джимми и его обморок самим себе, когда из лачуги высунулся Альфонс.

— Ага! — крикнул он, появляясь в дверях со сковородой в одной руке и коробкой сардин в другой. — Билли пришел! Ну что, парни, думаю, теперь вы разобрались, дурачил вас дядюшка Альфонс или нет. Ну разве он не красавец, Уильям, — ты ведь гордишься тем, что он твой тезка?

Я попытался набрать в легкие достаточно воздуха, чтобы выразить свое мнение по этому и еще кое-каким вопросам, когда змей достиг берега, остановился и издал такой рев, от которого я рухнул прямо на Джимми. Альфонс, видимо, считал все это хорошей шуткой. Он щелкнул пальцами, подзывая чудовище.

— Сюда, Билли, иди сюда, мальчик мой, — крикнул он. — Иди, поприветствуй своего гордого старого босса и его друзей. Не забывай о хороших манерах.

Змей наклонился на фут, с минуту подозрительно оглядывал нас, затем поднял голову, оказавшись на одном уровне с лицом Альфонса. Вы бы не захотели иметь его портрет в гостиной — огромные глаза, один зеленый, другой голубой, длинные белые усы. Но Альфонсу, казалось, приятно было такое соседство; он швырнул рептилии открытую коробку сардин. Билли улыбнулся.

Вы, разумеется, никогда не видели, как улыбаются морские змеи, так что вам трудно представить себе эту картину. Но уверяю вас, вы немногое упустили, так что расстраиваться по этому поводу не стоит. Гигантская пещера с красными стенами — вот на что была похожа улыбка Билли. Я обрадовался, когда он сомкнул челюсти на коробке сардин; он, видимо, так ими увлекся, что больше не открывал рта и положил голову на песок у ног Альфонса, словно больной котенок, ожидающий ласки. Альфонс принялся чесать его скородкой, и змей лежал так минут пять, мурлыча от удовольствия и в знак благодарности.

Именно этот звук — как будто пар вырывался из двигателя — привел Джимми в чувство. Он приподнялся, взглянул на змея, и, когда тот захопал на него глазами, Джимми издал ужасный вопль. Змею вопль не понравился, и, прежде чем Альфонс смог что-то сказать, он встал на дыбы и чешуя его оцетинилась, как шерсть на загривке у бульдога. В следующее мгновение он резко взмахнул головой, и одна из роговых пластин, напоминавших тазы для умывания, пролетела у Джимми над ухом, срезав прядь волос.

— Боже мой! Убери его, убери его! — взвыл Джимми, бросаясь к хижине, а вслед ему неся еще один маленький

сувенир от морского змея.

Альфонс махнул в сторону Билли сковородой со словами:

— Веди себя прилично, Билл! Как тебе не стыдно!

Но перепуганный Билли продолжал обстреливать Джимми чешуей, пока тот не достиг лачуги и не спрятался под ящиками и бочками. Затем змей прижал к голове короткие уши, словно желая сказать, что не имел в виду ничего плохого; он снова опустил голову, прополз несколько футов по пляжу и зарылся носом в песок у ног Альфонса, прося прощения за свое поведение, как это делает любая собака.

Альфонс присел и принялся разговаривать со своим любимцем. Не желая мешать этой маленькой семейной сцене, я ускользнул прочь в поисках Джимми, который бился в истерике в самом дальнем углу «Отеля де Дулан».

Так состоялось наше знакомство с морским змеем Дулана.

Знаю, что в это трудно поверить, но не прошло и недели, как я настолько привык к соседству этого змея, что обращал на него не больше внимания, чем на крупную собаку. К тому же мы стали добрыми друзьями, хотя я так и не смог привыкнуть к его морскому дыханию — когда он ластился ко мне, оно чувствовалось особенно сильно. Каждое утро, когда я выходил поплавать в озере, он начинал прыгать при виде меня и проделывать разные упражнения, пока я не выходил из воды. Он приходил на мой зов, как и на голос Альфонса, и, по-видимому, старался изо всех сил, чтобы я почувствовал себя как дома.

Но я с сожалением должен сказать, что он так и не подружился с Джимми. Я думаю, что из-за того вопля он относился к Джимми с каким-то предубеждением. Он больше не бросался суповыми тарелками, но просто перестал им интересоваться, а Джимми, по-видимому, это несколько не огорчало. Неприязнь была взаимной. Мне кажется, Джимми с удовольствием угостил бы Билли сэндвичем с динамитом, но при Альфонсе он никогда не показывал, что выходки змея раздражают его.

Даже в тот вечер, когда Билли взял Альфонса покататься, Джимми не проявлял зависти. Змей лежал на пляже, как обычно, а Альфонс почесывал ему шею обломком доски, когда Билли пришла в голову какая-то идея. Он просунул голову под Альфонса, поднялся и устремился в озеро, а Альфонс оказался верхом у него на шее, как цирковой наездник, выступающий без седла. Билли прокатил его через озеро и обратно, и Альфонсу так это понравилось, что он уговорил меня попробовать прокатиться на следующую ночь.

После этого мы с Альфонсом каждый вечер катались на Билли раз-другой, и взамен змей просил лишь коробку сардин и три минуты почесывания головы. Я думаю, на свете не нашлось бы другого такого добродушного морского змея, как Билли.

Но, конечно, все это не могло долго продолжаться. Приближался конец, и он застиг нас врасплох. Со дня нашей высадки прошло две недели, и Альфонс только что объявил нам, что, по его мнению, Билли готов к путешествию.

— Он не попытается удрать, — сказал Альфонс, отвечая на мой вопрос. — Когда он окажется на берегу, то побоится меня покинуть. Думаю, что мы начнем завтра, а затем останется только пересечь океан, и богатство в наших руках! О Билли заговорит весь мир, не пройдет и...

Больше Альфонсу ничего сказать не удалось. Именно в этот момент остров зашатался, и вода в озере заходила ходунном, словно на дне его образовалась воронка.

Билли оглянулся на свой мирный дом, выполз на берег, скользнул под Альфонса и бросился прямо в кипящую, ревущую воду, словно за ним гнались. Альфонс, вцепившись в его уши, с воплями умолял его вернуться, но бесполезно.

Они уже достигли центра озера, когда раздался такой шум, словно одновременно вырвалась на свободу Ниагара и взорвался динамитный завод, и земля под нашими с Джимми ногами начала трястись и оползать.

На мгновение я закрыл глаза и вцепился в Джимми, сообщая, что бы сказать подходящего, а когда открыл их снова, озеро исчезло! Вместо него я увидел длинный овраг, о котором нам рассказывал Альфонс, и огромную, страшную тре-

щину, в которой булькала последняя вода. Из щели торчало несколько ярдов хвоста бедного Билли. Прежде чем я смог произнести хоть слово, хвост скрылся, и мы с Джимми остались одни!

Озеро пропало, змей пропал, землетрясение началось и закончилось, а Альфонс...

— Бежим! — заорал я.— Джимми Рэйнс, этот змей похитил Альфонса!

Джимми что-то ответил, но я его не слышал. Я несся вниз по сырому, скользкому склону, когда-то бывшему дном озера, к дыре, в которой исчез Билли. Мне и в голову не пришло, что Альфонс не может жить под водой, как Билли; они были такими большими друзьями, что я совсем забыл, какие они разные. Но тут я, споткнувшись о здоровенный камень, плашмя рухнул на землю, и удар привел меня в чувство.

— Ты прав, — сказал я Джимми, который, задыхаясь, подбежал ко мне, — бесполезно искать Альфонса. Он погиб, и от него ничего не осталось.

Джимми спрятал лицо в ладонях.

— Ужасно! — произнес он. — Даже нет останков, чтобы похоронить!

— Он слишком много хвастался, — продолжал я, — и забывал держать пальцы скрещенными!

— Но он еще жив, — раздался из-за камня слабый голос, и перед нами возник Альфонс, целый и невредимый, но промокший насквозь и изможденный.

— Когда я увидел, что происходит, — объяснил он, — то понял, что Билли пытается забрать меня к себе домой. Когда мы оказались в этом месте, я подпрыгнул и уцепился за выступ, а вода бурлила вокруг и чуть не засосала меня. Я поранил колени и костяшки рук, но не потерял ничего, кроме своего змея.

Мы усталились на узкую трещину, поглотившую наше состояние, но чувствовали себя слишком плохо, чтобы разговаривать.

— Мне кажется, — начал Джимми через некоторое время, — что нет смысла плакать по сбежавшему морскому змею.

Сделаем то, что нам осталось. Мы все поставили на Билли и проиграли. Пора возвращаться в Штаты!

— Думаю, вы правы, — ответил Альфонс, — и землетрясение ликвидировало дела Синдиката Морского Змея. Что ж, джентльмены, мне жаль, но я надеюсь, вы меня не вините. Я смог приручить морского змея, но я не в силах управлять землетрясениями.

На следующий день мы отправились к побережью. Однако Альфонс и слышать не желал о том, чтобы поехать с нами.

— Здесь моя работа, — сказал он, — здесь я и останусь. — И затем он тоскливо добавил со слезами в голосе: — А если Билли когда-нибудь вернется, я не хочу, чтобы он думал, будто я бросил его.

Нам повезло, и через два часа после того, как мы оказались на побережье, мы заметили корабль, и капитан послал шлюпку, чтобы забрать нас. Джимми и я обменялись крепкими рукопожатиями с Альфонсом, и, взойдя на корабль, мы провожали его взглядом, пока остров не исчез вдаль.

Это произошло пять лет назад — и с тех пор мы ничего не слышали об Альфонсе. Поэтому я думаю, что Синдикат Морского Змея окончательно распался в тот день, когда Билли исчез в расщелине.

VOL. XXXVII. No. 960.

PUCK BUILDING, New York, July 31st, 1895.
Copyright, 1895, by Koppier & Schwarzsman.

PRICE 10 CENTS.

Puck

Entered at N. Y. P. O. as Second-class Mail Matter.

THE SEA-SERPENT SEASON UPON US AGAIN.

THE LATEST AND MOST IMPROBABLE FEAT OF THE SENSATION-NEWSPAPER MAN'S IMAGINATION.

«И снова сезон морского змея. Последняя и самая невероятная выходка сенсационного воображения газетчиков». Обложка журнала «Пак» (1895).

Гувернер Моррис

МОРСКОЙ ЗМЕЙ

(1907)

то прямо-таки сводит меня с ума, сэр! — воскликнул Винклер. — Вечно моряков обвиняют во лжи! А морские змеи есть, конечно, есть. Их десятки. И десятки вполне трезвых людей их видали и рассказывали о них, а их называли лжецами. И еще десятки вполне трезвых людей видали их, но ничего не рассказывали. Вот вам доказательство, сэр, что не одна только

трезвость делает человека мудрым. Думаете, знающие свое дело и море моряки не верят? Вряд ли найдется один из сотни, кто не верит в морских змеев. Возьмите меня. Я мог бы порассказать такое, что волосы на голове у самых опытных матросов встали бы дыбом. Но вы бы лишь посмеялись надо мной, сэр, прикрываясь рукой. Так что я рассказываю вам только то, во что всякий может поверить. Рассказать о морском змее, которого я видел своими глазами? А что толку? Если я расскажу вам о двухголовой акуле, вы поверите. И в голубую чайку поверите. И даже в пиратов...

— А ты проверь меня на морском змее, Винклер, — сказал я. — Было бы несправедливо заранее меня судить. Скажу тебе по секрету... ты слышал когда-нибудь о человеке по фамилии Киплинг?

— Он моряк, сэр?

— Среди прочего, — ответил я, — но занимался он и другими делами. Он на все руки мастер — то моряк, то солдат. Потом вдруг делается инженером и построит корабль или мост; или станет фермером и начнет разводить лошадей, а то музыкантом и будет сочинять песни. И все это он делает лучше любого другого.

— Фараллон тоже такой был, — заметил Винклер. — Так что вы говорили?

— А то, что этот человек однажды рассказал мне — мне и другим — историю о морском змее. Змей всплыл из самых глубин моря. Он был выброшен наверх землетрясением. Цветом он напоминал серую тину на морском дне. Он был слеп,

и у него были длинные белые усы, а все тело было покрыто водорослями и ракушками. Киплинг это так все рассказал, что я всегда верил в подобного морского змея. Он даже иногда мне снился — высовывал из тумана свою слепую голову, и я дрожал от ужаса.

— Он появился в тумане, сэр? — встрепнулся Винклер.

— Да, — ответил я. — Дело было в тропиках, и когда землетрясение выбросило в горячий воздух холодную воду из глубин, образовался туман.

— Мой тоже появился в тумане, — сказал Винклер. — Но он не был белым, и слепым не был, — с некоторым разочарованием добавил он. — Он был скорее цвета угря. Правда, оброс ракушками, как змей вашего Киплинга. И что, устроил тот змей переполох?

— Нет, — сказал я. — Он был ужасно испуган. Он был ранен во время землетрясения и умер, а его подруга плавала вокруг него, и все это навевало не страх, но печаль, а может, и то и другое вместе.

— Мой, — сказал Винклер, — поднял регулярный переполох — до, во время и после. Было это ни в каких не тропиках, а прямо у Санди-Хук, на пути пассажирских лайнеров. Стоял густой, дымный туман, и мы лежали в дрейфе. Никакого шторма, просто тихие высокие волны. И ни звука, только слышались сирены, а иногда по целым минутам и их не было слышно. В одну такую тихую минуту стояли мы у борта с Брейни Мак-Ганом и еще одним парнем, Ходж его звали, поплевывали в воду и разговаривали, и вдруг слышим такой долгий свистящий звук, как будто откуда-то выходит пар, а потом плеск, точно волны набегают на берег.

— Что это, как вы думаете? — спрашивает Брейни.

— Будто пар спускают, — говорю я, — и одновременно вода плещется о скалу.

— Нет здесь скал, — говорит Брейни.

— А вдруг это шипит морской змей? — говорит Ходж.

— Парень, — говорю я, — поостерегись, не накликай беды. Оставь морских змей в покое, и они тебя не тронут.

Некоторое время мы не слышали ничего, кроме сирен. Потом из тумана показалась рыбацья плоскодонка и проплыла мимо нас. Лодка была завалена рыбой, и грести рыбаку было трудно. Плоскодонка шла медленно, и к тому же против течения.

— Поднажми, — говорит Брейни, — не то отстанешь от своих в тумане.

Рыбак поворачивает голову и ухмыляется, но ничего не отвечает, потому как совсем запыхался. Потом он и его лодка исчезают в тумане.

— Снова этот проклятый шум, — говорит Брейни. — Слушайте!

Мы прислушиваемся, сэр, и внезапно, сэр, из тумана доносится хриплый крик, такой крик, какой не под силу ни одной человеческой глотке.

Мы глядим друг на друга и дрожим.

— Это был неприятный шум, — говорит Брейни.

Тут капитан высовывает голову из люка.

— Кто там вопит? — спрашивает он.

— Не знаю, сэр, — говорит Брейни. — Глядите, ребята!

Мы смотрим, и на нас из тумана снова выплывает лодка — пустая. Она подплыла так близко, что Брейни зацепил ее багром. Из борта был вырван кусок размером с соломенную шляпу, сэр. Его будто выгрызли. И помните, сэр, лодка была завалена рыбой? Так вот, ни одной рыбешки не осталось. Рыбак исчез и рыба тоже. Мы докладываем капитану.

Потом мы все кричим. И прислушиваемся.

Ответ, сэр, доносится сверху, словно там прорвало трубу. Мы от испуга приседаем, поворачиваемся и смотрим вверх. И там, сэр, в сорока футах над водой, между мачтами болтается голова змея, сидящая на длинном блестящем теле, которое высовывается из воды. Пасть змеи открыта, и я вижу ряды белых зубов, загнутых к горлу, а язык так и мелькает, как мушиные крылья. Я чувствую дыхание, выходящее из этой пасти, и пахнет оно, сэр, миллионом дохлых рыб, закопанных и снова отрытых. Потом, сэр, голова опускается к нам. Я кричу и отшатываюсь, закрыв глаза. Через секунду открываю и вижу, что змей поднял Ходжа на половину высоты мачты, а тот свисает у него из пасти — змей схватил его челюстями поперек туловища, совсем как собака палку. Затем он и змей опускаются за борт и исчезают в море.

Помню, мы с Брейни и капитаном сбились в кучку, хныкали и рыдали, как пьяные, а через минуту сползли вниз и начали заливать горе, что твои рыбы.

Вдруг мы услышали, что кто-то зовет на помощь.

— Иди и посмотри, что там такое, Мак-Ган, — говорит капитан.

Брейни делает два шага и останавливается.

— Не могу, — говорит он.

— Я пойду, — говорит капитан, идет к себе в каюту и возвращается с револьвером.

— Я тоже пойду, — говорит Брейни.

Мы поднимаемся на палубу и там, сэр, видим, как Ходж перелезает через планширь. Одежда на нем вся мокрая, он весь в слизи и пахнет дохлой рыбой.

— Дайте мне выпить, — говорит он.

Мы спускаемся вниз и выпиваем еще. Пьем с час или больше. Потом капитан спрашивает:

— Что с тобой случилось, Ходж?

— Ради Бога, — говорит Ходж, — не спрашивайте.

Он молчит и долго не отвечает, пока мы засыпаем его вопросами. Потом говорит:

— Капитан, я надеюсь, вы мне поверите, если я расскажу, как все было.

— Господи, — говорит капитан, — да я сейчас во что угодно поверю.

— И мы с Брейни тоже, — говорю я.

— Хорошо, — говорит Ходж. — Тогда я вам расскажу. Змей проглотил меня и выплюнул.

И больше он ничего не сказал. С того дня он страшно изменился, стал сам не свой. Вскоре он бросил море и завел ферму в Аризоне, а потом, как я слышал, его укусила гремучая змея и он помер.

— Послушай-ка, Винклер, — спросил я. — А капитан занес в судовой журнал запись о змее?

— Нет, сэр, — отозвался Винклер. — Судовладельцы его бы уволили.

— Это точно, — заметил я. — И это был единственный морской змей, которого ты видел?

— Да, сэр, — ответил Винклер. — Но в некоторых местах они попадают довольно часто.

КОММЕНТАРИИ

Предлагаемая читателю книга *Из глубины глубин* является первым, насколько нам известно, опытом антологии фантастических произведений о морском змее, по крайней мере в европейской и американской практике. Антология охватывает период почти в 150 лет, начиная с 1830-х гг.; многие включенные в нее произведения впервые переведены на русский язык.

Мы говорим о первой антологии такого рода, хотя в 1989 г. вышла антология Г. Дозуа и Д. Данна *Seaserpents!* Однако, несмотря на заглавие, куда больше места, чем морскому змею, в ней было уделено т. наз. «озерным чудовищам», что на наш взгляд является отдельной темой.

Большим подспорьем в работе стала для нас составленная Ч. Арментом, неутомимым собирателем криптозоологических фантазий, антология *Cetus Insolitus: Sea Serpents, Giant Cephalopods, and Other Marine Monsters in Classic Science Fiction and Fantasy* (2008). Но и в этой книге, как показывает уже заглавие, произведения о морском змее сочетаются с рассказами о прочих «монстрах моря».

Наша антология не претендует, конечно, на максимальную полноту. В книгу (за исключением отрывков из отдельных произведений) не включались повести и романы; также не были включены произведения, посвященные «озерным монстрам», как то прославленной Несси и т.п.

Фронтисписами к обоим томам служат работы А. Рэкхема (1867-1939).

Г. К. Честертон. Чудовища и Чудовище, именуемое Человеком

Эссе Г. К. Честертон (1874-1936) было впервые опубликовано в *Illustrated London News* (1934, 6 января) в качестве регулярной колонки писателя. Пер. А. Шермана.

С. 9. ...кипятит пучину, как котел — См. Иов 41:23.

С. 10. ...Маргейте — Маргейт — Приморский курортный город в графстве Кент.

С. 10. ...доктора Джонсона — Речь идет о прославленном английском поэте, эссеисте, литературном критике и лексикографе С. Джонсоне (1704-1784).

С. 10. ...Кельтских Сумерек — также «Кельтское возрождение» или «кельтомания», общее название различных западноевропейских интеллектуальных течений, представителей которых влекли различные аспекты кельтской культуры.

С. 11. Роберт Линд... У. Б. Йейтс — Р. Линд (1879-1949) — англо-ирландский писатель, литературный критик и эссеист; У. Б. Йейтс (1865-1939) — ирландский поэт и писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1923).

Ф. Марриет. Из романа «Многосказочный паша»

Отрывок взят из романа *The Pasha of Many Tales* (1835). Публикуется по изд.: *Многосказочный паша*. Соч. капитана Марриета. Пер. с англ. Ч. 2. М., 1843.

Капитан Ф. Марриет (1792-1848) — британский морской офицер, прошедший четверть века, полных приключений, на службе в королевском флоте, изобретатель спасательной шлюпки и широко употреблявшейся в XIX в. системы морских сигналов-вымпелов, основоположник (наряду с Д. Ф. Купером) западной «морской беллетристики». Весьма популярные в свое время произведения Марриета включали приключенческие романы, путевые заметки, эссе и рассказы, а также книги для подростков.

Как можно видеть уже по этому отрывку, пародирующему и без того сказочные путешествия Синдбада из *Тысячи и одной ночи*, а также следующему за ним рассказу У. Кингстона, фантастические произведения XIX в., посвященные морскому змею, начинались с пародий и юмористики (причем часто стилизовались под «моряцкие байки»). Причина ясна: свидетельства о морском змее, в первой половине XIX в. — да и позднее — щедро пересыпанные мистификациями, казались слишком невероятными и ученым, и рядовым обывателям, а заряд скептицизма и неверия был слишком велик.

Упражнения в области подобных «юмористических баек» продолжались десятки лет, но лишь немногие одаренные писатели наподобие У. Джейкобса в рассказе *Соперники по красоте* (1894) сумели подняться над средним уровнем. Некоторые образцы такого рода рассказов включены в антологию, хотя мы решили обойтись без примечательного *Дэниеля Уэбстера и морского змея* (1937) известного американского поэта и писателя С. В. Бене (1898-1943) — рассказа изобретательного, но чересчур насыщенного сугубо американскими реалиями. Приведем, однако, финал этой истории об одинокой морской змее, влюбившейся в знаменитого политика, юриста и оратора Д. Уэбстера:

— Поди сюда, Саманточка. Властью, данной мне в качестве Государственного секретаря, действуя по специальному приказу Президента Соединенных Штатов и Военно-Морского секретаря, я ставлю твое имя в эту пустую графу и прикомандирываю тебя к военно-морскому флоту США в качестве 44-пушечного фрегата, действующего с особыми поручениями и удостоенного права поднимать контр-адмиральский флаг и принимать салют из соответствующего количества пушек при встрече с другими кораблями в американских водах. И, согласно указанному специальному приказу, я направляю тебя в южные моря, где ты будешь крейсировать вплоть до получения дальнейших указаний с целью найти достойного и подходящего мужа, со всеми правами, привилегиями, обязанностями и полномочиями, касающимися указанного поиска и указанного американского гражданства, как сказано выше. Да здравствует Колумбия! Подписано: Джон Тайлер, президент. К чему прилагается паспорт, подписанный Дэниелом Вебстером, Государственным секретарем, с обращением ко всем иностранным государствам касательно свободного пропуска американской гражданки Саманты Доу, направляющейся по своим законным делам и заданиям.

Он на миг понизил голос и задумчиво добавил:

— Американский корвет «Бенджамин Франклин» сообщает, что 3 февраля нынешнего года встретил у берегов Сандвичевых островов симпатичного молодого морского змея. Упомянутый змей насчитывал семьдесят две спирали и при встрече с кораблем направлялся на полной скорости на юго-юго-запад.

Не успел он договорить, как Саманточка в последний раз подняла голову и издала последний долгий и гулкий крик. Она по-

глядела на Дэниеля Уэбстера, и в ее глазах было сожаление, но сожаление это было окрашено пылкой надеждой.

Затем она взбила пену и мигом исчезла из виду, оставив лишь след на залитых лунным светом водах Потомака.

<...>

И, должен вам сказать, Дэниель Уэбстер выполнил свои обещания. Пока он оставался Государственным секретарем Соединенных Штатов, 44-пушечный фрегат «Саманта Доу» был прикомандирован с особыми поручениями к военно-морскому флоту. Некоторые говорят, что прикомандирован он до сих пор, и что не кто иной, как Саманта, подала Эриксону идею построить «Монитор» во время Гражданской войны — если только сама она не была тем «Монитором». А когда «Белый флот» отправился в кругосветное путешествие во времена Тедди Рузвельта, в вороньем гнезде на мачте флагманского корабля сидел в одну тихую ночь дозорный. Флот проходил тогда мимо поросших пальмами островов южных морей. И вдруг вода закипела, поднялись исполинские фосфоресцирующие волны, и показалась пара морских змеев и семеро детенышей, и все они спокойно и величественно трижды проплыли вокруг корабля. Дозорный протер глаза: нет, все так и было. Он был единственным, кто видел это, и на следующее утро его посадили за это в арестантскую. Но он до самой смерти божился, что змеи подняли в ту ночь звездно-полосатый флаг.

Еще одно юмористическо-сатирическое произведение, оставшееся за бортом антологии, безусловно, является наиболее странным сочинением о морском змее, когда-либо увидевшим свет. Эта книга, впервые вышедшая анонимно в Кембридже в 1849 г., публиковалась позднее под псевдонимом «Волна» и настоящим именем автора, выпускника Гарварда, массачусетского поэта, юриста и земледельца Ю. Батчелдера (1822-1878) и за два года выдержала четыре (!) издания.

A Romance of the Sea-Serpent, or, The Ichthyosaurus — своеобразная мениппова сатира в шести «кольцах» или «спиралях» и на 172 страницах, написанная частью стихами, частью рифмованной прозой. Адекватный перевод ее представляет собой сложную и едва ли благодарную задачу. Тем не менее, мы не могли отказать себе в удовольствии привести две гравюры из этой книги, а также краткий пересказ содержания, сделанный Д. Сэмсоном для *Encyclopedia of American Literature of the Sea and Great Lakes* (2000):

Действие начинается на борту яхты «Надежда». Главный герой Дик Форбс и другие «красавцы и красавицы» плывут в Нахант, Массачусетс, летний курорт бостонской элиты, проведя несколько недель в Ньюпорте (Род-Айленд), новомодном центре светской жизни. Пока пассажиры вспоминают рассказы о морском змее,

титульный персонаж выползает на берег в Наханте, пожирает нескольких людей, многих других до смерти пугает и ныряет в море поблизости от яхты. Затем он слушает рассказы о себе и, в ответ на замечания скептиков, нападает на яхту и издевательски пожирает их в приступе злобы.

Следующая сцена, пародирующая «Потерянный рай» Д. Мильтона (1557), изображает собрание обитателей глубин под патронатом «Его Змеиног Величества». Змей заявляет, что собирается отлучиться, так как был приглашен на несколько вечеринок в Ньюпорте, где все только и мечтают увидеть особу королевских кровей, а также на актовый день в Гарварде, где ему намерены вручить диплом почетного доктора. Змей отправляется в Кембридж, нападает на проктора, бежит в Ньюпорт, устраивает бесчинства

на балу и, преследуемый гостями, исчезает в море. Дик Форбс организует грандиозную облаву и одолевает змея и его водную свиту.

Сочинение Батчелдера можно было бы списать по разряду «легкомысленного сатирического выпада по адресу модного курортного общества и современного увлечения морскими чудовищами», как поступает Сэмсон. С другой стороны, почти половину книги занимают цитаты из научных трудов, различного рода рассуждения о морском змее и свидетельства очевидцев, что наряду с многочисленными литературными и библейскими аллюзиями, колоссальным количеством эпитафий и т. д. делает Батчелдера прямым предшественником Г. Мелвилла и его *Моби Дика* (1851).

У. Г. Кингстон. Хвост морского змея

Впервые: *Ainsworth's Magazine* (London), 1848, Vol. XIV, под назв. «The Tail of the Big Sea-Serpent». Пер. В. Барсукова.

У. Г. Кингстон (1814-1880) — английский беллетрист и путешественник, автор приключенческих и исторических романов,

путевых очерков, книг о географических открытиях и приключениях в экзотических странах, переводчик Ж. Верна; наиболее известен как автор произведений и редактор периодических изданий, предназначенных для юношеской аудитории.

Рассказ У. Кингстона откровенно пародирует обстоятельства встречи британского корвета «Дедал» с морским змеем 6 августа 1848 г., о которой мы будем подробно говорить ниже (ср. названия кораблей — «Диддлеус» и «Дедал», англ. «Daedalus»), а также свидетельства капитана и офицеров «Дедала» и разгоревшиеся по этому поводу ученые споры. К этому случаю и к капитану «Дедала» Питеру Ма-Куа (M'Quhae) и относится авторское примечание в конце рассказа с извинениями перед «храбрым офицером».

С. 19. *Старого Моряка* — намек на знаменитую поэму английского романтика С. Т. Кольриджа (1772-1834) *Старый моряк* (Сказание о старом мореплавателе, опубл. 1798).

С. 24. ...*старине Нику* — «Старина Ник» — прозвище дьявола.

С. 24. ...*Кораллового острова... Чикчик* — О жизни капитана Джонсона на Коралловом острове и его женитьбе на туземной принцессе повествуется в рассказе Кингстона *Коралловый остров*, опубликованном ранее в том же томе журнала.

С. 31. ...*суперкарго одного древнего купца... Эней... Палинур* — храбрый капитан вольно излагает фабулу «Энеиды» Вергилия, где Палинур — кормчий героя Энея.

С. 32. ...*засунул кончик хвоста в пасть* — Нетрудно увидеть здесь образ уробороса и, в частности, Мирового змея скандинавской мифологии. В то же время, Ф. Бассет указывает в кн. *Legends and Superstitions of the Sea and Sailors in all Lands and at all Times* (1885) на рассказы мореплавателей о том, что змей «порой сворачивается вокруг корабля в кольцо, и моряки оказываются окружены со всех сторон».

С. 33. ...*хогсхеда* — Хогсхед — бочка вместимостью в 60 галлонов (около 240 л).

Ч. Сибери. Поимка морского змея

Впервые: *New York Daily Tribune*, 1852, № 3386, 24 февр., под назв. «Capture of the Sea Serpent». Пер. Л. Панаевой.

Эта мистификация, впервые напечатанная в *Нью-Йорк Дейли Трибюн*, обошла страницы многих американских и европейских газет. В кн. *Le Grand Serpent-de-Mer: Le probleme zoologique et sa solution* (1965) один из основателей современной криптозоологии Б. Эйвельманс (1916-2001) называет данный текст «обладателем Оскара среди мистификаций» и пишет: «Единственная история о поимке морского змея, обманувшая даже некоторых специалистов, была преподнесена в 1852 году капитаном Сибери с китобоя “Мононгахела”. Письмо, которое этот морской волк — или, скорее, писатель-юморист — прислал в феврале того года в “Нью-Йорк трибюн”, является настоящим шедевром этого жанра, достойным соперником мистификаций Эдгара По. По правде говоря, отточенность стиля этой подделки выдает ее, рассказ слишком ловок, слишком драматичен, наполнен выразительными деталями, чтобы не выйти из-под пера профессионала. Даже рядом с “Моби Диком” он не выглядел бы фальшивым».

Г. К. Андерсен. Большой морской змей

Впервые: *Illustreret Tidende*, 1871, 17 дек., под загл. «Den store Søslange». Публикуется по изд.: Андерсен Х. К. *Сказки. Истории. Новые сказки и истории* (М., 1995) с исправлением некоторых устаревших особенностей орфографии. Пер. А. и П. Ганзен. Рис. Л. Фрелиха.

С. 50. ...*телеграфный кабель* — Первый действующий телеграфный кабель, соединивший Старый и Новый свет (точнее, Ирландию и Ньюфаундленд) был проложен в 1858 г.; в 1866 г. завершилась прокладка более современного кабеля. Возможно, на создание этой «современной сказки», предназначенной для американской аудитории (и опубликованной в январе 1872 г. в *Riverside Magazine*) Андерсена вдохновило сравнение телеграфного кабеля с морским змеем в *Двадцати тысячах лье под водой* Ж. Верна (первая публ. 1869-1870).

С. 59. ...*благодатный змей Мидгарда* — В скандинавской мифологии Мидгард — срединный мир, населенный людьми и окруженный океаном, на дне которого лежит Мировой змей Ёрмунганд (Мидгардсорм), вцепившийся в собственный хвост.

III. Ренар. Морской змей

Впервые: *Le Monde Illustré*, 1881, 8 октября. Пер. Л. Панаевой.

В оригинале заметка была снабжена следующим редакционным предисловием: «Мы оставляем за автором письма и приложенного наброска всю ответственность за утверждения, которые кажутся нам по меньшей мере странными и подробности которых мы сообщаем читателям с подобающей осторожностью».

Цитировавшийся нами выше Б. Эйвельманс охарактеризовал эту беспшабашную заметку как «ряд забавных, едва прикрытых шуток <...> Последняя насмешка над доверчивым читателем — место, где якобы произошла встреча: 29°60 северной широты, долгота — 42°40. Для несведущего человека 29°60 звучит серьезно и точно, но любой знаток прочитал бы просто 30°... Что касается рисунка самого змея <...> — это, без сомнения, прехорошенький портрет чудовища, который когда бы то ни было появлялся на свет. Надо только заметить, что он воспроизводил портрет монстра, который, пожалуй, чаще всего появлялся в печати, во всяком случае во Франции».

С. 62. ...*семь подписей* — еще одна шутка, т. к. имен перечислено всего шесть.

С. 62. ...*Морис Ренар* — Поразительное совпадение: мог ли автор мистификации догадываться, что в XX в. некий Морис Ренар из Шалонь-ан-Шампань (1875-1939) станет одним из лучших фантастов Франции!

С. 65. «*Шаривари*»... «*Конститусьонель*» — Французская официозная газета *Le Constitutionnel* (1815-1914), опубликовавшая в 1840-х гг. фантастическую историю о морском змее, надолго

стала предметом насмешек, в том числе и со стороны иллюстрированного журн. *Le Charivari* (1832-1937), а сама публикация

*О. Домье. Из серии «Мелкие буржуа» («Шаривари», 20 окт. 1846.)
Подпись под рисунком гласила: «Похоже, в Индийском океане вновь
появился морской змей!... — О Господи!.. это невозможно!.. —
Конечно же, возможно, раз об этом напечатано
в “Consdtitutionnel”, а значит...»*

стала нарицательной. О ней поминали А. Дюма и О. Бальзак; ср. также иронический выпад в *Двадцати тысячах лье* под водой Ж. Верна: «<...> донесения Харингтона, добропорядочность которого не подлежит сомнению, утверждавшего, что в 1857 году, находясь на борту “Кастиллана”, он собственными глазами видел чудовищного морского змея, до того времени посещавшего только воды блаженной памяти “Конститусьонель”». Именно в те годы во французский, английский и немецкий языки вошло выражение «морской змей» как обозначение регулярно повторяющейся газетной утки.

С. 65. ...картофельной эпидемии — Речь идет об эпидемии фитофтороза (заболевания растений) в середине и второй половине 1840-х гг., вызвавшей Великий голод в Ирландии и повлекшей за собой смерть до миллиона жителей Северной Европы, в том числе около 10,000 во Франции.

Д. К. Хатчесон. Рассказ Джима Ньюмана

Рассказ был опубликован в авторском сб. *Tom Finch's Monkey and how He dined with the Admiral* (1886). Пер. А. Шермана.

Д. К. Хатчесон (1840-1897) — британский писатель-маринист, автор романов и рассказов.

В рассказе цитируется подлинное письмо капитана «Дедала» Ма-Кайе, опубликованное в *Таймс* 13 октября 1848 г., однако по неизвестной причине заменяет в первом абзаце название газеты (*Глоб* вместо *Таймс*).

Встреча «Дедала» с неведомым морским существом 6 августа 1848 г. стала одним из самых известных в истории случаев наблюдения морского змея. Как указывает в кн. *The Great Sea Serpent: An Historical and Critical Treatise* (1892) А. Удеманс, «никакое сообщение о морском змее так не подорвало недоверие сотен и тысяч, как так называемый отчет “Дедала”». И действительно, на сей раз о морском змее сообщал капитан и офицеры Королевского флота, чья честность не могла быть поставлена под сомнение.

Шумиха поднялась после публикации в *Таймс* 9 октября заметки о встрече «Дедала» с морским змеем. В целом эта заметка повторяла сведения, приведенные затем в письме Ма-Куа, одна-

ко имелись в ней и фантастические детали: «Когда оно [существо] разевало челюсти, полную больших зазубренных клыков, места между ними было достаточно, чтобы там поместился во весь рост высокий человек».

После публикации письма Ма-Куа в номере *Illustrated London News* от 28 октября была опубликована знаменитая статья с рисовками морского змея. Редактор издания писал: «Указанные рисунки были направлены членам адмиралтейского совета и, благодаря любезности капитана Ма-Куа, нашему художнику было разрешено скопировать эти изобразительные свидетельства и под наблюдением капитана Ма-Куа проиллюстрировать внешний вид Змея; капитан Ма-Куа подтверждает достоверность деталей относительно его положения и облика» (см. илл. на следующих страницах).

В разгоревшихся вслед за тем научных спорах большую роль сыграл выдающийся английский палеонтолог и биолог Р. Оуэн (1804-1892), считавший, что офицеры «Дедала» видели огромного тюленя. По мнению ряда современных исследователей, команда «Дедала» встретила с китом-сейвалом (ивасевым полосатиком), занятым т. наз. «скользящим» сбором пищи; кит при этом скользит у поверхности воды, выставив в воздух верхнюю челюсть.

С. 67. ...*Саутси-кастлом* — Саутси-кастл — артиллерийский форт, построенный в XVI в. для защиты пролива Солент.

С. 70 ...*Порт-Филиппе* — Порт-Филипп — залив на юге австралийского штата Виктория.

С. 79 ... *à fleur d'eau* — на поверхности воды (фр.).

Р. Киплинг. Истинная правда

Впервые: *People*, 1892, январь, под назв. «A Matter of Fact». Рассказ вошел в авторский сб. *Many Inventions* (1893). Пер. С. Шаргородского. Илл. У. Стренга.

Рассказ такого мастера, как Р. Киплинг (1865-1936) стал вехой в развитии темы морского змея и повлиял на многих более

поздних авторов. Следующие ниже комментарии принадлежат переводчику; использованы некоторые комментарии П. Хавхольма.

С. 82. *And if ye doubt...* — Мы не взяли на себя смелость перевода этого стихотворного эпиграфа; вкратце, автор приглашает тех, кто не верит его рассказу, в подводный мир южной части Тихого океана и описывает его обитателей вплоть до «белого слепого Морского Змея и его невесты», которые дремлют в глубинах, пока «давно забытые корабли опускаются во тьме к их губам».

С. 83. ...*масон* — Киплинг состоял в различных масонских ложах с 1885 г. (когда стал секретарем ложи «Надежда и настойчивость» в Лахоре) и написал целый ряд масонских текстов в стихах и прозе.

С. 83. ...*перевоза рабочих-кули* — имеются в виду рабочие-мигранты из Индии.

С. 83. ...*плоская печать ... стереотипии* — Речь идет о различных способах типографской печати.

С. 83. ... «*Рэтмайнс*» — Пароход в рассказе носит имя одного из районов Дублина.

С. 84. ...*моральных границ в обработке корреспонденций* — Обработка и расширенный пересказ лаконичных телеграмм репортеров входили в обязанности младших редакторов газет (каким был в свое время и Киплинг), которые в идеале должны были проявлять осмотрительность и не предаваться полету фантазии.

С. 84. ...*ласкару* — Ласкар — матрос-индеец на европейских кораблях.

С. 84. ...*на Бруклинском мосту ... люди насмерть давили друг друга* — В мае 1860 г., через шесть дней после открытия Бруклинского моста в Нью-Йорке, на мосту возникла паническая давка, в которой погибли не менее 12 человек.

С. 84. ...«*ослиного правления*» — намек на упрямство и негибкость бурского правительства Трансвааля.

С. 85. ...*боцман ... «Фритьоф-датчанин»* — Боцман у штурвала — одна из «морских» ошибок в рассказе, которую ставили Киплинг на вид суровые критики; на небольшом корабле наподобие «Рэтмайнса», впрочем, такое не исключалось. Фритьоф-датчанин — имеется в виду герой древнеисландской саги конца XIII–XIV в. Фритьоф Смелый.

С. 87. ...*одобренной Департаментом торговли* — Т. е. установившейся на британских судах как часть стандартного оборудования.

С. 88. ...*«Пемброк-Кастл»* — один из пароходов упомянутой ниже «Castle Mail Packet Company», совершавший в 1883–1906 гг. регулярные рейсы в Южную Африку.

С. 87. ...*сорок четыре градуса... шестидесяти восьми* — по Фаренгейту; соответственно, 7° и 20° С.

С. 89. ...*«Парижа»* — «Париж» — знаменитый в свое время лайнер, обладатель «Голубой ленты», впервые пересекший Атлантику менее чем за шесть дней. Прослужил под разными названиями и в разном качестве с 1889 до 1923 г.

С. 90. ...*библейской кипящей мази* — «Он [Левиафан] кипятит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь» (Иов 41:23).

С. 90. *Hur illa!* — Здесь: «Какой ужас!» (*шведск.*).

С. 93. ...*Нидлсский маяк* — маяк на скалах Нидлс острова Уайт у берегов Англии.

С. 94. ...*Ньюмаркет-Хит* — известный ипподром и центр скакового дела в Англии.

С. 94. ...*двойного орла* — «Двойной орел» — американская золотая монета номиналом в 20 долларов, чеканившаяся с 1849 по 1933 г.

С. 95. ...*Винчестерский собор* — Готический собор XI в. в Винчестере (Хэмпшир), выстроенный на месте храма VII в.

С. 95. *Посмотрите хотя бы на эту первую полосу!* — На

первой полосе *Таймс* в период написания рассказа печатались объявления.

У. В. Джейкобс. Соперники по красоте

Впервые: *Million*, 1895, 30 марта, под назв. «The Rival Beauties». Анонимный русский пер. публикуется по: *Вокруг света* (Л.), 1928, № 48 с исправлением некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Илл. Г. Фитингофа.

У. В. Джейкобс (1863-1943) — английский писатель и драматург. Наиболее известен своими юмористическими рассказами, многие из которых посвящены морской тематике; среди его произведений есть и фантастические сочинения, и рассказы ужасов. Был очень популярен и много переводился в России.

С. 107. ...от Санди-Хука — Санди-Хук — коса у берега Нью-Джерси, прикрывающая с моря гавань Нью-Йорка.

Б. Хеминг. Из повести «Молодой Джек Гаркавей»

Впервые: *Wide Awake Library* (New York), 1897, №. 1334, 27 августа. Пер. М. Фоменко.

Б. Хеминг (1841-1901) — английский адвокат и писатель, автор многочисленных романов и повестей, выходивших в том числе в «грошовых» изданиях. Считается одним из самых успешных авторов поздневикторианской прозы для подростков благодаря созданному им образу Джека Гаркавея; его приключениям Хеминг посвятил свыше 30 произведений, написанных на протяжении тридцати лет.

Д. Мейсфилд. Порт всех кораблей

Пер. выполнен по авторскому сб. *A Mainsail Haul* (1913). Пер. Л. Панаевой.

Д. Мейсфилд (1878-1967) — английский поэт, писатель и драматург, автор романов, рассказов, многочисленных сб. стихотворений, с 1930 г. — поэт-лауреат Великобритании. В молодости провел несколько лет в море, путешествовал в Чили, вел жизнь бродяги и рабочего в Нью-Йорке.

В тексте широко использованы мотивы *Моби Дика* Г. Мелвилла, что касается не только образа собственно Моби Дика, но и мистических настроений, перечня китов и т.д.

У. К. Ходжсон. Тропический ужас

Впервые: *The Grand Magazine*, 1905. № 5, июнь, под назв. «A Tropical Horror». Пер. А. Шермана. Илл. С. Фабиана.

У. Х. Ходжсон (1877-1918) — английский писатель, поэт, фотограф, моряк и культурист, автор фантастических, мистических, научно-фантастических романов и рассказов, посмертно признанный классиком «фантастики странного». Обратился к писательству, проведя немало лет в плаваниях, что объясняет морскую тематику многих его произведений. «Визитной карточкой» Ходжсона стали сочинения в духе «морских ужасов», первым из которых и был приведенный в антологии рассказ. Писатель погиб под Ипром во время Первой мировой войны.

У. Ходжсон был первым и долгое время единственным писателем после Р. Киплинга, полноценно реализовавшим весь потенциал ужасного, связанный с образом морского змея. Однако истинным воплощением «ужаса глубин» стал не морской змей, а головоногие. Писатели от Г. Мелвилла до В. Гюго и Ж. Верна, а также десятки менее талантливых авторов, с содроганием описывали колоссальных спрутов, гигантских кальмаров и прочие олицетворения легендарного Кракена; именно видения спрутообразных существ легли в основу «мифологии» школы Г. Ф. Лавкрафта.

Характерен случай Ж. Верна: создав в *Двадцати тысячах лье под водой*, казалось бы, совершенные условия и декорации для появления морского змея, писатель отделяется от него ироническими замечаниями, но посвящает целую главку нападению спрутов на «Наутилус». Ж. Верн в определенном смысле реабилитировал себя и морского змея в романе *Les Histoires de Jean-*

Ж. Ру. Иллюстрация к роману Ж. Верна «Истории Жана-Мари Кабидулена»

Marie Cabidoulin (Истории Жана-Мари Кабидулена, 1901), который собирался назвать *Морской змей*. Впрочем, морской змей в этом романе остается невидимым, а вопрос его существования — открытым. Ж. Верн решительно провозглашает в книге, что в море нет «змеев, спрутов, кальмаров такого размера и такой силы, что могут потопить судно средних размеров». Но очевидно, что и в конце 1860-х годов, и тридцать лет спустя морской змей даже сравнительно скромных размеров казался Ж. Верну существом слишком мифическим, чтобы его можно было показать читателю.

Можно заметить, однако, что и Ходжсон не выдерживает «чистоту образа»: его морской змей обладает телом «колоссального угря», щупальцами и присосками, как головоногие, клешней, как ракообразные, а в дополнение клыками и зубастым языком. Иными словами, это в сущности коллаж — составной монстр, объединяющий в себе черты всех морских чудовищ.

Э. Д. Эплтон. Синдикат Морского Змея

Впервые: *Royal Magazine*, 1905, апрель, под назв. «The Sea Serpent Syndicate». Пер. О. Ратниковой. Пер. взят из сетевых источников.

Э. Д. Эплтон (1872-1931) — американский поэт, журналист; как прозаик, отметился рядом юмористически-фантастических рассказов.

С. 138. *Синдикат Морского Змея* — Как ни странно, подаривший заглавие рассказу «Синдикат Морского Змея» действительно существовал. Так называлась компания, созданная около 1900 г. английским изобретателем аттракционов В. Стенningом для эксплуатации развлекательного электрического поезда в виде фантастического морского змея.

С. 138. ...покинуть гонки — На самом деле речь идет о скачках, а именно о знаменитом дерби в Латонии (ныне район Ковингтона) в Кентукки.

С. 141. ...Смитсоновский институт — Также Смитсоновский институт, научно-исследовательское и образовательное уч-

реждение в США с огромным комплексом музеев, основанное в 1846 г.

Г. Моррис. Морской змей

Впервые: *The Outing Magazine*, 1907, № 6, март. Пер. М. Фоменко. Илл. Ф. Д. Стила.

Г. Моррис (официально Г. Моррис IV, 1876-1953) — американский писатель, автор популярных романов и рассказов, в том числе приключенческих, правнук одного из отцов-основателей США Г. Морриса. Несколько его произведений были экранизированы.

Оглавление

Г. К. Честертон. Чудовища и Чудовище, именуемое Человек. <i>Пер. А. Шермана</i>	8
Ф. Марриет. Из романа «Многосказочный паша»	13
У. Г. Кингстон. Хвост морского змея. <i>Пер. В. Барсукова</i>	18
Ч. Сибири. Поимка морского змея. <i>Пер. Л. Панаевой</i>	38
Х. К. Андерсен. Большой морской змей. <i>Пер. А. и П. Ганзен</i>	48
Ш. Ренар. Морской змей. <i>Пер. Л. Панаевой</i>	62
Д. Хатчесон. Рассказ Джима Ньюмана. <i>Пер. А. Шермана</i>	67
Р. Киплинг. Истинная правда. <i>Пер. С. Шаргородского</i>	82
У. Джейкобс. Соперники по красоте	99
Б. Хеминг. Из повести «Молодой Джек Гаркавей». <i>Пер. М. Фоменко</i>	113
Д. Мейсфилд. Порт всех кораблей. <i>Пер. Л. Панаевой</i>	121
У. Ходжсон. Тропический ужас. <i>Пер. А. Шермана</i>	125
Э. Эпплтон. Синдикат Морского Змея. <i>Пер. О. Ратниковой</i>	137
Г. Моррис. Морской змей. <i>Пер. М. Фоменко</i>	152
Комментарии	158

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.